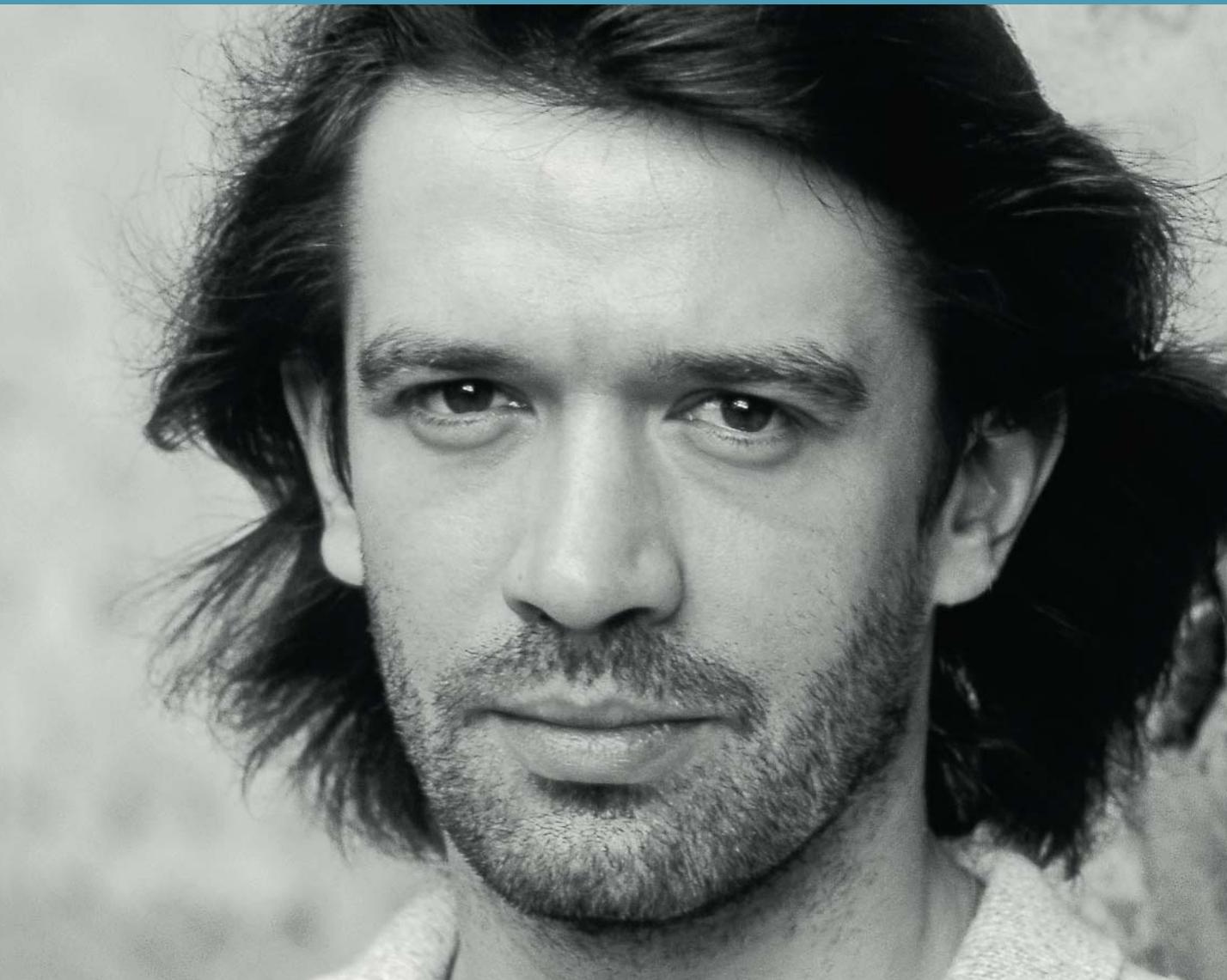

STORY

сентябрь '16
№ 9 (95)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Владимир Машков: «Многие мои герои во много раз лучше меня. Я их слушаю и учусь у них»

Владимир Машков

«Я себя дрессировал как собаку. К цели шёл как танк»

Саддам Хусейн
Вождь, не любивший
персов, евреев и мух

Дмитрий Набоков
Сын автора «Лолиты»
и агент ЦРУ

Евгений Примаков
Политик и его любовная
доктрина

16+

Korloff
PARIS

*take me to the Moon**

* Забери меня на Луну

И снова осень

Мне повезло учиться во времена, когда считалось, что труд облагораживает. Ну, или хотя бы помогает превращать подростка в человека. В начале каждого учебного года школьников всей страны (да и студентов тоже) в обязательном порядке отправляли совершенствоваться на поля.

Начало осени вне школьных стен было для нас едва ли не лучшей порой. И вовсе не из-за полезности облагораживающего труда. Наступало время, когда ртутный столбик на градусниках наконец сползёт с 45, воздух, плотный от пыли, станет прозрачным и принесёт запахи спелых персиков, дынь и винограда и нашим рабочим местом будет не парта со школьной доской, а белоснежное хлопковое поле, убегающее за горизонт, прямо к отрогам Памира – к гигантскому амфитеатру головокружительных вершин.

Хлопок будет для нас сатисфакцией за так стремительно промелькнувшее, даже в Азии, лето. Хлопок будет для нас прыжком в свободу и взрослую жизнь... И мы не станем с усердием строителей узкоколеек из программной «Закалявшейся стали» очищать колючие коробочки от белой ваты (ежедневная норма сдачи хлопка для школьника – 50 кг, больше 15 кг собрать мне не удалось ни разу). Мы будем валяться прямо на земле под самым высоким хлопковым кустом, и резаться в карты, и пересказывать друг другу виденные на каникулах фильмы и прочитанные книжки, и слушать «Пинк Флойд» попеременно с БГ и «Наутилусом». И будет нам наплевать, что бригадир, местный житель с пунцовыми от солнца, а вовсе не от застен-

чивости щеками, в войлочном колпаке, ватном халате и на коне, обнаружив нас, бездельников, зычно крикнет: «Э-э-э, чё разлеглись?! Кто норма сдавать будет?..» И станет наказывать нагайкой несобранный урожай. Белые клочья разлетятся во все стороны. И щёки его станут ещё пунцовой. А мы перейдём в наступление, мы спросим его строго, не по-детски: «Почему у вас такой плохой урожай? Вон у узбеков за арыком... всего десять метров, а хлопок отличный!» И бригадир, таращась на нас, возьмёт паузу, которой позавидовала бы Джулия Ламберт из мюзикла «Театра», потом поднимет палец и изречёт: «Кыргызстан – северный страна, у нас всё плохо растёт, Узбекистан – южный страна, плодородный, там всё растёт хорошо»...

И когда знойно-синее небо враз, будто щёлкнули выключателем, перейдёт в ночь – уставившись на звёзды, мы заглянем бесконечности в глаза, и несмело выдохнем первые признания, и захлебнёмся восторгом от первых поцелуев, и впервые доверим другому свои грандиозные жизненные планы...

А потом наступает то, о чём поётся в песне: «В суету городов и в потоки машин возвращаемся мы – просто некуда деться...»

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

16+

Главный редактор Елена Кузьменко

Главный художник Инга Мачан

Зам. главного редактора Майя Чаплыгина

Фоторедактор Светлана Навроцкая

Редактор Наталья Смирнова

Корректор Наталья Камышанская

Секретарь редакции Мария Дембицкая

Над номером работали

Марина Бойкова, Лилия Гушина, Евгений Ю. Додолев,

Максим Кантор, Екатерина Корнеева,

Ирина Кравченко, Дмитрий Минченок, Александр

Никонов, Илья Носырев, Валерий Попов,

Инна Садовская, Игорь Свинарченко,

Эдуард Тополь, Ольга Филатова

Издатель Елена Каякина

Распространение

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран

Маркетинг Марина Цховребова

PR Ольга Егорова

Производство Александр Бутузов

Препресс Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3

тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэзин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель),

Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Юлия Балашова, Дмитрий Бурмистров,

Евгений Шингарёв

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе

по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи

и охраны культурного наследия в 2013 г.,

свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269

от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»

Распространяется по всей территории России

Тираж 223 200 экз. Цена свободная

Выход в свет 24.08.2016 года

Фото на обложке: Микола Гнисюк

Редакция журнала не несёт ответственности за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов

и их фрагментов возможно только с письменного разрешения ООО «Стори мэгэзин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц. Сентябрь

В этом месяце детективная писательница Александра Маринина осуществила вековую мечту русской женщины, а композитор Мишель Легран – полувековую

10 Однажды...

Джереми Айронс узнал, что испытывает человек, на которого без повода и причин сваливается подарок, а Светлана Немоляева поняла, в чём корень зла семейной жизни

14 Кто придумал... Воспитание детей: андрейд

18 Жизнь удалась. Валерий Попов

Уроки Грузии

20 Линия отрыва. Вера Павлова

Молочные реки

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

22 Обстоятельства жизни. Человек не на своём месте

С внешностью голливудского любовника – и единожды женат? С VIP-клиентурой – и на свободе с чистой совестью? Надо быть адвокатом Павлом Астаховым, чтобы так всё искусно и талантливо совмещать. Или просто адвокатом?

32 Отпечатки. Безумства храбрых

Существует ли на свете идеальный актёр? Наши режиссёры такого дела и вдобавок бриллианты коллегам женского пола дарит. Неужели Владимир Машков и вправду идеал?

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

46 Мой... Шварц

Вероника Долина – о том, как сказочник Шварц стал её «защитным слоем»

52 Притча. Саддамазо

Как вышло, что Саддам Хусейн в сознании обывателей превратился в замену Гитлера? Уродился злодеем или, как нынче водится, опять подло оклеветали?

64 История живописи. Лица Гольбейна

Ганс Гольбейн Младший писал портреты великих – и портреты великих гуманистов, и портреты великих тиранов. Причём никого не превознёс и никого не осудил. Сохранял нейтралитет, а зачем?

74 Легенда. Пазлы века

Как Дмитрий Владимирович Набоков конкурировал с Лучано Паваротти, покупал маме дом в комплекте с соседом и стал героем романа Дмитрия Минчёнка «Порванная тетива»

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

86 Неформат. Сигары, кофе и комсомол

О том, как восемьсот комсомольцев ездили в ГДР с гусями, дудуками, ченгурами и ртутью

94 Частная жизнь. Эффект Примакова

Если спросить у пресс-службы важных людей про личную жизнь этих самых людей, то «служба» ответит – у политиков нет личной жизни. Но на самом деле она есть. Потому что политик тоже человек, и Евгений Примаков – тому гарант и порука

102 Роман с продолжением. Азарт

Глава, в которой рассказывается, какие скелеты прячутся в корабельном трюме

◎ ГЛАВА 5. Люди и вещи

110 История цивилизации. Возраст Б.

Когда наступает переход из девушки в даму? В бальзаковском возрасте. А в какое время приходит этот злокозненный возраст? И главное, какие у него симптомы?

120 Коллекция. Чемпион по мусору

Александр Петлюра 30 лет занимается винтажом и уже близок к отгадке – что же в этом старье такого важного и ценного, что буквально сводит с ума?

128 Путешествие. Передоз на Ибице

После финикийцев остров Ибицу вторично открыли хиппи и сделали его Меккой для бродяг и олигархов. А вот что там делал Эдуард Тополь?

136 Угощение. Эмир и его жирный город

Тимур Тамерлан после разгрома Золотой Орды устроил празднество на двадцать шесть дней. Иноземные гости, приглашённые на пир, оставили там последнее здоровье. Ну а как иначе? Кто сытно ест, тот доблестно воюет

140 Гороскоп. Педант мысли

Если у вашего чада учебники и тетради сложены в немислимом порядке, если он (она) по-стариковски ворчит, пока его одноклассники ходят на головах, знайте – ваш ребёнок Дева, а из Дев выходят великие упорядочиватели хаоса жизни. Такие, например, как философ Гегель

144 Библиотека. Архивности

SWISS
image
SWITZERLAND

разглаживает морщины

восстанавливает контуры лица

ИННОВАЦИЯ

DISCOVER
AGELESS BEAUTY*

Реклама

100% УВЛАЖНЕННАЯ КОЖА
80% ГЛАДКАЯ КОЖА БЕЗ МОРЩИН
67% МЕНЬШЕ ВОЗРАСТНЫХ ПЯТЕН

Снежные водоросли, талая вода альпийских ледников и экстракты швейцарских трав разглаживают морщины, делают кожу упругой, улучшают цвет лица и борются с возрастной пигментацией

*Открой секрет молодости

www.swissimage.ru

Переписка

Выхода нет или вход запрещён?

После публикации о рассеянном склерозе написала героине материала – Светлане Касаткиной. Получила ответ от Бориса Жерлыгина. Заявил, что я должна добровольно внести 30 евро для вступления в его клуб. Попавшая не помощью людям, попавшим в беду, а некой сектой и вымоганием денег.

Анна Красикова

Недавно мужу моей близкой подруги, едва перешагнувшие тридцатилетие, поставили страшный диагноз: рассеянный склероз. Я нашла интернет-страницы Светланы Касаткиной и Бориса Жерлыгина и обратилась к ним. Вот что мне ответила Светлана: «Попасть на консультацию к нам с диагнозом РС непросто. Необходимо сначала прочитать эту книгу». Ответ Бориса: «Приём веду на спортивных базах, которые расположены в горах. Детали только на собеседовании после обязательства членом семьи не разглашать информацию». Также он скинул ссылку на страницу в «ЖЖ» с информацией о правилах вступления в группу. Я считаю преступлением играть на чувствах читателей.

Ваша постоянная читательница А.А. Коварнева

Приз за лучшее письмо – набор косметики HIMALAYA – вручается А.А. Коварневой

Отвечают Светлана Касаткина и Борис Жерлыгин

Дорогие! У нас очень много обращений. И помочь всем больным мы просто физически не в состоянии. Поэтому приходится проводить отбор среди больных. Поскольку мы не врачи и клятвы Гиппократова не давали, помогать всем страждущим не обязаны. Мы – спортивный клуб и помогаем только членам клуба, за вступление в который берём 30 евро. На эти деньги мы издаём литературу о нашем взгляде на болезни. И перед первым приёмом рекомендованную книгу необходимо прочесть, в противном случае нам пришлось бы каждому больному долго рассказывать одно и то

же. Что же касаясь неразглашения «закрытой» информации, то подобные правила есть во многих спортивных клубах, имеющих свои наработки и тренировочные методики. И это важно для нас! Дело в том, что неверно понятые и неточно транслированные приёмы и спортивные техники, которые мы у себя в клубе используем, без должного контроля могут нанести вред. Поэтому одним из условий и является неразглашение информации: мы не хотим нести ответственность за то, что не можем проконтролировать. Те, кому не нравятся наши правила, могут к нам не обращаться – государственные поликлиники бесплатны. И еще: методики развития миелита не для изнеженных потребителей, привыкших, чтобы им предоставляли медицину как услугу – заплатил и получил результат. Тут придётся много работать. И те, кто не смог преодолеть даже первый этап в виде прочтения книги, не преодолеют второй. Мы принимаем только тех, кто готов идти до конца в нелёгкой борьбе с недугом. Подобные люди есть, пусть их не так много, как желающих излечиться при помощи волшебной таблетки, но всем желающим мы всё равно помочь не можем. Поэтому мы нигде и не рекламируемся. Нас находят сами. ☺

Уважаемые читатели!

ТЕПЕРЬ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА STORY, В РАЗДЕЛЕ «МАГАЗИН», ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ С ИХ АВТОГРАФАМИ:

Екатерина Маркова «Каприз фаворита», психологическая проза

Дмитрий Лиханов «Жанры жизни», очерки и расследования

Александр Никонов «Духовные скрепы Курочки Рябы»

Александр Никонов «Наполеон. Попытка № 2»

Подробности на сайте: www.story.ru

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*В которой французская актриса
Маша Мериль дважды соблазняет одного
и того же композитора **с.6***

.....

*а ударник социалистического труда
Алексей Стаханов раздваивается
на Джекила и Хайда **с.8***

Сентябрь

Сентябрь 1964 Мишеля Леграна постиг солнечный удар

Место действия – мечта Остапа Бендера – Рио-де-Жанейро. Молодой, но уже знаменитый композитор на пляже Копакабаны вытаскивает из воды тонущего друга, а тот знакомит спасителя с обворожительной актрисой. Героев зовут Маша и Миша. Француз и француженка, оба с русскими корнями. Он – внук армянина-эмигранта, она – урождённая княжна Гагарина. В той, прошлой жизни была бы Мария Владимировна, в нынешней – Маша Мериль. Под шелест пальм, босса-нову, шум прибоя и прочую романтику вспыхивает роман, полный сказочного

счастья. Но Бразильский международный кинофестиваль, на который они оба приехали, заканчивается, и праздник резко перерастает в драму. Влюблённые обещают никогда больше не встречаться и не искать друг друга, чего бы им это ни стоило. Маша возвращается к жениху (свадьба через неделю), Мишель – к жене и детям. Они расстаются, договорившись, что не будут убивать своей любовью близких. С разбитыми сердцами, но выполняя свои обязательства. Так они решили, но... В пылу чувств порой трудно бывает определить – то ли это курортный роман, то ли «солнечный удар». То ли на три дня, то ли до гробовой доски. Важно, как и где поставить решающую точку...

Проходит пятьдесят лет. Легран достигает всех мыслимых высот (только «Оскар» три!). У него три развода и четверо детей. Маша Мериль играет в театре и кино, пишет книги, только официальных мужей у неё трое, а романов не счесть.

А теперь – внимание! Увенчанный лаврами 82-летний Легран приезжает в театр, где играет 73-летняя Маша, и принимается как заведённый ходиль на все её спектакли, понимая, что всю свою жизнь он любил именно эту женщину. Жил с другими, а вот любил – её! И мадам Мериль сдаётся под напором взаимных чувств. Дальше – венчание, ради которого католик Легран принимает православие, ну а потом

молодожёны пишут оперу, он – музыку, она – слова.

«Говорят много глупостей по поводу возраста – что это некий итог, обретение мудрости... Тогда как возраст – это строго наоборот. Это обрете-

решил, что луганскому углекопу правильной быть тёзкой писателя Горького, чем князя из романа «Война и мир». С мнением журналиста согласился И.В. Сталин. «Алексей – красивое русское имя, былинное, мне нра-

рал трудовой кинематографичный пот, улыбался фотографам и светлому завтра. Опальный Андрей бил зеркала в кабаках, женился на девятиклассницах, дрался, засыпал в салатах, просыпался в тоске, терял ор-

ние свободы. С годами мы становимся по-хорошему бесстрашными, как бывает, наверное, в ранней юности».

[Маша Мериль]

3 сентября 1935 Ударнику Стаханову поменяли имя

Накануне забойщик шахты «Центральная-Ирмино» А. Стаханов совершил подвиг, добыв для страны за одну смену двухнедельную норму угля. Страна подвиг заметила и сообщила о нём в передовой статье газеты «Правда». То ли от спешки, то ли от лени корреспондент расшифровал инициалы новорождённого героя по собственному усмотрению и промахнулся, назвав Андрея Алексеем. Может,

– заметил генсек, когда ему доложили об ошибке. И добавил, уже без улыбки: «Газета «Правда» ошибаться не может». Наутро Андрей Стаханов получил новый паспорт с новым именем. Шахтёр пробовал сопротивляться, писал то жалобные, то протестующие письма, но сверху погрозили жёлтым табачным пальцем, и он затих.

Смена имени – далеко не формальный акт. К другому имени прирастает другая судьба. Собственно, с этой целью с ним и расстаются. Когда же крещение насильственное, происходит раздвоение и судьбы, и личности. Плакатный Алексей подавал пример, вёл, произносил дистиллированные речи на съездах, перерезал ленточки, оти-

дена Ленина, которые тут же восстанавливали и вновь призывали на пиджак его безупречного двойника. Андрей Стаханов умер в психиатрической больнице. Алексей здравствует и поныне, воплотившись в пароходы, строчки и другие долгие дела.

«Передайте Стаханову, что ему придётся, если не прекратит загуль, поменять и знаменитую фамилию на более скромную».

[И.В. Сталин]

6 сентября 1934 Уснула и не проснулась Сонечка Голлидей

Софье Евгеньевне Голлидей, некогда звезде Второй студии МХАТа, не было и сорока. О том, что у неё неоперабель-

ный рак, Сонечке не сообщили. Она была уверена, что боли пройдут – помогает же горячая грелка! Увы... Лишь через три года во Франции о её смерти узнала Марина Цветаева – и села писать свою «Повесть о Сонечке» – оплакивать, объясняться в любви, возводить «памятник нерукотворный». А кто такая была эта Голлидей? Актриса одной роли – Настеньки в «Белых ночах». Режиссёры её не любили – слишком трудная, дерзкая. Невыросший ребёнок, девочка из романов Диккенса, старинная миниатюра. Или как у Цветаевой: «Ландыш, ландыш белоснежный, / Розан аленький! / Каждый говорил ей нежно: / «Моя маленькая!» / – Ликом – чистая иконка, / Пеньем – пеньочка... – / И качал её тихонько / На коленочке». Они обе были влюблены в одного вахтанговского актёра – Юрия Завадского. Бесчувственный красавец не снизошёл ни до одной. И тогда девичий водопад обрушился на

Марину. Институтка, раба любви, которой нужно было вечно поклоняться и вечно умирать от несчастной страсти, своими пылкими чувствами она всех только пугала. Её любовь была из тех подарков, которые принять тяжело, а ответить нечем. Но для Марины это оказалось то самое: «...раз в жизни я не только ничего не добавила, а – еле со владала, то есть получила в полную меру – моего охвата и отдачи».

Соня уехала на гастроли и не вернулась. Как всегда, влюбилась, бросила Вахтанговскую студию ради какого-то комбрига, и ею, как всегда, пренебрегли. А потом была судьба провинциальной актрисы, точно по Чехову, только в Советской России. 1919 год, когда Соня с Мариной были подругами, с обысками и пайками, оказался в жизни обеих лучшим. Сонечка, рискуя жизнью, носила еду юнкерам в храм Христа Спасителя, добывала булочки для купидона

Завадского, требовала от Мариных жильцов, чтобы не смели развешивать своё «поганое» бельё в кабинете поэта. Девочка из позапрошлого века, невеста, чьи женихи ушли добровольцами на фронт, актриса, для которой не было ролей (слишком маленькая), жена, так и не полюбившая обожавшего её мужа... Что было делать на свете этому маленькому отважному эльфу?

«Всё, всё ей было дано, чтобы быть без ума, без души, на коленях – любимой: и дар, и жар, и красота, и ум, и неизъяснимая прелесть... и всё это в её руках было – прах, потому что она сама хотела – сама любить. Сама любила».

[М. Цветаева. «Повесть о Сонечке»]

Сентябрь 1794 Михаил Кутузов получил неожиданное назначение

Директорами Сухопутного шляхетского кадетского корпуса были в основном приближённые ко двору иностранцы – Миних, Люберас, Ульрих, Гессен, Ангальт. Чем руководствовалась Екатерина Вторая, назначая на эту должность далёкого от дворцовых коридоров русака? Когда Кутузов принялся ломать местные порядки, «чины» корпуса возроптали – развалит «одноглазый» кузницу российского офицерства! Но в кузнице, где содержалось более шестисот кадетов от пяти до двадцати лет, ковали, скорее, светских львов. Чему их только не учили – астрономии, архитектуре, красноречию и даже бухгалтерскому делу. Вот только стрелять они не умели, что такое штыковой бой, не ведали и имели смутное понятие об армейской дисциплине. Столкнувшись с неавантажной российской реальностью, выпускники этой «оранжереи» частенько бросали службу и успокаивались в тихих дворянских гнёздах.

Кутузов озадачил кадетов, с ходу объявив, что относиться к ним он будет не как к детям, а как к солдатам. Сибаритство и куртуазности – к чёрту. Начались гимнастика, бег, плавание, летние военные лагеря. Однако на директора продолжали строчить доносы, наезжал с инспекциями наследник Павел, выражал недовольство отсутствием париков, пудры, помад и прочей дорогой его сердцу галантереи. А когда умерла царица-матушка, новый император тут же убрал Кутузова. А вот о чём думала Екатерина, ставя боевого генерала на должность педагога-администратора, стало ясно, когда вознёсся Александрийский столп в честь победы над Наполеоном. Трёх лет директорства Кутузову хватило, чтобы воспитать целую плеяду будущих героев русско-турецких и наполеоновских войн.

«Вид директор имел грозный, но не пугающий, а более привлекательный. Часто являлся между нами в свободные часы, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь ласки, на которые он не был скуп».

[Из воспоминаний кадета
И.С. Жиркевича]

Сентябрь 1993 В журнале «Милиция» дебютировала Александра Маринина

Вместе с ней в нашу литературу проник новый жанр – женский детектив. Проник и расцвёл буйным цветом. А по-другому и быть не могло. У русской женщины по вине исторических обстоятельств воображение наследственно криминогенное. Иоганн Корб, секретарь австрийского посольства при дворе Петра Первого, в своём дневнике писал: «У московитян жениться в четвёртый раз грешно, и они наилучше обращаются с третьей женой. С первыми же двумя обращаются словно с невольницами. Надежды на новый брак порождают в них мысль

о причинении жене смерти». Иначе говоря, первые две жены были почти обречены – во всех условиях, на протяжении веков. Спаситься можно было или похоронив себя живо в монастыре, или опередив мужа в душегубстве. Заточению в монастырь молодой организм сопротивлялся. Оставалось убийство. Да не простое, а идеальное. Потому что за «причинение смерти жене» наказывали в административном порядке: заплатил необременительный штраф – и свободен. За «причинение смерти мужу» зарывали по шею в землю. В 1740 году зарывание заменили более гуманной экзекуцией – отсечением головы. Тысячи русских жён, движимые инстинктом самосохранения, столетие за столетием вынашивали и совершали своё идеальное убийство. У кого-то получалось, у кого-то нет, это неважно. Главное – массовость и длительность явления, которые не могли

не отразиться на национальном характере.

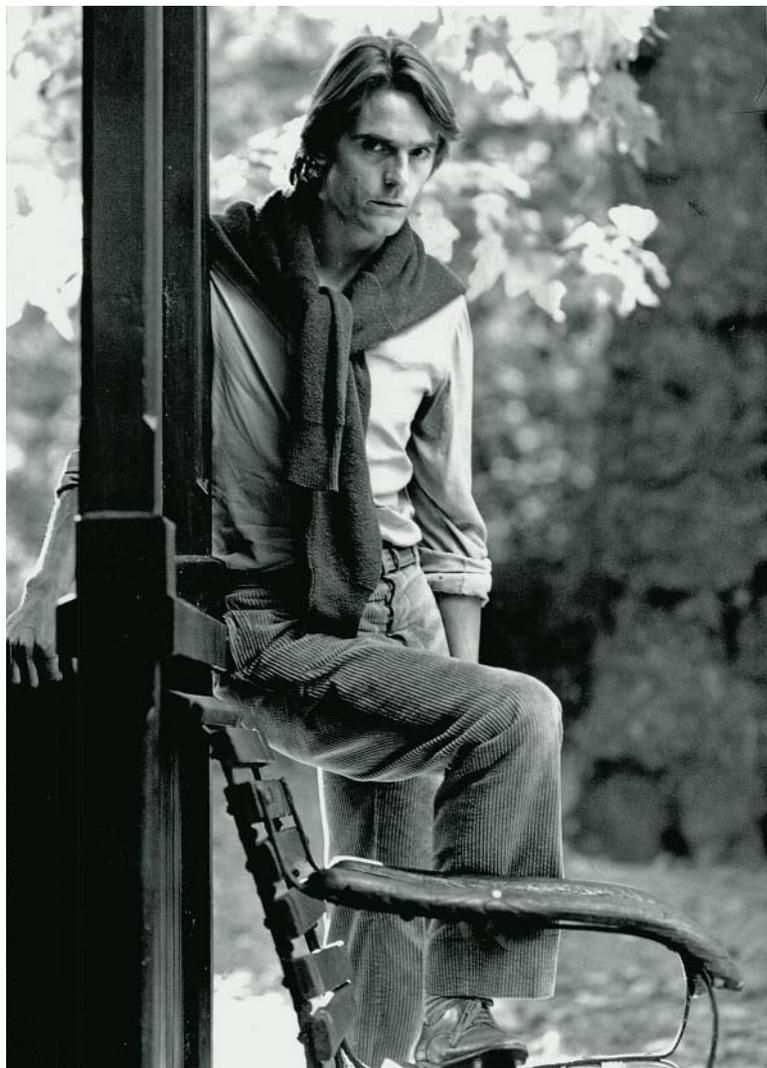
За триста лет, прошедших со времён Иоганна Корба, состав тяжких преступлений, совершаемых россиянками, мало изменился. Из десяти мужчин, убиваемых сегодня нашими женщинами, девять доводились им мужьями или любовниками. Правда, теперь мужеубийц всего лишь сажают в колонию. Там многие, скучая по своим покойникам, пишут им письма, обещая любить до гробовой доски, уже собственной. И обещание наверняка исполняют. Потому что мёртвого мужчину любить легче, чем живого: никто не мешаает, и прежде всего он сам.

«В России нет уголовного закона, который преследовал бы за убийство жены, если убийство совершается в наказание за проступок. Но убийство – наказанное странное».

[С. Коллинс, придворный врач Алексея Михайловича] ●

Однажды...

Джереми Айронсу аукнулись детские грехи

Оказавшись как-то в Неаполе, я зашёл в первое попавшееся кафе и услышал про местную традицию: посетители оплачивают два кофе, но выпивают один, а «свободный кофе» бармен отмечает на доске – позже его может выпить любой желающий. Спустя несколько лет я прочитал об этом в воспоминаниях Витторио Де Сики. Итальянский кинорежиссёр

растолковывал традицию просто – вот знак того, что все мы должны жить «плечом к плечу»... А я вот о чём задумался: интересно, что испытывает тот, кого вот так, запросто, ни за что одаривают?.. Вернувшись домой, я предложил нашему пастору организовать день «маленьких радостей»: пусть на доске у входа в церковь все желающие напишут – чего их душа

хочет. Меня поразило, что люди с готовностью откликнулись на моё предложение, причём на «доске желаний» я не увидел ни одного послания типа «хочу миллион» или «хочу роскошную квартиру в Лондоне». Я тоже поучаствовал: написал я вот что: название книги по истории Британии, которую испортил, когда был ребёнком, но вину за это свалил на друга, с которым делил школьную парту. В ту пору я учился в закрытом пансионате, где была спартанская дисциплина. Меня страшило любое наказание, поэтому идея переложить свою вину на другого показалась удачной. Я несколько не комплексовал по этому поводу, но спустя годы история со злосчастной книгой вернулась ко мне угрызениями совести.

Прошло несколько лет. Я жил уже не в Англии, а в Ирландии, в замке Килкоу. Однажды в дверь позвонили. Я увидел человека, который мне показался смутно знакомым, но его имя я никак не мог вспомнить. Он протянул мне свёрток. Развернув его, я увидел ту самую книгу по истории Британии. И только в этот момент понял, кто передо мной – приятель детства, безропотно принявший мою вину на себя. Мы пошли на террасу – пили чай, вспоминали детство. А потом я рассказал ему про свои итальянские приключения. В ответ он заулыбался: «Студентом я оказался в Неаполе. История про кофе была одним из первых открытий, которые помогли мне влюбиться в Италию». И добавил: «Местные говорят: если кто-то тебе что-то дарит, значит, тебе прощается маленькая вина». ☉

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Все грани совершенства!

Свежая мята
0396.2.9.82A

Солнечная папайя
0396.2.9.87A

Сочное яблоко
0396.2.9.86A

Сладкий грейпфрут
0396.2.9.83A

ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКИ

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ
АТИКУЛ: 0396, КОРПУС: СЕРЕБРО 925°, ВСТАВКА: ФИАНИТЫ, МЕХАНИЗМ: RONDA, ШВЕЙЦАРИЯ

8 800 444 777 3
www.nikawatches.ru

Однажды...

Светлана Немоляева нашла скрепу семейного счастья

Я вот наблюдаю за своими подругами, которые разводились со своими мужьями, и их беда, на мой взгляд, заключается в том, что они не смогли простить. Надо бы что-то забыть, уйти в сторону, а человек начинает копить обиды. Держит камень за пазухой, но потом всё равно всё выльется наружу, но уже в другом качестве. С третиной, понимаете? У нас с Сашей (Александр Лазарев-старший. – Прим. ред.) была всё-таки очень счастливая жизнь, несмотря на то что мы были абсолютно разные. Вспыльчивые. Как мы с ним ссорились! Ужасно... Но Саша всегда шёл на уступки. Вообще, конечно, мне боженька ниспослал удивительный подарок в его лице. Он не мог долго ссориться, и я не могла. Наше счастье, что мы оба были очень отходчивы и быстро мирились. Поэтому у нас из-за того, что мы ругались, вспыхивали, а потом тут же мирились, – трещин не оставалось. Вот я и думаю, что в этом скрыт секрет семейного долгожительства – быть отходчивым... И конечно, счастье – рождение сына Шурика. Это был ещё один подарок судьбы. Я долго не хотела иметь детей, да и Саша тоже. Потому что мы оба были, как и мои родители, совершенно не бытовые люди. Мы были настолько заняты творчеством, друзьями, театром, что мысль о ребёнке даже в голову нам не приходила. И тут вдруг бог послал чудо – а мы тогда уже всё-таки прожили семь лет вместе.словно ангел пролетел надо мной и сказал: надо... Вообще, семья – это как дар, который упал в мои руки. И я старалась его хранить. ☺

Высокое искусство грима

Кто же она всё-таки такая, знаменитая Мона Лиза Леонардо да Винчи? Джоконду называют и любовницей да Винчи, и любовником да Винчи, и даже самим да Винчи в женском облике. Её считают портретом энергетического вампира и нарочно написанным портретом-вампиром, который уже пять веков передаёт энергию в потусторонний мир... Более реалистичные исследователи выдвигают версии, пополняющие список реальных прототипов Моны Лизы. По одной из них, озвученной искусствоведом Магдаленой Зейст, прототипом Джоконды стала Катарина Сфорца, за свою отвагу и решительность прозванная Тигрицей Романьи. Основой этой гипотезы стало полотно Лоренцо ди Креди, на котором Катарина изображена в возрасте 25 лет. Магдалена Зейст не сомневается, что на обоих портретах одна и та же женщина – только у Леонардо да Винчи она на 15 лет старше.

Эта представительница династии Сфорца была одной из самых ярких и незаурядных женщин Ренессанса. Она лично руководила карательными операциями против бунтовщиков и с оружием в руках обороняла свои владения. Даже представители рода Борджиа, с которым эта дама перманентно воевала и однажды даже пленила самого Чезаре Борджиа, признавали её ум и решительность. О её личной жизни ходили легенды: трое мужей – каждый могущественнее предыдущего, 11 детей и неисчислимое количество любовников, с помощью которых Катарина решала

политические задачи. Это ей удавалось легко – ведь Тигрица Романьи считалась одной из самых красивых женщин Италии. Правда, естественная красота тогда была не в чести, и прекрасные синьоры были обязаны в совершенстве владеть искусством гримировки. Один из самых известных трактатов о наложении грима был написан именно Катариной Сфорца.

Сегодня это высокое искусство доведено до совершенства. Причём в отличие от косметики былых эпох, которая зачастую наносила коже вред, современные средства обладают не только маскирующими, но и лечебными свойствами.

Успокаивающий увлажняющий СС-Крем для чувствительной кожи SPF 30 линии FORCE VITALE от Swiss line подходит даже тем, кто плохо реагирует на другие маскирующие кремы. Он защищает, увлажняет и успокаивает кожу, а также корректирует цветовые дефекты – покраснения, неровный тон и расширенные поры, но вовсе не за счёт пигмента, то есть,

попросту говоря, краски. Для чувствительной кожи большое количество пигмента нежелательно, поэтому в СС-Креме для чувствительной кожи SPF 30 линии FORCE VITALE использованы полифункциональные пигменты легчайшей текстуры. Они создают оптическое покрытие, которое корректирует цвет и покраснения кожи благодаря эффекту «СОФТ-ФОКУС».

Также крем содержит адаптированный минеральный солнцезащитный фильтр с высоким процентом диоксида титана, абсолютно не раздражающего кожу. Экстракт сычуанского перца устраняет ощущение зуда и раздражения. Его благотворное действие объясняется усилением микроциркуляции вместе с конструктивным эффектом против «электрической» реакции кожи, проявляющейся покалыванием. Ещё один компонент крема – витамин Е – создаёт антиоксидантную защиту. Успокаивающий увлажняющий СС-крем для чувствительной кожи SPF 30 линии FORCE VITALE рекомендован всем, кто обладает повышенной чувствительностью кожи, а также тем, кто хочет сделать перерыв после применения интенсивных маскирующих средств с более «тяжёлой», плотной текстурой. При этом СС-крем можно использовать как самостоятельно в качестве дневного увлажняющего крема при молодой коже, так и наносить после Force Vitale Aqua-Calm-крема при зрелой коже. Тогда про кожную реакцию на вредоносную среду и стрессы можно будет забыть даже неженкам. ☉

Воспитание детей: апгрейд

Никто почти не умеет воспитывать детей в современном мире. От этого качество населения неумолимо падает. Спасать надо цивилизацию! Так считает один из самых известных психологов России, член-корреспондент РАЕН, основатель нового направления в психологии Николай Козлов

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

И главный упор в воспитательном процессе этот новый Макаренко предлагает сделать на девочек. Потому что их воспитывают ну совершенно неправильно: из девочек делают девочек! А надо из девочек делать мальчиков...

⊙ *Почему же современные люди утратили способность воспитывать девочек? А сперва определимся в терминах – что же такое воспитание?*

– Воспитание – это когда есть старший, который делает из зверёныша человека. Старший не только решает вопросы сиюминутные, но и осуществляет имплантацию ценностей – как ребёнок должен жить ближайшую жизнь. Вот это воспитание. Проблема же сейчас вот в чём: в последние годы в современном обществе превалирует идеология тотальной политкорректности, и не дай бог применить к детям насилие, физическое или психологическое. В повседневной жизни это воплощается, например, в том, что мамы и с мальчиками, и с девочками начинают общаться через уменьшительные словечки – «детушки», «кашечка»...

⊙ *Отвратительно, да. Меня самого передёргивает, когда от взрослых я слышу это сопливое «детушки». Терминология ресторанного халдея: «салатик», «грибочки», «кушайте»... Убил бы!*

– Ещё одна особенность современного гуманного воспитания – ребёнка любят в первую очередь, когда он беспомощный и больной. Обратите внимание, если у мамы двое детей – больной и здоровый, кем она будет больше заниматься? Больным и беспомощным. И тогда здоровый, если он умный, чтобы получить внимание, станет максимально похожим на больного и беспомощного. Это и есть уничтожение здорового населения.

Строго говоря, любая мама заботится не о воспитании, а о выращивании. И если ребёнок получается более-менее здоровенький и не сильно выдающийся (чтоб не заклевали), мама счастлива: «Вырос, слава богу, как все, не хуже, чем у людей!»

И мальчики у нас растут не как мужчины, а девочки растут вообще паразитками. Потом эта повзрослевшая девочка-паразитка выходит замуж за мальчика, который такая же девочка, то есть не выполняет своих мужских функций.

⊙ *Таков современный стандарт человека.*

– Однако! Вот раньше – воспитание подразумевало превращение человечка в человека, а сейчас – в организм. А ведь гуманизм когда-то был очень мощным движением пропаганды человеческих возможностей и разума. Современный же вариант гуманизма превращает людей в скот.

⊙ *То есть ты за домострой, я правильно понимаю? Предлагаешь лишить женщину внутри семьи демократии и устроить оголтелый авторитаризм?*

– И везде, где можно, буду учить всех, как это делается. Не вижу также ничего плохого в строительстве дома.

⊙ *И как же это осуществить на деле? Как обездвижить эту норовистую лошадку – современную женщину, наглую паразитку?*

– Осуществить несложно. Надо просто стать главой семьи. И как только мужчина это делает, женщина сразу становится счастливой, проверено практикой... Но вот для того, чтобы стать главой семьи, необходимо сначала заставить женщину слушаться. И как раз это – практически невыполнимая задача...

Обычно родители убеждены, что дочка у них очень послушная, а сын – непослушный. Это иллюзия, хотя на уровне повседневной видимости действительно так: мальчики не слушаются, а девочки слушаются папу и маму. Но что по факту? Мальчики, как все мужики, примитивны и просты – они прямо заявляют свои намерения: не хочу и не буду! Девочки, будучи в этом плане более высокоорганизованными существами, никогда не станут бороться прямо. Девочка начнёт улыбаться родителям, хлопать глазками, теряться, смущаться, расстраиваться. А иногда обнимет папу и скажет: «Ну, я сейчас, только минуточку». Принцип «сказано – сделано» девочки не понимают. Она сделает, но немного попозже и всегда по-своему. То есть девочка всегда делает то, что она хочет, в связи с тем, что кто-то чего-то хочет от неё. Но это вовсе не то, что требуется: сейчас же и в точности! То есть девочка не слушается, а хитрит. Но поскольку она улыбается, вешается папе-маме на шею, в отличие от сыновей, которые сначала перечат, но затем всё же нехотя делают, девочка кажется послушной. И разомлевшие родители уже машут рукой: ну в самом деле, почему нужно делать сразу и именно так, как они сказали? В конце концов, ведь она же старалась, и она такая милая и славная...

☉ **Но ведь это и вправду так мило! Они же девочки! Не соглашайтесь сразу – в их природе. Поэтому самец для их покорения должен сначала продемонстрировать свою неимоверную крутизну! Вот откуда в девочках такая линия поведения – хитрость и неуступчивость. Она в генах.**

– Так проблема в том, что в современном обществе покорения самки так и не происходит. Процесс не завершается! Вот смотрите. Сколько-то столетий тому назад в семье была иерархия – вертикальная структура, авторитарная. А сейчас современная демократическая семья – горизонтальная структура, в ней дети и взрослые равны, а если взрослый шлёпнул ребёнка, его тут же берёт за жабы ювенальная юстиция. И как в таких условиях сформировать у человека волевой импульс?

По теории формирования психических функций Выготского, формирование волевых импульсов есть «овнутрение» тех отношений, которые складываются между ребёнком и взрослыми. То есть: откуда у ребёнка берётся воля к совершению того, чего делать не хочется, но надо? А очень просто: если папа говорит ребёнку, что пора идти спать, он делает это с определённой интонацией и повелительными формулировками. И если через некоторое время ребёнок сам себе скажет с такой же интонацией и в тех же выражениях, что пора ложиться, он пойдёт и ляжет.

☉ **Условный рефлекс?**

– Точнее, не условный, а сочетательный – по Бехтереву будет точнее, чем по Павлову... Но для его формирования нужно, чтобы были те, кто стоит в иерархии выше по вертикали. А если папа на работе, в воспитании участия не принимает, да и сам он был воспитан как девочка, а мама с дочкой дружит как подруга, откуда же у ребёнка нарабатывается внутренний командир с голосом командира? У женщин ведь совсем другие интонации в словах! Сам с этим столкнулся и просто охренел. Я хотел научить своих студенток, как разговаривать с детьми. Просто подсказал им нужные фразы и попросил повторять их за мной. Они стали повторять. А я слушаю их и понимаю, что ни один разумный ребёнок их приказов не выполнит! Слова-то они произносят те же самые, каким я научил, но эти слова в их устах – не срабатывают! Они это и сами поняли. И в чём же дело? Это ведь жутко интересно! Потом взяли и провели звуковой анализ. И оказалось, что у женщин интонационный строй речи совсем другой. Когда говорит руководитель-мужчина, у него интонация в конце предложения идёт вниз, завершая фразу. А как говорят женщины?.. Интонация идёт вверх, словно бы оставляя место для продолжения и дальнейшей дискуссии: а надо ли вообще идти в кровать или можно это обсудить?

В результате такого вот маминого воспитания дочка усваивает, что фигура родителя – горизонтальная. Затем дочка повзрослела. И теперь должна как-то управлять сама собой. А как? Внутренний родитель не сформирован.

Я вчера проводил вебинар, где обсуждались «хочу» и «надо». И одна моя собеседница пожаловалась: «Для меня всё, что связано с «надо», вызывает постоянный протест». Спрашиваю: «А на работе как?» Задумалась: «На работе «надо» – это нормально. Я сама требую от других и выполняю приказы руководства. Но ведь в личной жизни нет шефа! Кто мною будет командовать? Полная горизонталь!..» А это значит, что у неё внутри нету высших ценностей. Поскольку нет родителя, который был бы носителем этих высших ценностей. Вот в чём проклятие женской природы!

Она сама себе пытается приказать: «Я должна сегодня разобрать кладовку!» И тут же внутренняя женщина возражает: «Ага, вот щас прям так пошла!» И она будет шляться по квартире, мучить себя, жаловаться сама себе. Она не способна к самостоятельной волевой деятельности. Её воспитывали в демократии! Поэтому когда женщина оказывается под контролем хорошего мужика, то он начинает выполнять ту функцию командира, которая у женщины оказалась неразвита, – волевою. И вот тут возникает спорный вопрос: а хотим ли мы вообще, чтобы у наших девочек была с детства развита внутренняя воля? Или обойдутся «внешним приводом»?

☉ **Наверное, да. Неплохо бы и им стать людьми.**

– Я тоже «за». Но тогда девочек нужно воспитывать как мальчиков, как когда-то воспитывали барышень в Смольном институте. Как в королевских семьях когда-то и по сию пору воспитываются отпрыски. Там жестокая Спарта, иначе аристократа не воспитаешь. И в высшем свете вырастали женщины с мужской психологией, жёсткие, волевые, но при этом, когда надо, – любящие.

☉ **Чё-то это... Я передумал. Зачем нам мужики в юбках – с мужской психологией?**

– Я не знаю, какое у тебя представление о мужчинах, но могу рассказать своё. Формула, которой я учу всех руководителей на тренингах, – «железная рука в бархатной перчатке». Это и есть формула мужского начала. И во главе всего – воля. А без воли не будет настоящей прочной любви. Кстати, справедливо и обратное – если женщина хочет из мужа-тряпки вырастить настоящего мужчину, у неё должна быть воля.

☉ **А как правильно женщине воспитывать мужчину?**

– Напоминать о его долге. Вот очень хорошо с этим дело поставлено в еврейской традиции. Там женщина слушается мужа всегда и во всём, но, если мужчина забыл свой долг перед семьёй, ему крупно не повезло: жена поднимет всю еврейскую общину, чтобы вернуть его на путь истинный. В общем, если мужчина ведёт себя как мужчина, женщина обязана слушаться его беспрекословно, но если нет – она его или уничтожит, или вернёт на правильные рельсы.

Вот вам образ, который иллюстрирует распределение ролей в семье. В любой организации есть учредитель, который организацию запускает, и генеральный директор. Скажем, я – основатель психологической школы и других фирм. И у меня есть генеральный директор. Я его долго выбирал. При этом в своей школе я ещё выполняю функцию тренера, рядового сотрудника. И как рядовой сотрудник я обязан своего директора слушаться. Так вот, семья нужна в первую очередь женщине. И она как учредитель семьи подбирает себе «генерального директора». Она нанимает себе мужика, «берёт его на работу». И, раз уж выбрала кого-то на роль «директора», обязана его слушаться. Однако если мужик перестал выполнять свою роль... родной, вот тебе бог, а вот порог, ты уволен. Именно при таких условиях семья оказывается лёгкой радостью – ни конфликтов, ни ссор, ни кризисов. Сплошной порядок.

Знаешь, что меня не устраивало в моих старших детях? Было время, когда я считал, что дети должны расти свободными. Устранился, полагая, что дети тоже люди, что они должны реализовывать личные выборы, что у них свой путь, а я как отец лишь помогаю им принимать собственные решения, и прочая фигня... И когда я посмотрел

на результат – уже ближе к восемнадцати годам, – мне он сильно не понравился! Поэтому младших, второе поколение, я воспитывал по-другому.

☉ **Второе поколение?**

– От второй жены. Мне они достались, когда им было в районе четырёх – шести лет, и они были не моими родными детьми, что усложняло задачу: не всё мне было позволено. Но результат оказался гораздо лучше! А я ведь тогда только вышел на режим короткого поводка. Вообще, модель короткого поводка – наилучшая воспитательная модель, но только для самых порядочных и сознательных родителей. Для всех остальных она совершенно недопустима. Зато в этом случае появляется шанс, что пусть и случайно, но дети вырастут приличными людьми.

☉ **Интуитивно понятно, но всё-таки спрощу: что такое короткий поводок?**

– Не давать ребёнку никакого выбора и все основные вопросы решать за него, когда это необходимо. А когда это необходимо? Каковы вообще главные вопросы бытия?.. Будешь ли ты автором своей жизни или несчастной жертвой? Будешь ли по жизни изображать дурика, тупицу, мученика или станешь умным и сильным? Всё это не обсуждается! Ты будешь разумным! Ты моя дочь (сын), поэтому ты всегда включаешь мозги, ты никогда не плачешь и вообще не уходишь в переживания, ты смелая, умная и дельная, а не как твои подруги. Ты у меня будешь с высокой самооценкой, будешь заботиться о своём теле и развитии, о своих перспективах. Будешь уметь отстаивать свою точку зрения. И я запрещаю тебе бояться!

Более того! Я разрешаю тебе бодаться даже со мной, для этого мы тебе делаем игровые поля, где у тебя даже будет возможность меня немного победить. Тренируемся. Я выращу тебя свободным человеком, а не как вокруг!

☉ **А как можно авторитарными методами воспитать свободного человека?**

– Вот! Это довольно широко распространённая иллюзия, что ребёнок рождается свободным, а потом социум навязывает ему свои правила. Это верно с точностью до наоборот. Ребёнок рождается абсолютным рабом своего тела и откликается, как машинка, на всё, что происходит вокруг него. И только через привитие культуры – культуры мыслить, принимать решения, не зависеть от ситуативных стимулов, помнить о дальних целях и иметь ценности – можно вырастить свободного человека. Причём ценности ребёнка должен научиться обсуждать, выбирать, примерять. Родитель должен не просто дать ребёнку свои ходовые ценности – этого мало, – он должен дать ему сверхценность, то есть ценность оценки ценностей. Потому что в быстро меняющемся мире даже ценности подвержены веяниям моды, появляются всё новые и новые. И что тогда делать вырос-

шему ребёнку? Он будет выбирать случайно? Нет! У него в голове должен быть способ оценки ценностей – под себя. Жизнь должна быть осознанная, а не по моде. Человек должен уметь аргументировать свой ценностный выбор – и перед другими, и перед собой.

Многим родителям кажется, будто они воспитывают детей, а на самом деле это дети их дрессируют, заставляя своими воплями и слезами выполнять то, что им нужно. Ребёнок ведь плачет не потому, что ему горько и плохо, а потому, что хочет своим рёвом от родителей чего-то добиться. Когда у меня дети были маленькими, я их часто отправлял к другим плачущим детям с одним вопросом: «Ты кому плачешь и зачем?» И плачущие дети моим честно отвечали: «Я плачу маме для того, чтобы она...» А глупенькая мама, которая видит плачущего ребёнка, тут же готова сделать всё, чтобы он так горько не рыдал.

☉ Ну и как – с высоты разума и опыта второе поколение детей у тебя получилось воспитать лучше, чем первое?

– Им сейчас уже перевалило за двадцать, и разница между первым поколением и вторым видна невооружённым глазом. Девочки получились лидерами, бодрыми, умными. Но вот что касается самодисциплины и интеллектуального процесса, я нашёл хорошее решение буквально в самые последние годы – когда девочкам было уже лет по шестнадцать. Я читал биографию Бенджамина Франклина и выяснил, что в его многодетной семье за столом все слушали папу, отвечали на его вопросы и вели нравоучительные разговоры. Я задумался: а в моей семье о чём говорят за столом? Я девочкам давал свободу, и они за столом всегда подкалывали друг друга, болтали. И никакой культуры от этого в явном виде не прививалось. А потом осенило, и я объявил новые правила, против которых, как ни странно, никто не стал возражать: за столом объявляется тема для разговора. После чего все говорят только по данной теме.

☉ Приведи примеры тем для таких нравоучительных бесед.

– Девочки предлагали в качестве тем обсудить мальчиков, обстановку в классе, что делать с подругами. «Я им даю списывать, а они мне не дают! А как же дружба?» Или: «Я староста класса и не могу от них ничего добиться!» То есть мы начали обсуждать совершенно жизненные ситуации. И вдруг они поняли, что рядом с ними находятся умные существа – родители, которые могут много чего дельного посоветовать и рассказать. У них глаза открылись! И девочки начали этим активно пользоваться, расспрашивать. Чем горжусь, так это историей с зимним лагерем. Приехали они туда с опозданием на день-другой, звонит мне Настя в слезах: «Дурацкий лагерь! Нас не принимают. Забирай нас отсюда или скажи, как это

можно поменять!» И я за пять минут изложил ей технику захвата лидерства. Через два дня снова звонит: «Прекрасный лагерь, здесь отличные отношения, полный порядок, всё под контролем!»

С тех пор как я ввёл запрет на пустую болтовню, мы стали искать доводы и не возражать просто так, лишь бы возразить. За слово «нет» в наказание приседаем. Если тебе что-то не нравится, существует техника «повтори-согласись-добавь». То есть сначала, повторив тезис оппонента, удостоверься, что понял собеседника правильно. И поскольку ты сам не полудурок и потому с полудурками не общаешься, согласишься с тем разумным, что высказал твой оппонент, после чего добавь то своё, что он недоучёл. Зачем возражать? Развивай!

Понятно, что после таких тренингов мои приёмные дочери стали ещё и умными, сейчас они думают, когда говорят, а это редчайшее качество... Что же касается дисциплины, то Машу я успел воспитать приличным образом, а Настю, которая постарше, не успел. С головой у неё всё в порядке, а с самоорганизацией – нет.

☉ Но это всё про детей. А если человек уже взрослую жену взял с улицы, как её воспитать в правильном ключе, чтобы слушалась?

– Сказать: родная, очень тебе рекомендую статью человеком, иначе буду строго этого требовать... Ведь ты ей зачем-то нужен? Через это и надо работать! Вот на жену Марину у меня самый простой рычаг влияния – потребовать и пригрозить тем, что я буду себе вредить, если она не послушается. Я же не могу её наказывать! Я себя буду наказывать за то, что у меня жена непослушная и не сразу делает то, что я сказал.

☉ Это как себя наказывать?

– Могу присесть. Могу оставить себя без еды. Могу испортить себе настроение и ходить с кислой миной. Управлять эмоциями, кстати, совершенно несложно, я этому студентов учу. Можно и язву желудка себе устроить, если очень надо. У меня было такое разочек на заре совместной жизни, когда мы только начинали и Марина долго не принимала правильных решений.

☉ Боюсь даже предположить, по поводу чего ты наработал себе язву.

– Не поверишь! Такая была битва! Из-за таких пустяков! То была эпоха становления Интернета. Никаких традиций и понимания, что можно, а чего нельзя в Сети, ещё не было. И я счёл интересным на свой сайт забросить фотографии наших девочек – Маши и Насти. Жена сказала, что этого не надо делать, потому что неизвестно, кто их увидит, маньяк ещё подкараулит, да мало ли что...

☉ Но это же не принципиальный вопрос! Ты мог бы и уступить перепуганной женщине. Чтобы потом на чём-то важном настоять.

– Вопрос, конечно, мелкий, но мы на эту тему очень серьёзно заботались! Именно потому, что

вопрос мелкий. В чём-то крупном как раз нет проблем: там сказано – сделано! А вот на мелких проблемах приходится настаивать, потому что люди думают: это ерунда и можно не слушаться.

☉ **И всё-таки, почему было не уступить?**

– Вот и я тоже думал: а почему бы ей не уступить мне в этой ерунде? В конце концов, она поняла, что я на своём буду настаивать, испорчу себе здоровье, но никогда от неё не уйду и буду любить её всегда. Это значит, что ситуация безвыходная и надо сдаваться. В общем, через месяц она сдалась, поскольку уже не могла видеть мужа с угрюмым лицом и диагностированной язвой желудка.

☉ **Так ты жену буквально шантажировал!**

– Нескрываемо! Но она знала, что любые эмоции я могу снять на раз-два. Равно как и она. Интересная ситуация, когда в семье два психолога. Для нас эмоции – это то, что ты себе разрешаешь испытывать.

☉ **Полезное свойство для совместной жизни.**

И как это – управлять своими эмоциями?

– Подними левую руку... Ага. Как ты это сделал?

☉ **Усилим воли.**

– И сильно ты эту волю напрягал?

☉ **Вообще не напрягал. Раз – и всё.**

– Вот с такой же лёгкостью можно научиться управлять эмоциями. Тем более что они, в отличие от руки, вообще ничего не весят. Студентов этому учу за три месяца. Все осваивают технику.

☉ **А боком это подавление не вылезет?**

– Вылезет. Здоровье улучшается. Потому что человек перестаёт испытывать отрицательные эмоции, которые организм стрессуют. И он ничего в себе не давит насильно. Он отрицательные эмоции просто не включает. И потому постоянно пребывает в поле положительных эмоций, он спокоен и доволен... Короче говоря, Марина тогда подумала и согласилась. Я отключил отрицательные эмоции, и язва моя через три дня прошла. Просто перестала болеть – зарубцевалась.

☉ **Ладно, вернёмся к детям. Можно ли сформулировать общие правила воспитания?**

– Лучший подарок нашим детям – чтобы у наших детей не было детства. Если мы детям устраиваем детство, мы приучаем их к тому, что радость у них тогда, когда они бездельничают, развлекаются, никого не слушают, не заняты никакой продуктивной деятельностью, ни о ком не заботятся. А в будущем их ждёт печальная взрослость, когда не до игр и надо о ком-то заботиться.

☉ **Идеология детства!**

– Именно! Ты ребёнок, тебя должны содержать, о тебе заботиться. А твоя единственная задача – радоваться жизни. Или поплакать, если чего-то хочется. Гештальт-терапия считает, что ребёнок имеет право на любые эмоции, не только на радость. Если ребёнок хочет быть печальным или расстроеным – это его право. У меня Настя

только в восемнадцать лет отказалась от права расстраиваться. До этого она на нём настаивала. Например, копила деньги, купила наушники, и оказалось, там не тот разбём. Можно было бы перепаять, но для этого надо обратиться к родителям. Вместо этого она решила расстроиться...

Ещё одно правило правильного воспитания: всё лучше – взрослым. А не детям! Ведь если дети понимают, что всё лучше – детям, какой у них вообще стимул взрослеть? Чем дольше ты будешь оставаться инфантильным, тем приятнее у тебя будет жизнь! А вот если всё лучшее достаётся взрослым, резко появляется стимул взрослеть. Понятно, что вместе со взрослостью возникают и обязанности, но и права тоже! А отсюда дополнительные возможности и уважение. Далее... В семье младший всегда слушается старшего. А старший всегда заботится о младшем. И все проблемы младших детей в хорошей семье решаются старшими детьми, а родители спокойно пьют чай...

Но это всё общие вопросы. А есть ещё частности. Например, физическое воспитание девочки. Каким оно должно быть? У девочек ведь своя культура. Если мальчик должен быть крепко сбитым и собранным, спокойным и уверенным, а его тело – построено в таком же формате, то в женской культуре принято «дребезжать». То есть активно и эмоционально двигать плечами во время речи, играть лицом, выражать неуверенность, закатывать глаза. Понятно, что это элемент неосознанного флирта, потому как мужчины на это клюют. Но это и проявление некультурности! Воспитанная женщина должна уметь собой управлять. А вот такие женщины, «дребезжащие», ошибочно воспитанные, и приходят потом с проблемами на приём к теперь уже легендарной Ксении Кошкиной, о которой ваш журнал в марте писал. Вся Москва этот материал прочла!

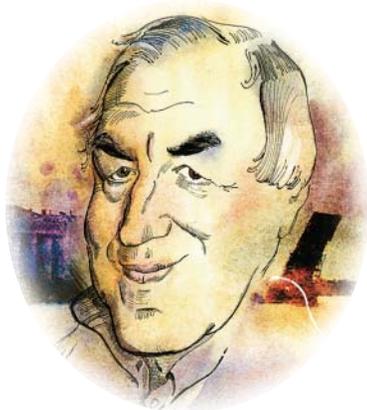
☉ **Кошкина, кстати, сама такая – «дребезжащая», эмоциональная. Женщина в квадрате.**

– Знаю, мы знакомы. Поэтому она и помогает женщинам решать их проблемы – потому что очень понимает. Только решать их, по уму, нужно не терапевту, а раньше – родителям, путём правильного воспитания. Чтобы воспитать женщину-аристократа. Что такое женщина-аристократ? Когда возникает важная ситуация, она выходит из роли традиционной женщины, становится воиню и принимает ответственные решения без всяких «дребезжаний» и женственности. А потом снова становится нежной и мягкой.

Вообще, учиться быть человеком нужно всю жизнь. Учиться управлению собой. Впрочем, достаточно иметь наработанный минимум. И пусть ты сам не сделаешь с собой всего, что нужно, но сможешь воспитать детей, которые будут немного лучше тебя. Поправлять свою фамилию. Работать на будущее. Это ли не прекрасно? ☉

Уроки Грузии

Валерий Попов

«Кто сказал,
что время
командует нами,
а не мы им?»

Я мчался на автобусе в аэропорт. Алазанская долина простиралась внизу... За виноградниками темнели поднебесные горы Главного Кавказского хребта. За дни, проведённые на грузинской земле, мы снова вспомнили, после долгой разлуки, за что мы так любим Грузию: за праздничное восприятие жизни! Веселись – а проблемы подождут. В конце концов, не мы же должны искать их, а они нас. И если мы будем непредсказуемы и свободны, то нас не найдут! Закончившийся тут литературный фестиваль, который мы покидали, носил название, которое у нас в России вряд ли бы официально одобрили, – «Поэзия и вино».

Здесь не приняты негативные эмоции. Мужчины здесь горды и прекрасны. Откуда мужская гордость? Неписанный, но общепринятый закон: если тебя на рассвете привозят на машине, выгружают и с почтением доводят до дома – это вовсе не позор для мужчины, а знак его безупречной репутации и уважения к нему. Надо радостно проводить, уважительно встретить, раздеть мужа, уложить, если он утомлён, – это почётная миссия каждой жены! Мужчины поэтому в Грузии не придавлены, как у нас, и не просыпаются в отчаянии и раскаянии, а просыпаются гордо: их не в чем упрекнуть, они живут как положено!

И жёны должны беспокоиться лишь тогда, когда подобные происшествия вдруг прекращаются и муж дома сидит. «Что случилось, Гиви? Ты не заболел! Ах, уходишь? Ну, слава богу!» Такой муж – гордость жены. Поэтому и женщины тут горды

и величавы: кровь царицы Тамары в каждой из них.

Гордость – главное тут. Только здесь освобождаешься от рабского страха перед секундной стрелкой: мы ведь хозяева жизни, а не рабы! К этому сладкому чувству привыкаешь не сразу. Сперва я одолевал всех вопросами: «А во сколько начало семинара?», «А во сколько именно мы выезжаем на экскурсию?». Лица их мучительно морщились: зачем пригласили мы этого зануду? Не умный человек!.. Но я быстро умнел. Что значит – когда? Когда захотим! Не время нами командует, а мы им! Сладко жить, перейдя «на грузинское время», – чувствуешь себя человеком. И с пространством мы делаем что хотим. Один грузинский писатель вдруг сообщил, что вместо нашего семинара очутился в Зугдиди, – и новость была

встречена криками одобрения! Широкая жизнь.

Перед отъездом мы сидели в доме на склоне горы, в гостях у внука великого грузинского поэта, и вид Алазанской долины вселял абсолютную уверенность в правильности выбранного жителями долины порядка.

– За каждой гроздью винограда надо ухаживать, как за отдельным ребёнком! – говорил хозяин. И вдруг потемнело, и с громким шорохом выпал град. И земля побелела. И хозяин вдруг побледнел.

– Это серьёзно? – почему-то шёпотом спросил я.

– Очень. За пять лет, что я здесь, такое впервые, – ответил он так же тихо. Похоже, что в Грузии считается позорным – паниковать. Град продолжал стучать по перилам. Мы слегка опаздывали, но бежать – в такой ситуации – было позорно. Мы выпили за Грузию, за Россию, за возобновление дружбы, простились, получив в подарок каждому по бутылке вина, сделанного хозяином. И лишь когда мы, съехав с холма, обернулись на его дом с красной черепицей, мы увидели, что хозяин вышел в длинном плаще и широкой шляпе и ушёл в виноградник. И вдруг – радуга поднялась над долиной, как ручка корзины!

В самолёте было тесно, темно. Мы разогнались, чтобы взлететь. Многие грузины крестились, но не униженно, а как-то гордо. И вот мы попали в сплошную мглу. Праздник кончился? Двигатель натужно гудел. И тут мгла оборвалась, хлынуло солнце, и ухо сидящего впереди вдруг расцвело, как алая роза. ☉

Красавица на все времена

Прима-балерина Матильда Кшесинская была любовницей трёх Романовых, в том числе будущего императора Николая II. Роман с цесаревичем продлился два года, и отношения прекратились из-за помолвки с будущей императрицей. Покинутую Матильду быстро утешил великий князь Сергей Михайлович. А вскоре у любвеобильной особы появился третий поклонник голубых кровей – кузен Николая II, великий князь Андрей Владимирович.

Когда в эмиграции у Матильды родился сын Владимир, первое время он носил отчество Сергеевич, но в морганатическом браке с великим князем Андреем Владимировичем Сергеевич стал Андреевичем. Впрочем, некоторые историки и вовсе уверены, что де-факто он был Николаевичем. Да и её выросший сын не раз намекал, что его настоящим отцом был Николай II... В чём же секрет притягательности этой женщины? По воспоминаниям современников, Матильда была потрясающе красива, её чистую, гладкую кожу не мог испортить ни вредный театральный грим,

ни бессонные ночи с приёмами. Но Кшесинская не полагалась лишь на природу. Она пользовалась самыми дорогими косметическими средствами лучших фармацевтов. Умерла Кшесинская, восемь месяцев недотянув до своего столетия. Возраст мало сказался на её внешности. Она до самой смерти продолжала привлекать взгляды мужчин.

Остаться привлекательной до глубокой старости – завидный талант, который раньше был доступен немногим. Но сейчас эта мечта становится реальной. Новые методики, представленные в клинике GEN 87, способны отодвинуть границы старости на десятки лет. Одна из таких процедур – ClearLift™ от компании Alma Lasers, первая в мире методика интенсивного лазерного омоложения без боли и следов воздействия. Несмотря на то что процедура запускает интенсивные процессы самовосстановления, эффект которых нарастает в последующие дни, внешне кожа остаётся спокойной, без покраснений и шелушения. Суть методики ClearLift™ – восстановление упругости и эластичности кожи

за счёт реставрации структуры дермы. С помощью ультракороткого импульса лазерный луч Q-Switch 1064 нм проходит сквозь эпидермис, концентрируя всю работу в дерме – там, где находятся волокна коллагена и эластина, а также гиалуроновая кислота, которые в совокупности определяют упруго-эластичные свойства кожи. Достигнув дермального слоя, луч создаёт фотоакустический эффект, похожий на микровзрыв, и на месте воздействия образуется участок разрежения ткани, разбиваются дефектные структуры дермы, и участок затем заполняется новыми полноценными молекулами. Процедура проходит абсолютно безболезненно, ощущение лёгкого тепла оказывает расслабляющее воздействие.

ClearLift™ не требует отказа от пребывания на солнце. Можно без опасений наслаждаться солнечными ваннами даже сразу после процедуры. Эта методика одинаково эффективна и безопасна как для светлой, так и для смуглой кожи. Может выполняться на любых участках лица и тела, в том числе в области шеи и декольте. Процедура не требует частого повторения. Возможный протокол: 1 раз в 1,5–2 месяца курсом из 3–4 процедур. В России эта процедура доступна только в клинике инновационной косметологии GEN 87. До конца сентября на ClearLift™ действует специальная цена:

Лицо – 10 000 рублей
Лицо+Шея – 15 000 рублей
Лицо+Шея+Декольте – 20 000 рублей

Клиника GEN 87 расположена по адресу: м. «Шаболовская», ул. Хавская, д. 1, корп. 1

Тел: 8-499-652-87-87 / www.gen87.ru

Молочные реки

Вера Павлова

«Теперь я всё знаю
про амазонок...»

Вылуплялись – по одной. Пришлось идти к врачу. Хирургу. Потому что правая росла, а левая нет. Ну и насмешили мы смамой этого врача! И выслушали лекцию про то, что природа не знает симметрии. «Всё будет хорошо, амазонка!» – напутствовал меня хирург. Ошибся – симметрия победила. «Вера, у тебя красивая грудь!» – сказала бабушка, поливая меня из ковшика – отключили горячую воду. Бабушка была всегда и во всём права.

*Под свитерком его не спрячешь,
мой первый лифчик номер первый,
когда, гуляя по двору,
его ношу, и всякий смотрит,
и всякий видит, несмотря
на то, что складываю плечи
и что крест-накрест руки.
Трудно дышать – затаянто
дыханье
подарком, сделанным мне мамой
вчера, как будто между
прочим.*

Как – сразу первый? Вы правы, милые читательницы. Сначала – нулевой. Ямб попу-

тал. А кто такие амазонки, стало ясно после встречи с другим хирургом. Который с операционного стола на руках отнёс в палату – через весь коридор, в другое крыло больницы, – приговаривая: ничего-ничего, сделаешь пластическую операцию, я сам сделаю. Жалел меня, двадцатилетнюю.

*Тает заморозка.
Не заплакать силится
безымянных тёзка
и однофамилица.
Не услышишь стоны
в чистой, светлой,
праздничной
операционной.*

Крики в перевязочной.
В палате нас, амазонок, было шестеро. Мне принесли из дома гитару. Мы пели песни про любовь. Секстет назывался «Мастит». С симметрией было покончено. Но не с млекопитаением! И дитя засыпало у груди, и я засыпала следом, и только молоку не спалось. И текли, текли молочные реки в кисельных берегах...

Моя любимая икона – Млекопитательница. «Древнейшее изображение с этим сюжетом представляет собой фреску в римских катакомбах св. Прициллы (вторая половина 2 в. н. э.). Это одновременно является древнейшим известным на сегодня изображением Девы Марии» (Википедия).

*Меня не видели ни среди живых,
ни среди мёртвых,
когда Младенец спал у груди.
На лицах, ликах и мордах
дрожали отсветы ночника.
У девочки – страх, усталость –
почти что не было молока.
Но – чудо! – и мне досталось. ☉*

Пляж на Лазурном Берегу. Женщины топлес. Девочка лет семи угрюмо поливает из лейки гладкие грудки. Я её понимаю.

*– Зачем тебе этот купальник?
У тебя же ничего нет! –
Бабушка. Мама. Тётя.
Каждая по три раза –
достаточно, чтобы понять:
всё – это грудь, это груди.
И много пришлось сносить
лифчиков, чтобы открылось:
тогда у меня всё было.
Только тогда. А теперь –
Грудь со звёздчатым шрамом
да страх за любимых.
И только.*

Ничего не было – долго.

Почти у всех одноклассниц уже было. К щенячьей радости одноклассников. Которые проверяли, носим ли мы лифчик, проводя рукой между лопаток. И убежали с ржанием независимо от результата исследования. Милехин однажды проверил Тихомирову. А она ка-а-ак развернётся, ка-а-ак врежет ему, недомерку! Результат? Сотрясение мозга. Тихомирова начала носить лифчик раньше всех. Я – из последних.

*Утёнок был гадок и гадко-пре
гадко одет,
с худыми ногами и тонкою
длинной косою.
Лишённый особых царственно-
лебяжьих примет,
он громко, нахально, прилюдно
гнушался собою.
Открылось утёнку, что все,
поголовно, скоты,
что радости нет и, наверное,
больше не будет.
И страх темноты перевеши-
вал страх высоты.
И больно чесались невылупив-
шиеся груди.*

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*В которой адвокат Павел Астахов
приходит к мысли, что в гробу
карманов нет **с.24***

.....
*а актёр Владимир Машиков –
что жизнь слишком коротка и важно
успеть подурочиться **с.34***

Человек не на своём месте

Впервые я узнал о Павле Астахове на излёте 2002 года, когда мне предложили возглавить журнал «Карьера». Стал изучать архив издания и споткнулся об обложку, с которой блондинистый денди в атласной рубашке пурпурного цвета лучился, как принято говорить, «ослепительной улыбкой»...

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

Всё-таки на фронтальной странице делового издания не ждёшь узреть стоматологическое чудо. Существует представление о соответствии имиджа тому или иному ремеслу. Ну, например, на позиции хирурга чаще всего желают видеть немолодого мужчину, а на месте медсестры – молодую женщину.

Идею адекватности образа поступку гениально оформил британский режиссёр Стивен Фрирз в голливудской ленте «Случайный герой», где спонтанный подвиг неказистого воришки (Дастин Хоффман) уместно (и не совсем бескорыстно) персонифицирует красивый ветеран Вьетнама (Энди Гарсиа).

Так и с Астаховым. Слишком гламурен для профессионального детолюбца и борца с ювенильной юстицией. Есть версия, что назначен был сгоряча. Дескать, его предшественник, проработавший на только что учреждённой позиции менее четырёх месяцев, был скомпрометирован «по педофильческому параметру» и Сурков тогдашнему президенту Медведеву, собственно, и придумавшему эту должность годом ранее, указал на подходящую, по его мнению, кандидатуру. Так успешный юрист и телеведущий с внешностью голливудского героя-любовника стал уполномоченным детозаботцем. Шоумен стал обмудсменом.

Астахов входит в пятёрку славных адвокатов (Астахов, Добровинский, Кучерена, Падва, Резник), которых упрекают в чрезмерном пристрастии к пиару во всех проявлениях.

Например, обратился он к тогдашнему US-президенту Джорджу Бушу с просьбой утвердить его кандидатуру как официального защитника Саддама Хусейна, свергнутого теми же американцами президента Ирака. Помню, реплика юриста по поводу предполагаемого гонорара стала объектом жёсткого троллинга, мол, он скромно ответил, что «не думает, что бывший президент Ирака согласится принять бесплатную юридическую помощь». Астахов тогда говорил: «Я, наверное, излишне пропитался американским воздухом, когда общался с профессорами, которые судятся с президентами Америки и подписывают обращения в защиту узников Гуантанамо. И суть моего обращения сводилась не к тому, кого я готов защищать, а по каким принципам его будут судить. Я в своём обращении попытался господину Бушу именно эту мысль высказать, что от суда, который произойдёт, будет зависеть степень доверия вообще ко действиям американцев».

А ещё через год Павел Алексеевич стал ТВ-ведущим (первое наше судебное шоу «Час суда», представляющее собой имитацию гражданского судебного процесса).

Я за пару последних лет несколько раз беседовал с Астаховым и могу сказать, что мне он показался собеседником бесспорно интересным, хотя

и закрытым, априори находящимся «в обороне». По мне, он из тех, о ком начинаешь думать лучше к финалу беседы (а так бывает отнюдь не всегда, есть персоны, после интервью с которыми хочется, как некогда пел БГ, «смыть с себя всё и снова остаться живым»). На профессиональном жаргоне это называется «попасть под обаяние объекта».

Хотя мой коллега и товарищ Михаил Шахназаров писал после первых летних слухов об отставке Астахова: «Наш человек и понятие «красиво уйти» в большинстве случаев ну никак не совместимы. Уход омбудсмена со своего поста можно сравнить разве что с уходом из-под света софитов какой-нибудь российской поп-звезды». Ну... я бы не был столь категоричен: всё-таки когда человек ощущает себя бойцом – он не сдаётся. А Павел, походу, боец. И вовсе не глянцевого фронта.

Возможно, модный юрист не лишён даже некоего романтизма: признаётся, что в своё время фильм Андрея Кончаловского «Одиссея» произвёл на него впечатление и убедил в правильности выработанной им позиции. Позиции по отношению к тому, что называют правильными и хорошими словами. Типа «семья».

☉ *С очередной вашей книгой познакомился. У меня вопросы прикладного характера. Во-первых, что за ребёнок на обложке?*

– Ребёнок, слава богу, родительский, как у нас говорят. Мамочка дала мне его подержать, в поликлинике, в Белгородской области.

☉ *А почему не с собственной внучкой? Это было бы пикантно и трогательно.*

– Нет, это было бы выпячивание своей жизни. Я же пишу о том, с чем столкнулся, начав отвечать за всех детей России.

☉ *Вы сказали: «я пишу». А мы знаем, что социальными значимыми персонажи настолько заняты, что для них сидеть и своими ручками набивать тексты – неприемлемо. Вам кто-то помогает, «специально обученный человек»?*

– Нет, сочинять никто не может помогать, потому что я начну тогда пользоваться чужими мыслями и работой. Это сразу будет видно.

На начало 2009 года в стране было 140 тысяч детей-сирот в детских домах. Сейчас в два раза меньше. При том что в стране детей стало больше.

☉ *За счёт чего?*

– Так женщина голосует за те изменения, которые происходят в обществе. Женщина, если она верит в то, что в перспективе всё будет нормально, она делает это не умом, она это делает своей душой и своим сердцем, она рождает ребёнка. Ведь вы не забывайте, что у нас страна, в которой, например, до сих пор разрешены аборты.

☉ *А вы против абортов?*

– Ну, для меня как для верующего человека аборт – это априори грех. Без альтернативы.

☉ *Хм... Вот как. Православный? Странная вещь наблюдается у наших элитариев. Потому что, с одной стороны, ориентация абсолютно во всём на Запад...*

– Например?

☉ *То же образование. Смотрите, вы же образование получили...*

– Но я базовое образование получил здесь.

☉ *Высшая школа КГБ СССР? Ну потом вы же учились в Америке: Школа права Питтсбургского университета.*

– Это специализация. Я считаю, что не надо делать культя из западного образования. Оно лишь интересно с точки зрения того, что вы расширяете свой мир за счёт познания. За счёт того, что берёте в актив иностранный язык, на котором вам надо учиться, хотите не хотите.

☉ *Берётся, как правило, английский. Может быть, французский, немецкий. Но никак не корейский, не китайский, не японский. Что перспективно, казалось бы.*

«Я ВСЕХ СВОИХ
ДЕТЕЙ ЛЮБЛЮ
ОДИНАКОВО.
ТОЛЬКО
СТАРШИХ ЛЮБЛЮ
ДОЛЬШЕ»

ПАВЕЛ АСТАХОВ

– Это действительно так. В поездках по стране я стараюсь находить всё-таки часочек времени и выступать перед молодёжью, чтобы не терять связь, как говорится... Я ведь преподавал долгое время. Вот был на Дальнем Востоке. И многие студенты говорили, мы учимся, чтобы потом уехать. Куда? В лучшем случае в Москву, в Санкт-Петербург.

Я спрашиваю, а почему? Хотим работать там в иностранных компаниях. Я говорю, слушайте, у вас до Китая и Японии гораздо ближе, чем до Москвы, не говоря уже о Европе. Почему вы эти языки не изучаете? Ведь та же Корея развивается очень активно. Япония – вообще вопросов нет. Америка и Канада – через океан. И они даже сами себе этот вопрос не задавали. А если их правильно сориентировать, если они будут учить эти языки, то совершенно по-другому и жизнь начнёт развиваться на Дальнем Востоке.

☉ *А кто должен ориентировать?*

– Те, кто уже состоялся, кто успешен, кто чего-то добился. Эти люди должны приходиться к ребятам, рассказывать. Потому что их интересует один вопрос: как стать успешным адвокатом, как на телевидении вести свои программы, как писать книги и так далее... И ты начинаешь им рассказывать. Что смог в жизни сделать сам, без проекции, я ведь не из семьи адвокатов, нет за мной поколения, как, например, у династийных.

И ты видишь их заинтересованность. Ведь дело в том, что у нас – я не хочу никого обидеть – в преподавательской среде бывают люди, обиженные на жизнь, и они говорят студентам не те вещи. Молодым ребятам нужно верить в себя, в свои силы, верить в свою страну, в будущее. А они слышат: «Пора валить!» Вот я человек, который в 90-х годах видел весь ужас, что тогда происходило, когда каждый день в Москве стреляли, всё это было. И на меня покушение было...

☉ *То есть вы не считаете, что 90-е – это лучший период в истории России, как многие утверждают? Время возможностей...*

– Мне нравится, что вы смеётесь, говоря об этом. Время возможностей, да. И кто-то эти возможности очень неплохо использовал и попал в список Forbes. Я не сразу пришёл в адвокатуру, два года поработал юристом в авиакомпаниях, тогда одной из первых частных. И уже потом потянулся к защитной деятельности. Она мне очень понравилась. Но я с первого дня стал показывать все свои гонорары. Вокруг в основном поколение 60-х, 70-х годов, мудрейшие люди, мне повезло с ними со всеми работать, но они дико на меня смотрели и говорили: «Зачем? Ты с ума сошёл?» Слава богу, мне иногда удаётся выезжать в глубинку. И вот, когда ты приезжаешь в монастырь, к людям, которые полностью отказались от всего мирского, от всего тленного и живут только духовной жизнью, ты понимаешь, что в гробу карманов нет. И если человек сразу начинает искать бирки на костюме, уже понятно, что его интересует.

☉ *От Астахова странно слышать про бирки. Ведь адвокат должен выглядеть respectfully.*

– Человек должен выглядеть прилично, понимаете, прилично, чтобы было приятно на него посмотреть...

☉ *А каков критерий?*

– Да очень простой критерий. Чисто и аккуратно. Что вам ещё надо? И совершенно не важно, какие там у вас бирки. Вы же не ходите бирками наружу, правильно?

☉ *Вообще, Востоку присуще жить бирками наружу.*

– Мы не Восток и не Запад. Россия – это Россия.

☉ *Сейчас мы на минное поле выходим. Вот скажите мне, вы много говорили про недофицию.*

Допустим, сорокалетний мужчина, который берёт в жёны десятилетнюю, он педофил?

– Ну, десятилетнюю – это вообще запрещено, это невозможно, и такого быть не должно. Это уже преступление само по себе по любому закону, хоть российскому, хоть французскому.

⊙ **Не по любому.**

– Почему?

⊙ **Пример – пророк. Третья жена – Аиша бинт Абу Бакр была отдана замуж за Мухаммеда, когда ей было всего шесть, а на момент фактического начала брачной жизни ей было девять. Есть теория, и есть практика, когда и в двенадцать лет, и в десять лет выходят замуж. В том числе и в Москве.**

– Не знаю, не могу сейчас говорить и не буду на эту тему говорить.

⊙ **Вы неоднократно высказывались по поводу однополых браков и по поводу усыновления детей такими семьями.**

– Я во всём в этом вижу очень простую вещь. Это расчеловечивание. И мы наступаем на те же грабли, на которые наступали пять, шесть тысяч лет назад наши предки. Все забыли, что это происходило уже в истории человечества.

Мало того, я ко многим вещам отношусь как юрист. Семейное право складывалось одновременно с римским классическим правом. Это была его основная часть. Это происходило примерно две с половиной тысячи лет назад. И классическое римское право легло в основу всех правовых систем: и англосаксонской, и континентальной, и германского права, и кодекс Наполеона во многом списан с классического римского права, и российский закон и так далее. Не будем отрицать, правда? Ведь и в Римской империи было всё что угодно: оргии, мужеложство, скотоложство, зоофилия, педофилия. Но никому из римских сенаторов, которые утверждали своды законов, не пришло в голову в отрасли семейного права вставить все отношения, все виды этих союзов, не важно там, однополые или полигамные, или там какие-то иные комбинации – с животными и так далее. А почему они не вставили, объясните мне? Да потому, что отцы-основатели римского классического права понимали, что это чуждые семейному праву отношения. И тогда Модестин Геренний сформулировал, что такое вообще семья. Это добровольный союз мужчины и женщины для продолжения жизни, заключивших брак на основе человеческого и божественного права. Всё. И за две с половиной тысячи лет эта форма не менялась. И вдруг появляются активные борцы за то, чтобы всё это изменить. Ну хорошо, изменим. А дальше-то что? Менять наследственное право, обязательственное право, в том числе и право алиментных обязательств. И начинается разрушение стройной системы юриспруденции.

Поэтому как юрист я не приемлю этого. У нас в Конституции записано: каждый имеет право на личную жизнь, она охраняется тайной семейной жизни. Всё. Дальше занимайтесь чем хотите. Но не ломайте систему права. Иначе вы разрушите юридический фундамент.

Не могу не упомянуть пресловутый список «семи подвигов Астахова», что активно тиражировался «в интернетах» недоброжелателями.

Номером два там значится как раз «защита педофила». Парадокс, дескать, в том, что Астахов позиционирует себя как борца с педофилами («Моей отставки хотят педофилы, поскольку столько, сколько мы сделали для борьбы с педофилами, такого не делалось»), но в 2005 году он небезуспешно защитил некоего Бахтиора, снимавшего комнату в квартире пожилой женщины, одиннадцатилетняя внучка коей забеременела от любвеобильного жильца.

Астахова обвиняют в том, что с помощью своей супруги Светланы Александровны, работавшей на ТВ, он сумел организовать эфиры у Андрея Малахова, где прозвучала следующая версия: десятилетняя девочка совратила магазинного грузчика, угостив мусульманина непривычным для него алкоголем. В результате гастарбайтер получил условный срок и... московскую прописку в квартире пострадавшей.

Звучит, конечно, так себе. Жесть, одним словом.

Генрих Падва однажды заметил: «Адвокаты должны защищать любого злодея. Я могу не разделять идеологических, политических установок, могу не симпатизировать ему как личности, не любить его поступки или даже признавать, что совершенные им действия были преступными, но защищать его в рамках закона я мог бы, и не только его – будь то Чикатило, кто угодно».

Да, это профессия! Кому-то, может быть, не по нраву. Как, допустим, и моё ремесло. Александр Глебович Невзоров в 1989 году мне сказал: «Есть такая присказка: в доме повешенного не говорят о верёвке. Так вот, наша с тобой профессия – говорить о верёвке в доме повешенного». И когда мне объясняют, что журналист должен то, журналист не должен это, я всегда отвечаю: «Давайте скажем: что это за манера у этого мужчины рассматривать женские гениталии с утра до ночи? Это как? Это принято? Допустимо? Вообще, это хорошо? Но есть же такая специализация – гинеколог. Или, допустим, проктолог. Это тоже такое занятие – в попу людям смотреть».

Но! Но это – такая профессия. Благородное ли ремесло у адвоката? Ну, ответ смотри выше. Контроль: а у проктолога?

⊙ **Ну всё, я поговорил уже с Астаховым-юристом. Давайте с Астаховым-человеком погово-**

► П. Астахов участвует в мастер-классе для юных спортсменов знаменитого боксёра А. Поветкина

рим. Вы когда упомянули поездку по монастырям, я сразу подумал почему-то про вашу маму, которая приняла постриг и стала монахиней.

– Ну, я этого не скрываю, однако это тема очень личная, поэтому...

☉ **Тем не менее: для вас это стало неожиданным? Или, что называется, к этому шло?**

– Думаю, к этому шло, потому что весь её путь во второй половине жизни выстроился так, что она пришла к Богу в сознательном возрасте, в сорок восемь лет крестилась. Потом стала активной прихожанкой храма. Затем поступила учиться в Свято-Тихоновский университет, закончила пятилетний курс «Богословие и катехизаторство», получила диплом богослова и приняла постриг... Она вообще у меня книжный червь, в хорошем смысле. И моя тяга к написанию, начиная от статей, каких-то комментариев до каких-то более серьёзных книг, – это как раз от неё. А это, в свою очередь, идёт от моего деда по материнской линии, Григория Георгиевича. Потому что дед после себя оставил огромные архивы.

И мама точно так же делала. Например, она полностью законспектировала Ветхий Завет, просто чтоб ориентироваться. Мы с братом и сестрой с уважением отнеслись к её решению.

Мой средний сын Тёма прислуживал алтарником в храме на воскресных службах, помогал нашим духовникам – отцу Сергию и отцу Константину (имеется в виду русская церковь в Каннах. – Прим. Е.Д.).

☉ **С внуками мама ваша не общается?**

– Общается. Она очень любит внуков своих. Их у неё девять. И правнучка одна. Ну, думаю, это быстро исправят мои сыновья, они как раз в том самом фертильном возрасте находятся.

☉ **Вы за личной жизнью детей пристально следите?**

– Делаю вид, что не слежу. Я стараюсь дать им свободу. Простите меня, но я в восемнадцать лет ушёл в армию и после этого уже к родителям никогда за помощью не обращался. Ну, за советом, конечно, до сих пор обращаюсь. А вот за какой-то там помощью материальной, финансовой – нет.

☉ **С дедовщиной в армии сталкивались?**

– Конечно, хотя в пограничных войсках дедовщины не было как таковой, как нам говорили.

☉ **Потому что они в структуру КГБ СССР входили?**

– Да, всё было очень прозрачно. Но трижды я всё-таки столкнулся: два раза в сержантской школе, потому что сержантская школа – это под-

► ПАА: «Если мальчишки будут брать с Поветкина пример, тогда у нас не будет трудных подростков»

разделение, где дисциплина и суровое армейское воспитание, скажем, граничат с насилием...

☉ *Ну, там и физические нагрузки огромные.*

– Конечно. Каждое утро обязательно кросс четыре – шесть километров. Два раза в неделю марш-бросок пограничный – десять километров с полной выкладкой. Четыре раза в неделю стрельбище, бегом туда-обратно, с боеприпасами, со всеми делами. Зимой мы несли службу на снегоходах и на лыжах, и за период дозора ты должен был пройти до тридцати километров этого пешего дозора на лыжах.

Так вот, про дедовщину. Два раза в сержантской школе и третий раз на заставе – было. Потому что я попал на заставу самую сложную, в Карелию; туда ссылали всех провинившихся: после гауптвахты, после нарушений, разжалованных. Застава и выглядела ужасно. Длинная казарма на сорок человек, а полкорпуса закрыто, потому что крыша провалилась. Через полгода приехал на нашу заставу человек, который меня туда сослал...

☉ ???

– А это уже отдельная история. Сослал меня зам. начальника политотдела. Я закончил с отличным учебку, а до армии в школе был комсоргом, два года в комитете комсомола. Всё это было,

конечно, в характеристике. И он говорит, будешь у меня помощником в политотделе. Машинисткой, грубо говоря, работать. А я за этим в армию пришёл? Нет, я хочу на заставу – романтика границы. А там рядом ефрейтор сидит и говорит: «Дурак, ты что, каждые выходные в Выборг увольнительная, девчонки, кормят от пуза». Короче, я с начальником повздорил. А он не поленился, сходил в штаб, выписал мне предписание, на четвёртую погранкомендатуру.

И вот он приезжает через полгода посмотреть, что же стало, где косточки лежат этого наглеца. А я к этому времени уже старший сержант, дежурный по заставе и отдаю приказы, уже боевое расписание составляю, приказы на охрану границы отдаю, с проверками езжу. Потому что начальник заставы быстро разобрался что к чему. У меня вообще была мысль остаться служить...

☉ *И сделать военную карьеру?*

– Ну, я вообще ещё в шестнадцать лет хотел быть военным. Ездил в Ярославское училище (его сейчас нет уже). Приехал туда на второй день после выпускного вечера, смотрю: колючая проволока, забор, казарма, все строим, туда-обратно, в столовую. Я чего-то так посмотрел и думаю, нет, я ещё подожду.

А потом уже, в армии, втянулся.

И я выбрал почти военную профессию. Ну, это случилось уже чуть позже. Ко мне подошёл зам по разведке, который сказал: есть такая профессия, парень, родину защищать, но не только с видимой стороны, но и с невидимой, не хотел бы ты поехать учиться? И по окончании службы я был сразу направлен в Высшую школу КГБ. Конкурс был, кстати, гигантский, сорок человек на место. Я набрал девятнадцать из двадцати баллов, только за сочинение была четвёрка. Поступил. Пять лет отучился. Сложное было время, 1986 год, нас называли «горбачёвский набор». Перестройка, Ельцин появился, первые митинги, потом Карабах. Я помню, нас подняли по тревоге, посадили, выдали щиты, каски, бронежилеты, дубинки, автоматы и сказали...

☉ **А автоматы с боевым комплектом?**

– Конечно. Короче, «время отправки – два часа», ждём команды. И трое суток сидим. Это нагорно-карабахские события были. Потом Тбилиси. Приехали ребята из Грузии наши, показывали съёмки, когда людей лопатками рубили, разгоняли. Всё это происходило рядом с нами. Мы действительно хотели немножко изменить систему... Мы хотели показать, что это действительно почётная профессия, что это не какие-то там церберы, душители демократии. Нет.

Тем более у меня факультет был по линии разведки. Шведский язык учил с утра до вечера. Ночью меня разбудил, я по-шведски мог рассказать, как пройти от Старого Гота на окраину Стокгольма, то есть все улицы знал. Я когда в 2012 году первый раз попал в Стокгольм, жена моя удивилась. Спрашивает, откуда ты всё знаешь? А это сидит в памяти.

☉ **Неужели без практики язык не забывается?**

– Нет, знаете, я вот год назад, по-моему, шведскому телевидению давал интервью. Конечно, лексика уходит какая-то. Но основное – нет...

Выше упомянул «семь подвигов». Про № 2 уже рассказал. О самом первом – в конце. Остальные пять:

№ 3. Поддержка «закона Димы Яковлева». Между прочим, газета New York Times предлагала назвать эту инициативу «законом Павла Астахова», а живущий в Италии российский блогер писал, что именно уполномоченный при президенте Российской Федерации по правам ребёнка предложил Путину «асимметричный ответ» на «список Магнитского».

№ 4. Докторская диссертация «Юридические конфликты и современные формы их разрешения: теоретико-правовое исследование» 2006 года в сентябре 2013 года стала предметом скандала – по заключению Российской государственной библиотеки, в труде найдены элементы плагиата.

№ 5. В мае 2015 года сорокасемилетний начальник РОВД Ножай-Юртовского района взял в жены семнадцатилетнюю Луизу Гойблайбиеву. Комментируя этот брак в эфире «Русской службы новостей», Астахов проронил: «У нас есть места, где женщины уже в двадцать семь лет сморщенные, и, по нашим меркам, им уже под пятьдесят».

№ 6. В начале года правозащитник написал в блоге: «Слишком дорогая расплата за совсем не детские шалости. Дразнить тигра – это рисковать жизнью. Глупость и хулиганство. Премия Дарвина плачет!» Это Twitter-реакция на поступок барнаульских старшеклассниц в закрытом зоопарке, атакованных хищником. Напомню: премия Дарвина присуждается людям «за исключение вредных генов из генофонда человечества».

№ 7. И наконец, в июне последней каплей стала злополучная реплика: «Ну чё, как вы поплавали?» – в беседе с девочками, выжившими после катастрофы на Сямозере.

Однако у «обвиняемого» есть контраргументы по всем позициям. Ну, например, сам ПАА гипотезу относительно инициации «закона Димы Яковлева» опровергает.

Экспертиза Российской государственной библиотеки позднее была опровергнута.

Павел говорил мне, что слово «сморщенные» в эфире не звучало: им было сказано «смотришь на них», но при расшифровке записи райтеры накосячили, а исходной записи якобы не найти.

А поговорить в таком несерьёзном тоне с детьми, пережившими трагедию, посоветовали психологи. Как-то так.

Не готов анализировать эти нюансы. Хотя мне, конечно, любопытен феномен моего собеседника, который вызывает амбивалентную реакцию публики при всём наборе, казалось бы, положительных моментов.

Людей в медийной среде, относящихся к Астахову, мягко говоря, неоднозначно, хватает. Помню пост Владимира Соловьёва: «Год назад я был на съезде сторонников Путина... В этот раз такое собрание под руководством Павла Астахова тоже проходило, правда не в Лужниках. Я спросил Пашу: «Паша, я, конечно, не гордый, но почему не позвали?» Паша сделал очень грустное лицо и сказал: «Знаешь, я хотел, но в Кремле сказали, что не надо». Вот так, оказывается, теперь, не ты сам решаешь – сторонник ты Путина или нет, а это решают за тебя люди в Кремле. Интересно, а Путин знает, что из числа его сторонников меня вычеркнули по чьей-то кремлёвской указке?»

У каждого свои меты и коды. Для меня, например, весьма существенный фактор, что у ПАА – жена «первого призыва»: в отличие от многих своих прославленных коллег Астахов не «женится на молодой», а «плодится и размножается» со своей суженой.

☉ **Вам приходилось защищать конкретных людей. Вот, допустим, Владимир Гусинский. Он, в представлении социума, крайне одиозный персонаж. Ваши человеческие впечатления?**

– Я сейчас улыбаюсь, потому что Владимир Александрович очень смешной человек. Очень весёлый, энергичный, непосредственный. Вы знаете, такой большой избалованный ребёнок. И вот так он ко всему относился. Он считал, что все его прихоти должны удовлетворяться, все его идеи – это самые главные идеи, которые должны сразу реализовываться. И, конечно, его нельзя представить отдельно от Бориса Абрамовича Березовского. И вот это всё их противостояние, конечно, забавно выглядело.

☉ **А вот почему он пригласил вас, молодого адвоката?**

– Ну, не знаю, может быть, что-то увидел, услышал. Потому что я тогда очень дружил со многими телевизионными журналистами.

И вот звонит мне Володя Золотницкий (который, к сожалению, умер молодым) и говорит: мы пришли снимать обыски в офисе «Моста» Гусинского, а нас закрыли в комнате и держат съёмочную группу. Ну, я со всем своим молодым задором молодого адвоката заявляю: это незаконно, это противодействие журналистской деятельности. Он мне: Павел, я тебя умоляю, ты можешь приехать, хотя бы в окошко с нами поговорить? Приехал, поговорил, ребят выпустили. А когда я вышел, на улице толпища журналистов. Вы отсюда? Я говорю: отсюда. А что там? Я говорю: ну, проводятся следственные действия, идут обыски, я вот защищал ребят-журналистов, сейчас их выпустили. И спокойно уехал домой.

И на следующий день мне звонит Резник, мой духовный учитель, и говорит: Павлик, ну вот, я хочу тебе передать предложение, от которого нельзя отказаться; мой подзащитный, Владимир Александрович, хочет, чтобы ты его защищал. Ну, я отвечаю, Генри Маркович, если я буду с вами работать, для меня это честь.

Прошло какое-то время, Гусинского арестовали. Я когда-нибудь напишу книгу «Три дня с олигархом». Команда адвокатов была большая, но я, как самый молодой, три дня ходил с утра до вечера и сидел с ним в камере, я вот это всё видел, как он бегал в подтяжках, которые почему-то не изъяли...

☉ **Потому что на них можно повеситься?**

– Да, и он бегал в этих подтяжках по кругу, для него этот следственный комитет маленький. Когда он увидел бытовую неустроенность Бутырки, то дал указание своим людям привезти двадцать холодильников, двадцать микроречей, двадцать телевизоров, чтобы поставить в камеры.

Он сказал, давай, значит, Павел, напиши программу, сейчас будем помогать этой тюрьме,

чтобы здесь человеческие условия были. А там действительно были камеры, где, например, заключённые находились по колено в воде. Протекала крыша... Интересный опыт, чего там говорить.

☉ **Вы, когда с людьми в масках общались, включали свой чекистский опыт, что вот, мол, я свой, я систему знаю? Или не было необходимости?**

– Нет. Это идёт подтекстом. Я считаю, неправильно выпячивать это и говорить, ребята, да я свой.

Наоборот, у меня была ситуация, когда меня пригласили на беседу и сказали: но ты же наш, ну, ты понимаешь, что вот они такие-сякие, а ты их защищаешь. Я это, кстати, никому не рассказывал. Четыре генерала сидели. И часа три разговор этот был, очень для меня сложный. Ну, ты же наш, мы же знаем тебя, ты же семь лет отдал «конторе».

Я сказал: вы делаете своё дело, я делаю своё. Если я сейчас предаю своего клиента, я не смогу работать никогда адвокатом. Я дорожу профессией. И буду делать честно своё дело. Да, я, наверное, ваш, мы все свои. Да, я тоже патриот. Но я понимаю торжество закона как высшую степень патриотизма и защиту этого закона, и защиту справедливости. Такой был откровенный разговор. С меня подписку никто не брал, поэтому сейчас рассказываю.

И после этого, кстати, я действительно разных людей защищал. И Степашина, который был председателем Счётной палаты. И Сливакова. И Пугачёву, и Киркорова защищал, разных людей. Тот же Гусинский. И Миша Леонтьев, который когда-то говорил про меня критические вещи, а потом пришёл и сказал: брат, надо защищать меня. И я его защищал, и мы выиграли процесс. Это жизнь адвокатская. Адвокат обязан защищать, функция такая. Если б я тогда с генералами оступился, сказал, ну да, конечно, давайте я тут в разведчика сыграю... Ну, это не разведка, это несколько другое имеет название.

Рискну предположить, что «доверительная» беседа «конторских» генералов с Астаховым имела отношение к его работе с US-гражданином Эдмондом Поупом, осуждённым за шпионаж: двадцатилетний приговор вызвал бурную реакцию Госдепа, уже тогда раздавались призывы ввести санкции. Жена шпиона, Шери, была, по её словам, поражена тем, что защитник зачитал свою речь в стихотворной форме:

*«Скажите, как американец
Свои права сумеет отстаивать,
Не зная, в чём он обвиняем,
И не имея документов на руках.
Ведь это вы его лишили права
Вердикт суда присяжных услышать».*

Что касается звёздных подзащитных Астахова, то нельзя не вспомнить иск Батуриной к журналу Forbes: жене Лужкова помогал тогда именно он (редакции пришлось придумывать, каким образом опровергнуть слова о том, что госпожа Батурина «действует аккуратно» и строители «охотно берут» её «в партнёры»).

В том же 2007 году вышла первая книга Павла Алексеевича из разряда художественной литературы под титулом «Мэр»: повествовала о мужественном градоначальнике, что борется с криминалом да интригами. Всего из-под пера мэтра вышло девять художественных книг (две в соавторстве с Устиновой, остальные семь в серии «Адвокатские романы»), но мне, напомним, он сказал, что будет ещё как минимум одна, про Гусинского.

Но процесс Поупа стал первым номером в упомянутом выше перечне претензий («семь подвигов»). Человек на виду. Закономерно предположить, что список грехов будет расширен. Странно, что в этот лист не включили пункт «семья в Монако». Возможно, потому, что для нашей элиты это правило, а не исключение. У многих известных наших адвокатов, даже со статусом «кремлёвских», семьи обитают именно в Монако.

Почти все отправляют своих жён рожать в Калифорнию или Флориду, детей – учиться в Швейцарию или Лондон, сами лечатся в Германии или Израиле, ну а отдыхать от трудов праведных предпочитают на Мальдивах или Лазурке. Это всё из разряда must. Обвинять в этом наших элитариев – всё равно что упрекать за маникюр. Не делать так – всё равно что зубы не чистить – прослывёшь фриком. Поэтому претензии такого рода предъявлять именно Астахову было бы ханжеством. Это национальный недуг.

Мне не раз приходилось оспаривать тезис, что отечественное чиновничество не изменилось. Как раз напротив: чиновники постсоветской эпохи отличаются от советских и дореволюционных радикально. Всегда провожу «сравнительный анализ» наших и заокеанских бюрократов.

Американский чиновник:

1. Кровно заинтересован в стабильности своего сословия.

2. Искренне жаждет процветания Штатов, понимая, что могущество державы гарантирует ему и его семье безбедную старость.

3. Знает, что его наследники получат образование в одном из восьми университетов «Лиги плюща».

Ну а его российский собрат? Да то же самое! См. три пункта выше. Лоялен своей страте, верует в неизбежность Федеральной резервной системы США и надеется, что его дети и внуки станут выпускниками престижных US-заведений.

Астахов утверждает, что его первенец, окончив школу с медалью, втайне от родителей отослал

документы в оксфордский колледж и был принят туда без всяких протекций; родители всего лишь не возражали.

Как мне объяснял другой известный адвокат, Михаил Барщевский, наша элита суть временщины, поскольку в СССР не было механизмов династического наследования; стало быть, как только станет ясно, что «непосильным трудом заработанное» можно безопасно передавать по наследству, модели, вероятно, будут переформатированы.

☉ Я помню, в одном из телевизионных интервью ваш собеседник сказал: «Моя жена просила обязательно проговорить, что Павел – это секс-символ правовой системы».

– То, чего бы я хотел меньше всего.

☉ Но надо. Вот понятно, что внешние данные, они помогают иногда. Бывало так, что эта фактура, наоборот, мешала и сослужила службу негативного характера?

– Чаще внешние данные негативную службу служили. И до сих пор это преследует меня. Объясню почему. Вот я сталкивался с таким феноменом, что люди, которые меня лично не знают, часто имеют совершенно противоположное мнение обо мне, о моих способностях, о моей позиции, о моих принципах и так далее. Поэтому я очень открыт в этом плане, я готов общаться с кем угодно и как угодно.

☉ Ой ли?

– Да, абсолютно, пожалуйста, на любом языке, хоть на языке тела... Хотя, знаете, как меня мой сенсей учил, самое последнее, что ты должен сделать, – это переходить к физическому воздействию. Но если ты это делаешь, делай это первым. И делай наверняка. Я очень сожалею, когда приходится применять силу.

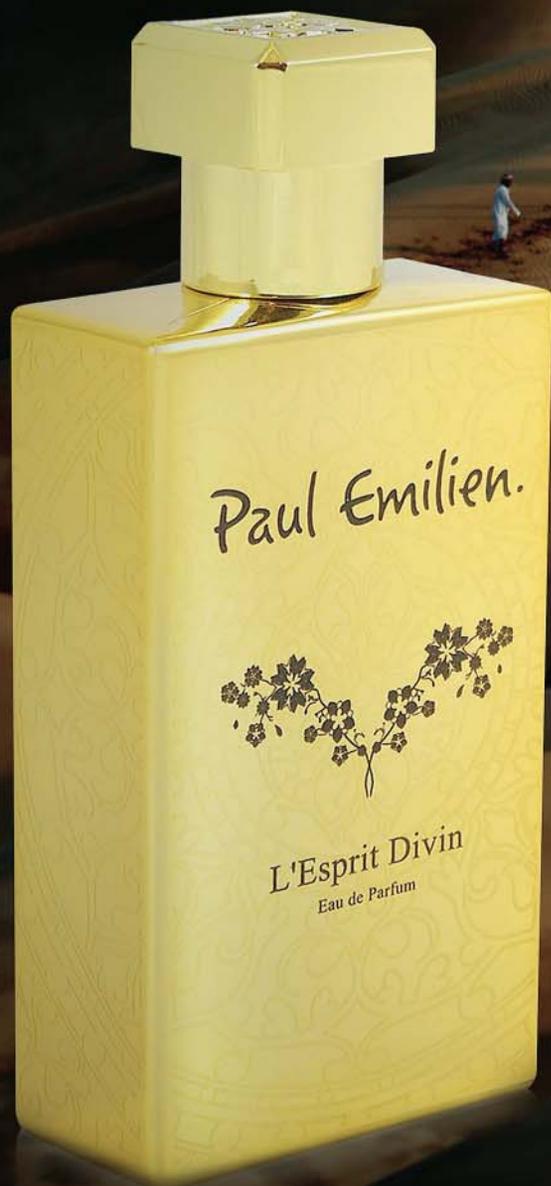
Так вот, какая плохая служба от этого. Как бы вперёд тебя идёт реноме. В своё время это – гламурный или глянцевоый адвокат. И когда ты приходишь в суд, вот как в адвокатской было моей истории, чувствуешь уже: судья, прокурор, коллега твой адвокат как-то смотрят искоса на тебя. Сперва удивление: а чего это вы в суд ходите сами? Я говорю: а почему я должен не ходить? Но вы там типа такой. Какой? Я обычный человек, я работаю, мне интересно. Это моя любимая профессия. Судебный адвокат – это очень интересно. Это сложно, но во всём мире это высшая квалификация адвоката.

И в процессе, когда ты уже работаешь, говоришь что-то, представляешь аргументы, доказательства, позицию формируешь и так далее, я вижу: меняется отношение. И ко мне, очень часто это было, подходили люди, начиная от судей, и говорили: а вы другой. Я говорю, я такой, какой я есть: это в вашем представлении я другой. ☉

Paul Emilien.

Haute Parfumerie
FRANCE

By Konstantin Subbotin • Реклама • Бутик «Ароматека», Москва, ул. Знаменка, 7, стр. 3 • АРТСОЛГУМ, Красная площадь, 3

L'Esprit Divin

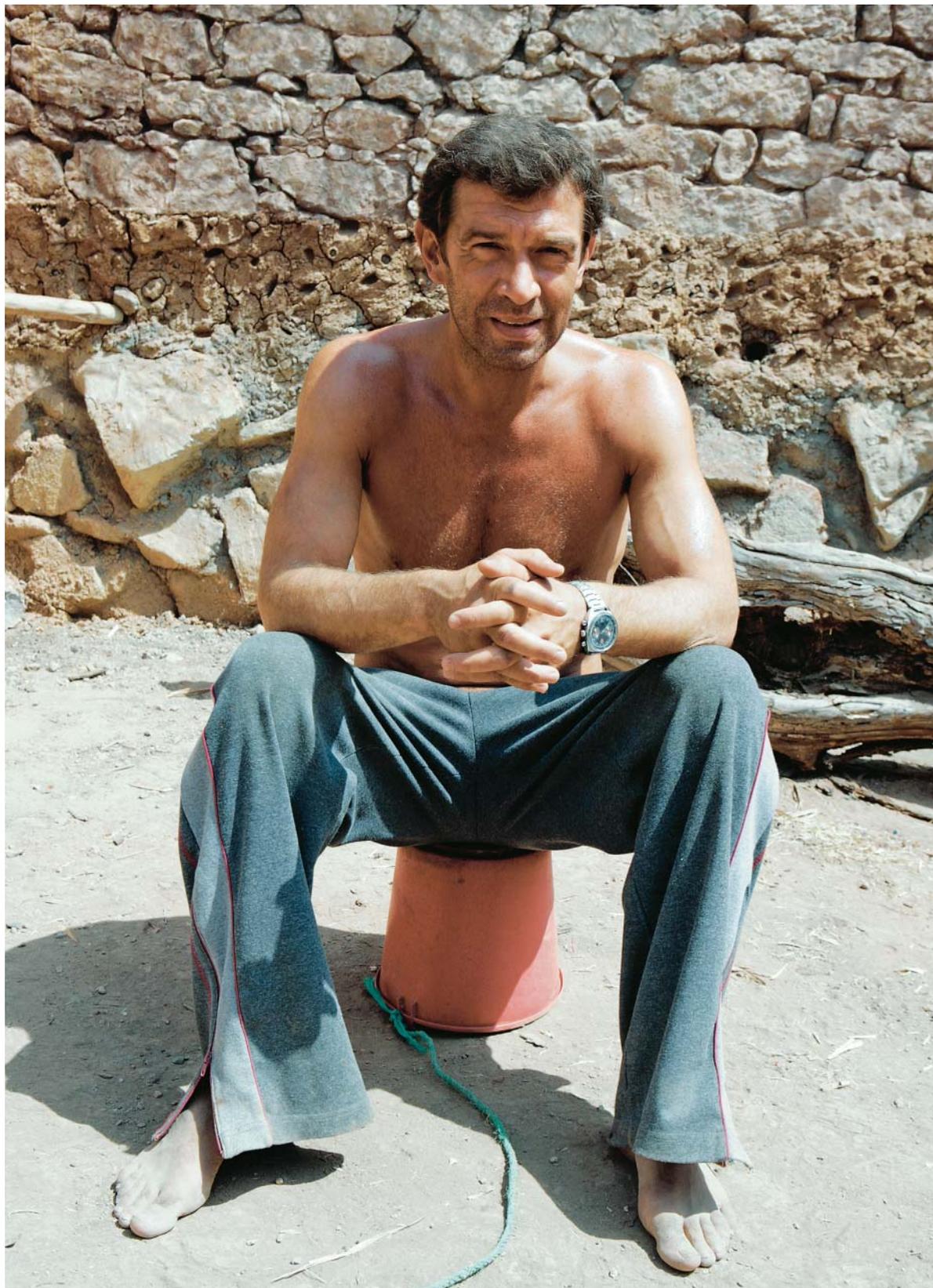
Eau de Parfum

—❖— ОТПЕЧАТКИ —❖—

Владимир Машков

► «Дед мне как-то сказал: «Вот ты накопил много денег, не потратил их и умер. А другой все деньги тратил. И тоже умер. Кому легче?» Есть деньги – тратьте...» В фильме «Кандагар». 2007 год

► «Актёры, как шахтёры, должны уметь доставать из недр тепло. И передавать людям». В фильме «Край» Алексея Учителя. 2009 год

Безумства храброго

Ему на старте не очень везло. В театральный взяли, но только потому, что в тот год был недобор. Это был такой тренинг судьбы. Потому что если человеку дать всё сразу, он, скорее всего, быстро протухнет... Надо было его закалить. И закалка эта ему пригодилась

ИГОРЬ СВИНАРЕНКО

Чем особенны, чем хороши наши артисты, свои, старой, что называется, гвардии – Рыбников, Лановой, Ульянов, Ефремов (старший, которого как бы частично заменил-подменил младший) и примкнувший к ним в последнее десятилетие Машков? Откуда магия, откуда наркотическая тяга к ним?

Это, скорее всего, оттого, что на их лицах мы читаем свои гены, в их носах и глазах мы видим изгибы своих цепочек ДНК, от них веет дикостью наших непроходимых лесов и пустых горячих степей. Есть западные звёзды, красавцы из Голливуда, но у них нету околмонгольских-постмонгольских скул, таких как у нас, они Кены, самцы Барби, которая в горящую избу не сунется. Что нам до Запада? Ну, так, ознакомливается с ним для общей культурки. А то, что есть звёзды Китая и Болливуда с аудиторией в миллиарды зрителей, которые в своих странах Востока популярней оскароносцев, – это уж и вовсе за гранью для нас, не более чем статистика, ничего личного.

А у наших – дикость! Евразия! Понятия поверх законов! Именно! Когда Ульянов, который приехал в Москву, покорять её, с чемоданом, в котором на дне лежал прихваченный на новое место пистолет. Мент на вокзале стал было проверять багаж, открыл крышку, заглянул, но ему лень было копаться в убогом тряпье. И Миша отправился не на Кольмю, а на Олимп. (Этот классик рассказывал своему зятю, моему однокурснику, ныне покойному, а тот успел – мне.) Машков – нате вам, этакий цыганистый, блатной, вот-вот кинется лобзать, перед тем как зарезать! Вора в одноимённом фильме он сыграл безупречно. Но вот не очень элитная цыганщина у него – оп-па! – оборачивается гламурной итальянщиной! Его бабушка строила «АвтоВАЗ», да мы проехали всю свою страну

вдоль и поперёк на полуитальянских этих «жигулях»! И начинается страна, как известно, от построенного итальянцами родного Кремля. Это всё такое нагромождение символов и намёков и тайных посылов из подсознания, что в них поди ещё разберись. Проще расслабиться и отдаться на волю этой магии. Этих волшебных артистов, этого Машкова... Вот когда наше – оно и есть наше, чего уж тут мудрить. Бери сколько унесёшь.

Вообще с Машковым я знаком как бы не с прошлого века! Мне его на «Мосфильме» показал Павел Лунгин. Обрати, говорит, внимание. Да, говорю, я его уж видел в работе, я в курсе.

– Нет, ты не понял. Он не просто известен и хорош, а он себя так покажет, что ты вспомнишь мои слова.

Машкова он мне тогда по-особому засветил. Я посмотрел на Володю новым взглядом. Мы поручкались, познакомились, и он на меня посмотрел тоже, своим, как потом выяснилось, коронным взглядом, которого на тот момент в кино он не показывал, как мне кажется, и использовал только в жизни. То ли для того, чтоб создать о себе максимально благоприятное впечатление, то ли он и правда, ну в принципе, почему нет, любит людей, любил же он даже насекомых в отрочестве, когда собирался идти на биофак, и даже пошёл, и даже год отучился. Взгляд этот такой: вот передо мной мой любимый друг, наилучший человек, и какое счастье, что он сейчас передо мной! Ну, конечно, лестно, да, получить такое от модного артиста, записного красавца, но всё же мы не до такой степени знакомы! В этом была некая цыганщина, пожалуй. Также и в том смысле, что цыгане – необычайно артистичный народ и у них почти у всех очень выразительные глаза, которыми они пытаются заглянуть тебе в душу. И вообще, если артист

не хочет понравиться, так на кой ему мучиться в этом ремесле, чушь бы это была.

А происходило на «Мосфильме» тогда вот что: Лунгин готовился к «Олигарху». Ну, например, выбирал актёра на главную роль. Сейчас мы знаем, кого он выбрал, но тогда вопрос был открыт. И вот интересно всмотреться в прошлое и понять: а почему Машков? По каким параметрам? И почему он обошёл других?

Очень хотел сняться тогда Андрей Васильев, он в те времена ещё был журналистом, командовал «Коммерсантом».

– Он же дико на Березовского похож! – говорил я Лунгину. – И тип лица, и лысина, и этот взгляд, который пытается залезть тебе в душу и как бы молча говорит: «Да вижу я тебя насквозь, ты такой же, как я, миром правят деньги, и только деньги, и ты зря пытаешься меня обмануть, что якобы бывает иначе! И поэтому я такой печальный и такие у меня скорбные глаза, что всё так плохо!» Вот когда мне Березовский смотрел в глаза, в Гарварде или в Давосе, не помню точно, я думал: ну прям вылитый Вася (Васильев) на редколлегии!

Лунгин отвечал:

– Ещё раз скажу: это собирательный образ, а не Березовский.

– Так как ты Машкова выбрал?

– Я хотел энергию какую-то, лёгкость энергетики... И на главную роль я искал тип, характер человека, который летит вперёд, который раздираем желаниями, у него мысль опережает речь, он весь энергия... Вот Березовский энергию излучает. И Володя Машков смотри, сколько излучает! В нём как будто почти нет плоти – одна энергия, один характер.

Вот видите, Машков, стало быть, как фотон, материя вся уходит в энергию. Причём, добавлю от себя, энергию притягательную. Но чисто как репортёра меня волновали достоверность фактуры и сходство с реальной жизнью. Я спросил:

«МНЕ НЕ СТЫДНО ПУСТИТЬ В ХОД КУЛАКИ, ЕСЛИ ДЕЛО КАСАЕТСЯ ИДЕИ ИЛИ ЖЕНЩИНЫ»

ВЛАДИМИР МАШКОВ

– А лысину будешь Машкову выбривать? – Мне, наверно, хотелось как-то уменьшить красоту актёра, от зависти, что ли.

– Да нет, зачем? Я ж говорю, это собирательный образ... Ну зачем же брать Машкова, чтоб делать ему лысину? Это же не Ленин, чтоб лысину делать.

Жалко. Тема оволосения встала после в «Ликвидации», в которой Машков, как известно, играл мента Гоцмана, а Меньшов – маршала Жукова. И вот я Меньшову сказал:

– Было не очень убедительно, когда вы, играя маршала, не выгоняли небритого подполковника (Машкова) из кабинета.

Он согласился:

– Да мне самому удивительно, что при том огромном внимании к мелким деталям в воссоздании эпохи Урсулак с Машковым сговорились об этой модной трёхдневной щетине на лице. Но вроде бы без неё Володя Машков выглядел менее мужественно.

Ещё, кстати, Аль Пачино тогда рассматривался как исполнитель главной роли в «Олигархе», но раз не вышло, чего уж про это говорить. Можно только заметить через запятую, что Машков в кастинге обошёл на вираже самого Аль Пачино, вот и всё. Вот снял фильм Лунгин. И режиссёр полетел к персонажу, к герою, к прототипу, на Лазурку, и провёл там с ним день. Чтоб что-то понять. И Машков тоже с Абрамычем познакомился! А как же. Надо ж понимать, как оно и что. И, значит, сыграл Машков, и я его после подколов:

– А вот мне некоторые олигархи говорили, что ты их брата сыграл неубедительно, потому что по тебе (им) видно: у тебя даже сотки не было никогда. В смысле ста миллионов долларов. И тебе не удаются возгласы типа: «Я разорён!»

Машкова это задело, он начал холодно отвечать:

– Олигархам со стороны, наверно, видней. Ну что такое миллиард и что человек чувствует, когда его теряет, – это я только гипотетически могу себе представлять. Но! Всё можно сыграть! Это субъективно – одному показалось убедительно, другому нет...

А позже он сказал:

– Человека с деньгами видно по спине, как и человека с оружием. Деньги – они же просто светятся. Это не значит, что у таких людей крадут кошельки, у них, может, даже нет в кармане наличности, только карточки, даже мороженое купить на улице нельзя.

Я так много про это, потому что это была очень важная роль. И в ней много всего показал Машков, на что способен. Как он готовится к работе. Вот я смотрел Березовскому в глаза, а Машков больше считал со спины. Ему надо было не только понять, но и узнать, как это передать. И вот ещё фраза Машкова, объясняющая что-то, показывающая, как он работает, и снова про тот же образ:

– У нас в бизнесе нет никакой законности, и он непосредственно связан с политикой. И ещё важная вещь: у нас люди, видя богатого человека, хотят опустить его до своего состояния... И потому у нас бизнес обречён. Богатый вызывает у нас не только зависть, но и ненависть, желание макнуть его в ту же лужу дерьма. Я всё это понял интуитивно, как человек, занимающийся такой профессией, подглядывающей.

Ну что, это, может, важнее, чем убедительно сыграть наличие у тебя пары миллиардов. Тем более что мало у нас таких, кто тут разоблачит фальшь: кинозрителей у нас куда больше, чем олигархов. Кино не для миллиардеров снимают, так-то.

И вот он в Америке, ура!

⊙ **Вот ты встречался там с Редфордом, Вуди Алленом, с Иствудом. Ну тот же Клинт Иствуд – ты с ним запросто, на равных разговариваешь?**

Это я спрашивал его, пытаюсь угадать: а думал он реально сломать стереотип, разрушить матрицу, стать не просто исполнителем мелких бандитских ролей, но – настоящей звездой Голливуда, покорить мир? Наверно, все артисты о таком мечтают, таскают с собой через полмира туда-сюда маршальский жезл, спрятанный глубоко в ранце. Иначе на кой всё, в самом деле...

⊙ **Ты же тоже звезда Голливуда?** – продолжал я своё.

– Слушай, Игорь, не пугай меня – «звезда Голливу-у-уда». Ты меня поддё...шь просто. Ну скажи по-честному – поддё...шь?

⊙ **Да ты чё! С ума сошёл? Как можно!**

– Я не знаю, как реагировать на это, – «звезда Голливуда». Как вменяемый человек, я понимаю, что ни фига не сделал вообще. Ну, то есть ничего не сделал. Так, обрывки фраз только... И именно там, в Голливуде, я понял, что на самом-то деле я никто и звать меня никак. Это очень полезно – увидеть со стороны, что ты значишь, насколько ценен. Наступает момент отрезвления. А ты говоришь – «звезда». Зачем? Меня в театральное училище взяли только из-за того, что у них в тот год был недобор...

Клянётся, что это правда...

Самое смешное, что Машкова и «во ВГИКе сильно «обломали», не приняли, сказав, что у него не кинематографические данные». Такое, кстати, часто бывает, что талантливых не признают на старте. В чём смысл этого? В том, что они не такие, как все, выбиваются из общего ряда и потому кажутся чужими? Может, это ещё и вызов судьбы такой – если человеку дать всё сразу, он, скорей всего, быстро протухнет, надо ж его закалить, чего он стоит без упорства и способности, стиснув зубы, идти в атаку? А кто скажет теперь, что Машков не состоялся в Америке? Десяток фильмов! У него особняк в Калифорнии, двадцать минут езды до океана, а на нём лодка 28-метровая,

«ОБОЖАЮ ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ. ЖИЗНЬ КОРОТКА, НАДО УСПЕТЬ ПОДУРАЧИТЬСЯ»

ВЛАДИМИР МАШКОВ

и в казино он как-то проиграл немалую сумму, точно неизвестно сколько, но это был тамошний гонорар, ну, может, не миллион, но близко к тому, – и не обеднел. Какие ещё вам нужны доказательства успеха? Ему, говорят, предлагали ещё роль в «Ларе Крофт-2», за 20 миллионов долларов. Я его спросил:

⊙ **Это правда?**

– Какие двадцать, ты что! Это полная ерунда. Всего шестнадцать с половиной мне предлагали.

Он, честно говоря, рассчитывал там сняться перед русским «Папой», где был режиссёром. Но американцы всё переносили и переносили свои съёмки, и настал момент выбора: или – или.

⊙ **И ты, значит, всё там бросил и прилетел в Москву снимать «Папу», так, что ли?**

– Да.

⊙ **Слушай, а ты б лучше взял шестнадцать с половиной миллионов, а после б делал что хотел и денег бы ни у кого не просил.**

– Ты серьёзно сейчас говоришь?

Я совершенно серьёзен. Его это удивляет вроде как. А на самом деле это, может, самая роковая его ошибка! О которой он жалеет, но кто ж в таком признается? Поди залезь человеку в голову, а сам-то он мало ли что расскажет о себе... Теоретически был, конечно, шанс, что фильм выстрелит глобально. Там же всё-таки еврейская тема, вполне международная и интернациональная. Во-вторых, тема музыкальная, вообще не требующая перевода. Ну и третье – при отсутствии в фильме матери всё построено на отношениях отца и сына, а это уже очень прозрачный намёк на высшие инстанции! В общем, человек с голливудским опытом, проживший в Штатах, мог, мог замахиваться на успех, перед которым поблекла бы стрелялка пусть даже и с самой Анджелиной Джоли, у которой тогда ещё были свои натуральные сиськи. Ну что же, замах, если он был, уважительный. И проигрыш, если это проигрыш, – мощный и красивый, таким можно гордиться! Мужской поступок, что тут скажешь.

И вот его таки догнала слава, в какой-то момент. Самый смешной с ней момент был такой:

– Назначили большой банкет в «Карлтоне».

Меня подвозит такси – чёрный лимузин. Я открываю дверцу... и обалдеваю! В моей жизни никогда такого не было. Снопы света, ликующие толпы! Я медленно выхожу из машины, делаю три шага навстречу этому восторгу... Ну только что слёзы не подступили, честное слово! Вот, думаю, успех! И тут за моей спиной стремительно вырастает кто-то в жёлтой рубашечке и быстро, пригнувшись, бежит в «Карлтон». А вся толпа ему вслед: «А-а-а!» Это был Микки Рурк. Они ждали его... Такие моменты тоже здорово отрезвляют...

Я поделился с Машковым своей теорией, которую как раз у них там в Голливуде придумал. Я ездил туда пару раз на вручение «Оскаров» и там смотрел на все те страсти вокруг кино. Я спрашивал себя: почему именно артисты главные, а не, допустим, режиссёр? Или такой умный парень, как сценарист? Это всё потому, что глубинный смысл киноискусства в том, что люди себя на какое-то время ассоциируют с актёрами. Даже не с персонажами, а именно с живыми людьми, которые играют роли. Они думают: «Я хоть час побыл таким же молодым, красивым, счастливым, и денег тоже до фига у меня, и так же свободен... И я тоже властелин этого мира, и все меня любят и просят автограф». Вот именно за это любят кинозвёзд.

⊙ *Правильное у меня понимание?* – спросил я Володю.

– Сто процентов!

⊙ *Вот! И всё это тебе удаётся. Ты красавец, задорный такой, ловкий, глаза масляные...*

– Конечно, ты прав...

Ещё для полного счастья, не актёрского скорее, а чисто зрительского, важна тема безумия. То есть высшей степени перевоплощения. Теория эта, может, и не научная, но верная, потому что моя. Вот когда он играл Рогожина, в новом «Идиоте», то был страшно убедителен! Он показал нам персонажа, который был повернут на теме личной жизни. До крайней степени, до высшей меры! Он там был реально страшен, спасибо ему за это, фильмы ужасов отдыхали. Чистая достоевщина, в концентрированном виде, многотысячный проигрыш в казино ложится сюда же.

– Я проиграл там всё, что у меня было на тот момент. Вообще всё. Когда я подошёл к столу, восемь раз подряд уже выпадало красное. Я начал ставить на чёрное, но красное выпало ещё двенадцать раз подряд. И не двинулась же рука переставить фишки на красное! Бывает иногда. А так проблем особых нет.

А его разводы и женитьбы – это что, тихая и спокойная бургерская жизнь? А драки, из-за ко-

торых его исключали отовсюду? А слухи, которые крутятся вокруг него? Что в юности он с друзьями угонял мотоциклы. И однажды провёл три недели в камере предварительного заключения, забрался на балкон к знакомой девушке, а она оказалась убита. Или – на съёмках фильма «Папа» он повёл всех женщин киногруппы в ювелирный магазин и каждой купил украшение с бриллиантом.

Кому эти домыслы кажутся неуместными, пусть вспомнят знаменитую историю про то, как его забрали в армию и в поезде он поссорился с прапорщиком и «уронил ему на голову чемодан, случайно». Нормально? И куда же отправили нашего героя? В психдиспансер, где он провёл ни много ни мало три месяца. И в армию больше, кстати, ни ногой. Это вовсе не компромат, истории все известные, а напротив, комплимент: ведь прагматичный актёр, который за деньги холодно и тупо играет, что скажут – это провал! Если у актёра нету таких вот сумасшедших историй, так надо их придумывать, куда ж без этого?

Я уже говорил про некоторую его цыганщину.

Но если копнуть глубже, выяснится, что это никакая не цыганщина, а штука куда гламурней – итальянщина! Он мне рассказывал:

– Моя бабушка – итальянка! Она приехала учить русских коммунистов итальянскому языку! И вот она с одним из учеников вступила в брак. И в 1925 году родилась моя мама, я поздний ребёнок.

⊙ *Parla italiano?* – спрашиваю его, и он довольно бойко отвечает, знает чего-то!

⊙ *А ты в Италии замечал биение сердца такое особое? Что типа ты итальянец, italiano vero?*

– Нет, у меня биение в Новокузнецке, – отвечает он уверенно.

Я продолжаю свои расспросы. Про итальянскую, например, кухню. Он рассказывает, что больше любит советскую еду: макароны по-флотски, пельмени – консистенция мяса чтоб чуть резиновенькая и тесто тоже резиновенькое, с перчиком...

⊙ *А теперь я тебе объясню, откуда в тебе такая тяга к пельменям: ты же итальянец! А пельмени не что иное, как итальянское блюдо под названием «равиоли». Вот и всё.*

– Вот оно что! А я-то думал, что я сибиряк, что пельмени оттуда.

⊙ *Нет, батенька, это твой земля Марко Поло их из Китая завёз. И ты любишь, чтоб тесто было «резиновое» – это называется al dente на итальянском, ха-ха! Макароны же по-флотски – это, как известно, pasta bolognese, вот и всё. А вот мы почему сидим с тобой сейчас в итальянском ресторане? При том что место ты выбрал, а не я.*

– Да это просто напротив дома моего.

⊙ *Думаешь, значит, что это случайно?*

– Я сейчас только задумался об этом! Да, пожалуй, таки ничего случайного в жизни не бывает... Знаешь, о чём вспомнил? После того как я уехал из родного города, моей семьи не стало: мама с папой умерли очень быстро. Практически в один день. Им просто незачем стало жить. Это моя вина и моя боль. Долгое время я не мог приезжать на могилу родителей – пока учился, элементарно не было денег на дорогу. А потом я прилетел, пошёл на кладбище, хожу, хожу – не могу найти родительскую могилу! Я после ещё и ещё приезжал, искал, а могила словно исчезла вообще. А потом, когда я вернулся домой с моим фильмом «Папа», снова пошёл на кладбище – и нашёл могилу. Мистика просто. Это было для меня знаком, что я всё делаю правильно...

Сергей Урсуляк:

– Когда увидел его впервые? Думаю, и он этого не помнит, я и сам только недавно вспомнил. Было это, когда я учился на Высших режиссёрских курсах и старший Герман попросил меня помочь с кастингом. Он тогда готовился, уже в течение многих лет, к фильму «Хрусталёв, машину!». Мне надо было походить по театрам и посмотреть молодых артистов. И тогда, среди прочих, я посетил и театр Табакова и нескольких артистов отобрал. Вот там мы и пересеклись с Володей первый раз. Но он тогда ещё не был сегодняшним Машковым.

Потом мы долгое время не встречались. В 1994 году Володя снимался у Валеры Тодоровского и почти одновременно у Дениса Евстигнеева. Мы не то чтобы близкие товарищи с Денисом и Валерой, но как-то до меня доходили слухи, как-то мы пересекались, и они актёра Машкова характеризовали очень хорошо. Я это принял во внимание и чуть позже позвал Володю в свою картину «Сочинение ко Дню Победы» на небольшую роль. К тому времени Володя уже был восходящей звездой, однако с удовольствием согласился даже на маленькую роль. И мы прекрасно несколько дней поработали. А уже потом возникла идея позвать Володю сыграть Давида Гоцмана в сериале «Ликвидация». Вот такая история наших отношений. Но не могу сказать, что меня всё в Володе радовало и ничего не смущало. Ведь он с самого начала был окружён всевозможными слухами, рассказами о его буйной натуре...

В том-то и дело, что по тому, как я его наблюдал уже в работе, – оснований для этого не было, абсолютно никаких! По мне, так Володя вообще идеальный артист. Он профессионален, во-первых. Очень талантлив, во-вторых. А в-третьих, он абсолютно честен в работе. То есть если у него есть работа, то ничего другого для него просто не существует. По крайней мере, я видел только такого Машкова. Кроме того, он человек совершенно

изумительных товарищеских качеств. Знаете, есть артисты, с которыми после команды «стоп» не хочется общаться. А с Машковым – хочется. Володя одним своим присутствием создаёт на площадке замечательную атмосферу.

Он не краснбай, но человек остроумный и любящий дуракавалыние – такое сиюсекундное актёрство, импровизационное. Это всегда создаёт атмосферу необязательного существования. Ведь, понимаете, артиста на съёмочной площадке больше всего смущает то, что он должен именно сегодня, именно сейчас выдать всё, на что способен. И от этого артисты часто зажимаются, не могут расслабиться и в итоге не могут сделать свою работу максимально хорошо. И тут может помочь атмосфера необязательного товарищеского общения, внутри которой мы ещё и работаем. И Володя такую атмосферу умеет и создавать, и поддерживать. И помогает молодым. В том смысле, что он их не гнобит. И Володю очень любит группа. Это показател. Потому что часто с режиссёром артисты одни, а с группой – другие. С группой они могут вести себя и высокомерно, и истерично. А у Володи со всеми – от рабочего на площадке и до меня – одинаково ровные отношения. Но при этом он не любит панибратства. Например, когда к нему подходят: «Владимир, давайте с вами сфотографируемся». Вот этого он всячески избегает. Говорит: «Я не Машков. Очень похож. Но не Машков». По крайней мере, так было, когда мы с ним работали. И люди теряются, думают, может, действительно не Машков? Вообще, он не любит публичности, не любит давать интервью, не любит разговоры о себе.

А ещё очень щедрый человек. Вот его подарки – они, что называется, не носят следов экономии. Володя одаривает и коллег, и друзей, получая от этого, судя по всему, большое удовольствие. Он совсем не жмот, я бы сказал. В нём этой черты нет совсем. Поскольку Володя знает, что я собираю советский фарфор, он мне подарил набор фигурок, сделанных по шаржам Кукрыниксов на деятелей культуры – Мейерхольда, Москвина, Станиславского... Думаю, стоят они больших денег. Но сделал он это так легко и как бы... ни на что не претендуя. (Смеётся.) Он уже у меня снимался и был уверен в моём замечательном к нему отношении. Так что это не было взяткой или чем-то ещё. Видя его стилистику общения, я понимаю, что он человек огромной расположенности и щедрости. И, думаю, Володина закрытость, в которой, я знаю, его часто упрекают, и как бы... кусачесть – это обратная сторона его тонкости и нежности. Володя Машков – человек очень нежной души.

Могу сейчас признаться – я действительно не предполагал Машкова снимать в «Ликвидации». Это был совет продюсера картины. И я этому совету, надо сказать, сопротивлялся. Просто по-

тому, что в сценарии был написан другой человек. И так было до звонка из Америки самого Володи (он там тогда жил), который напрямую меня спросил, очень так по-мужски, я бы сказал, спросил, почему я не хочу, чтобы он даже пробовался на главную роль. Вот тут я не нашёл аргументов и сказал: «Почему же? Я хочу». Володя прилетел, и мы провели с ним, наверное, вместе два или три месяца почти в ежедневных встречах и разговорах, каких-то пробах. Не могу сказать, что эти разговоры, особенно поначалу, меня убеждали, что именно ему нужно играть эту роль. Потому что наши видения не совпадали, если говорить мягко. Но, в конце концов, мы нашли общий язык по-настоящему, не в смысле человеческого, а в смысле отношения к роли, – просто уже на площадке, во время съёмочного периода.

Причём в смысле внешнего сходства – Володя стал Гоцманом очень легко. Потому что он выдающийся характерный артист. Для него заговорить по-другому, принять другой облик – ничего не стоит. И с одесским говором было именно так. А вот то, как Володя внутренне изменился для этой роли, – это, конечно, была огромная работа. И только такого рода изменения делают героя по-настоящему живым.

Вообще, поразительно, насколько он, реальный человек, не похож на себя экранного. Но, по мне, так: когда человек на сцене или на экране интереснее, чем в жизни, это признак таланта. Великий артист Аркадий Райкин, с которым я имел счастье работать в течение семи лет, в жизни не производил впечатления человека той яркости, обаяния, каким люди его знали по сцене. Наоборот, он был очень незаметным, тихо говорящим. И, войдя в большую компанию, ты мог обратить внимание на кого угодно, только не на него. А на сцене Аркадий Исаакович абсолютно преображался, от него было невозможно отвести глаз и невозможно было в него не влюбиться. Володя – из той же породы.

Павел Лунгин:

– Наверное, можно сделать кино на технологии, на распределении функций, на голом профессионализме. Не знаю. Не пробовал. Я считаю, что между режиссёром и актёром не может быть формальных отношений, их совместная работа всегда опирается на чувства. Любые. Самые разнообразные. Исключается только безразличие. Многие режиссёры работают с актёрами на провокации, добываясь нужного результата довольно жёсткими методами. Это не мой случай. Я стараюсь создать на съёмочной площадке «любвные отношения». Атмосфера взаимного понимания и удовольствия от общения друг с другом, поверьте, даёт прекрасный результат. Особенно в том

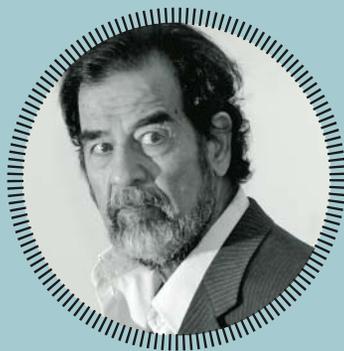
случае, если актёр мне и по-человечески близок, понятен и интересен. Актёру же важно видеть в режиссёре своё отражение, опираться на него, как на фундамент, и доверять абсолютно. Мне кажется, именно такие отношения сложились у нас с Володией Машковым. В 2002 году я снимал его в фильме «Олигарх», в 2014-м в сериале «Родина». Алексей Брагин – его роль на все сто процентов. Володя внутренне очень похож на своего героя, так же, как и он, чувствует правду всем своим организмом. Дело в том, что актёры бывают двух типов. Одни, как, например, Роберт Де Ниро, могут всё время перевоплощаться и становиться кем угодно, так, как будто его самого вообще не существует. Де Ниро никогда не проглядывается в своём персонаже. А есть, например, Жан Габен. Он не может спрятать свою личность, в каждой роли есть что-то от него самого. Именно к этому типу относится актёр Владимир Машков. Любую роль он «натягивает на себя», любой персонаж – это он сам. Его всегда можно узнать. Конечно, режиссёр это должен учитывать, выбирая для него роль. Если не ошибся, дальше будет всё замечательно. Для меня работать с Машковым было настоящим удовольствием. Прежде всего потому, что нас связывают близкие, дружеские отношения и взаимное уважение. Володя – умный человек, очень хорошо образован и много читает. Он, как и я, тип гуманитарный. Ко всему прочему, обладает хорошим вкусом, умеет и любит беседовать. У него есть интуиция, поэтому он может точно принимать решения, важные не только для роли, но и для жизни. У меня иногда спрашивают: какими качествами нужно обладать, чтобы стать звездой? Я думаю, для этого нужны талант, удача и цельность характера. Все эти три составляющие есть у Машкова. Талант заложен в самой его личности. Володя – яркий и неординарный человек. Актёр Машков очень точный, абсолютно слышит и понимает, что от него хотят, – сам легко принимает решения на каком-то физиологическом уровне. При таком положении вещей работа становится совместным творческим актом, замечательным действием и удовольствием.

Когда мы снимали «Родину», Володя приезжал за два часа до съёмок, всегда был абсолютно готов и собран, безупречно знал текст. Во время работы он отодвигает в сторону все остальные проблемы, и, что бы ни происходило в его жизни, это на некоторое время перестает иметь значение. Володя никогда не совмещает две работы сразу. Если он серьёзно занимается фильмом, то не может быть речи о репетициях, гастролях, телепрограммах – вообще ни о чём. Он полностью погружён в работу. Так же ясно и точно он понимает, чего хочет от жизни. Эта погружённость и даёт ту невероятную точность и собранность, которая отличает Машкова от других актёров. ☉

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*В которой великий и ужасный
Саддам Хусейн добывает диплом
с помощью оружия **с.54***

.....

*а сын писателя Владимира Набокова
Дмитрий чуть не лишается его
по причине волокитства **с.74***

ШВАРЦ

Вероника Долина рассказывает о том, как сказочные пьесы Евгения Шварца помогают ей отличать земных женщин от фей

– Для меня мир Шварца был защитительной оболочкой. Меня сказка вытаскивала десятки раз ещё с детских лет. Вот в чём ценность сказки... Это изоляционная лента, которой можно хоть всё тело обмотать, и она тебя спасёт тысячу раз. Не по дубовой поговорке: «Сказка ложь, да в ней намёк». Она не ложь никакая. Фантазия – та же религия. Фантазия вытаскивает тебя множество раз, столько, сколько ты позволишь себе с верой заглянуть в её будто бы не существующий мир. Я вообще давний ревизор этого мира. И знаю немало людей, ровно таким же образом относящихся к нему. Сказка – база, первооснова литературы, плод фантазии. Причём старая сказка – плод старой фантазии. Как старый ключ от старой двери. Старый – это всегда аромат. Но ещё и намёк на сокровенность. Это волшебство, которое вполне могло быть в реальности. Например, деревянная кукла, превращающаяся в настоящего ребёнка, – почему бы и нет? Простой языческий приём. Или человек, который днём был птицей, а ночью оборачивался мужчиной. Что тут такого? Простой мифологический ход, пронизывающий десятки сказок разных стран. Для меня раз сказка старая – стало быть, факт. Старый и старинный – я воспринимаю как достоверность. Так я устроена.

❖ **А как и когда сказка вас спасала?**

– Взять хоть «Мальчика-с-пальчика». Главный герой уводит братцев и сестриц в лес, оттого что они надоели родителям, которые не могут их прокормить. Мальчик умён и не одиножды выводит их всех из тёмного леса. Эта простая метафорическая формула – найти своим близким выход из трудных обстоятельств – преследовала меня с детских лет. Надо иметь хотя бы крошки, или крупу, или камушки, чтобы найти дорогу из темноты, – это я усвоила ещё ребёнком. С тех пор я невероятный запасчик всего, что может пригодиться, не по-плюшкински, а разумный. Впрочем, разнообразные способы выживания я черпала в любой

хорошей литературе. Сколько рецептов, выручающих в жизни, я вытаскивала из книг старика Дюма! Взять хоть формулу, близкую к сказочной, – «эффект подвесок королевы», как я это называю. Это когда судьба даёт тебе задание, которое ты будто бы не в физических силах выполнить, но ты берёшься и выполняешь. Здесь присутствует даже не фактор подвига, а повышено требовательное отношение к себе и пониженное – к окружающему пространству. И тогда ты начинаешь сотрудничать с пространством настолько близко, что принуждаешь ветер дуть в твои паруса.

❖ **То есть для вас сказочный мир – другая реальность, но живущая по тем же законам, что и наш, обыденный мир?**

– Знаете, как называется волшебный напиток, который Тристан и Изольда неосторожно выпили на борту корабля? Там волшебство-то не в сильной любви: они были приговорены друг к другу химическим способом. Напиток везли королю Марку, чтобы любовь пожизненно соединила этого не очень юного мужа и его юную невесту Изольду. Но два молодых дурака напиток выпили. А как он называется по-французски?

«Фильтр». Я ещё в тринадцать лет, когда прочитала это слово, глазам своим не поверила: что за название для волшебного напитка? Какое-то мendeлеевское, как из лаборатории. А легенда, сказка, предание и есть лаборатория. В старой литературе присутствует технология волшебства, техника создания магической реальности. Ну, не в прямом смысле, но если покопаться и кое-что понять.

❖ **И какую роль в вашей жизни играли пьесы Шварца?**

– Книжку Шварца я обнаружила на полке, когда мне было лет десять. И до сих пор не забыла первого впечатления от того, что там прочитала. Я перелистывала толстенный том туда и сюда, лезла в выходные данные и не могла поверить, что написанное – сколько-нибудь советское. Даже ребёнком я почувствовала, что имела дело с чем-то

«Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь», – заметил когда-то Евгений Шварц.

► Фильмы по его сказкам: «Золушка» и «Обыкновенное чудо»

не виданным мной до тех пор. Вообще, это западная традиция: создать образ Дон Жуана или Жанны д'Арк так, чтобы ты просто увидел себя. Жанна д'Арк, девочка, которая говорит, что как хочет, так и делает, что ей высшие силы сказали, как надо поступать, – ух, моему безумию и моей очарованности не было имени! Для меня в этот ряд, скорее западный, встал и Шварц. Несмотря на моё удивление его пьесами, я оказалась к их восприятию абсолютно готова. Хотя бы потому, что всё детство читала сказки, самые разные, и теперь со страниц книги на меня смотрели десятки знакомых мне персонажей. Для меня, например, рыцарь Ланцелот из «Дракона» был как родственник: я знала, кто он, из какой эпохи.

☉ **Вы как к рыцарям относились и относитесь? Как принцесса, прекрасная дама?**

– Ни в коем случае. Я была той девочкой, которая грезилась себе мальчиком. И вполне могла вообразить себя рыцарем. Я же ещё выходец из французской спецшколы, для меня Жанна д'Арк – родной человек, а это – девочка, которая подстриглась, надела доспехи и поехала воевать.

☉ **А кто такой рыцарь?**

– Он диссидент, инакомыслящий во имя защиты прав человека. Его интересуют только высшие ценности. Он служит справедливости как божеству. Попутно обслуживая ещё и муз как низших божеств. Рыцарь ведь человек высокоорганизованный, поэтому чрезвычайно склонен к искусствам и наукам. Музыка и шахматы, математика и словесность – это всё рыцарские занятия.

☉ **Если человек занимается искусством, если он талантлив, он просто не может не исповедовать рыцарский кодекс?**

– Это одна академия.

☉ **Восприятие рыцаря существует для вас без налёта куртуазности?**

– Милые, галантные стороны рыцарства – музыка, литература, спецухаживания за дамой – меня не разогревали. Правда, французская школа познакомила с кодексом Тристана и Изольды. Но куртуазности в моём отношении к рыцарям мало: я всего сладкого не любитель. На турнире дама премировала сражавшегося с соперником – мне данного жеста достаточно.

☉ **Шварц по складу характера и дарованию был рыцарем. Воевал в составе Добровольческой армии, писал пьесы, которые, несмотря на то что их активно ставили и экранизировали, не отвечали принципам соцреализма. И при своём внутреннем неконформизме Евгений Львович уживался с властью.**

– Да, у него всё было в меру благополучно. Достаточно того, что не сидел во времена репрессий. Он, как умный и талантливый человек, умел вписаться в доставшееся ему время. Бороться за жизнь – тоже одно из высоких предназначений художника

не самого исторического склада. Ему надо уметь выживать в трудных условиях лагеря или гетто.

☉ **Выживать и одновременно сохранять себя?**

– Тут уж как получится, скажу печально.

У Шварца получилось. Сражаться с драконами можно разными способами.

☉ **Вы тоже склонны к битве с ними?**

– Если дракон не такой лапочка, как в «Игре престолов», а поработитель, человеконенавистник, буду противоборствовать ему, а что ещё остаётся? Такие простаки, как я, для того и созданы. Я устроена протестно, меня хлебом не корми – дай протестовать. В школе не было завуча, который бы на меня не обижался. Если входила в кабинет директора, сразу присаживалась к директорскому столу. Такой я дикарь. Многих раздражала, но ничего не могла с собой поделывать. Хотя старалась компенсировать своё непокорство куртуазной речью, симпатичными стихами. Когда водила уже своих детей знакомиться со школой, первый раз входя к директору, заводила весьма панибратскую беседу. И опять не могла с собой повладать. Для меня начальник – особая категория людей, я буду над ним куражиться, буду его дразнить, чтобы сбить пафос отношений. Потому что я демократ, для меня человек не выше человека, женщина не выше мужчины, мужчина не выше женщины, взрослый не превышает ребёнка. Никто не имеет преимуществ. Только если талант, но на этот счёт следует помалкивать и ему самому, и многим окружающим: тут тоже скромность рекомендуется. Возвращаясь к вопросу, повторю: я природный неконформист. Буду как минимум бряцать на лире и складывать не всегда выгодные для себя куплеты.

☉ **А Золушка, о которой Шварц написал такую дивную пьесу, вам близка? Интересно, кстати, изменился в сознании людей образ этой героини? Она представляется девушкой, которая страданиями обеспечивает себе будущую благополучную жизнь – непременно с принцем и во дворце. Довольно мещанская картинка.**

– Она обожествляет мужчину, который протягивает ей руку. Поэтому возлюбленным Золушки мог оказаться вовсе не принц, а, например, сын простого человека. Золушка бескорыстна, земные блага ей безразличны, её питательное вещество – любовь. Бал для неё всего лишь возможность найти любимого.

☉ **И «очень вредно не ехать на бал, когда ты этого заслуживаешь».**

– У меня ещё любимые слова в сказке Шварца те, которые говорит фея, Золушкина крёстная, о её мачехе и сестрицах: «Они никого не любят, ни о чём не думают, ничего не умеют, ничего не делают, а ухитряются жить лучше даже, чем некоторые настоящие феи». Если отвлечься от нравоучительности, которая здесь заложена, и посмотреть глубже, то вспоминается старинная

формула французских сказок: «Первое занятие феи – стирка». Фея – низшее существо, смотрящее на человека снизу вверх, вот фокус какой! О чём нам Шварц тоже напоминает.

☉ **Значит, Золушка как человек выше феи?**

– По нашему феиному кодексу – да. Но Золушка – малограмотная девочка, она не в курсе этой иерархии. Люди боятся фей. Фея, например, может увести мужчину. Она всегда соперница женщины земного происхождения. На самом же деле фея трепещет перед человеком, но человек необразованный этого не знает. Образованный догадывается. Поэтому нужны редкостные сочетания обстоятельств, чтобы сложились отношения феи-крёстной и простой девочки. Впрочем, Золушка тоже может быть не очень простой. Почему у неё крёстная – фея? Не родственница ли она ей? Если родственница, то и Золушка, получается, не совсем земного происхождения и её тоска по мужской любви, по любви обычного мужчины – неосознанное стремление жить как все. Фея, даже если она такова наполовину, тяготеет к земному мужчине. В этом весь ужас: она влюбляется в него и платит за свою любовь как в «Русалочке» Андерсена. Она стремится пожертвовать рыбьим хвостом, пожертвовать миром стихий, из которого вышла, риск огромен. Шварц, кстати сказать, отчасти создал идиллию – принц, дворец, – которая по законам кино эффектно смотрится на экране, а старая сказка о Золушке более обыденна.

☉ **Вы часто встречали фей?**

– Необычных женщин? Встречала, больше пяти раз.

☉ **Узнавали их сразу?**

– Да, есть масса признаков. Необычные глаза, необычная, часто с намёком на лёгкую прозрачность кожа, необычная речь. Степень наполнения феиным веществом бывала разная. Но стремление феи к земному мужчине, то есть выйти замуж и быть как все, лежало на поверхности. Фея крайне мало походила на всех, а жила простодушной жизнью женщины, легко предлагающей себя мужчине, поскольку он мог помочь ей укрепиться в реальности. Ни к чему хорошему это не приводило. Пожилых фей я не видела давненько, не знаю, может, я сама уже переqualificировалась, но не уверена – я земного происхождения, хоть иногда играю в фею. Я знаю, что многому можно научиться, что волшебство близко, но поработать придётся.

☉ **То есть волшебство тоже зарабатывается?**

– Конечно. Я не верю в бесплатную добычу счастья, удачи, хоть какого-нибудь успеха. Успех должен быть оплачен.

☉ **Это напоминает «обыкновенное чудо», придуманный Шварцем оксюморон. Но чудо – прежде всего неожиданное явление.**

– Конечно, ничего не гарантировано. Чудо нельзя заработать, а то все, кто хочет, жили бы

царственно. Но и бездельник может стать королём. А трудиться нужно потому, что жизнь должна быть добросовестной, пусть и без всякой квитанции, которую можно предъявить в определённый момент. Совестьливый человек обязан трудиться, не ради успеха, вообще не ради чего-то внешнего, – ради самого себя, своей души.

☉ **Так что же такое чудо?**

– То, что нисколько не гарантировано, но статистически встречается. Не нужно нацеливать свою жизнь на чудо, но можно, приподнимаясь над плоской реальностью, пытаться верить в высшее происхождение человека, в высшее происхождение жизни. Можно настраиваться на чудо, но неназойливо.

☉ **Вы настраиваетесь на нечто чудесное и стараетесь это приблизить?**

– У меня всегда были сценарии – на год, на пять лет, и я твёрдой походкой, не всегда прямым, иногда круглым путём, и даже грустными маршрутами, но шла к задуманному. А с возрастом я вообще с огромным трудом могу отступаться от своих замыслов, даже если признаю их несовершенство. Я такой природный шахтёр, который рубится в шахте, и природный вахтёр, который стоит на вахте, и природный подводник, который сидит в подводной лодке, и пилот, который в своей пилотке. Но, повторяю, ничего не обещано, есть то, что от твоего прямого старания не зависит, поэтому без помощи высших сил трудно. Надо уметь видеть, слышать и понимать какие-то вещи. Это тоже поиск и труд.

Обнаружила я в себе способности сотрудничать с высшими силами достаточно рано, отчего, наверное, пока я не окончила школу, моя мама, женщина абсолютно земная и прагматическая, повторяла мне, чтобы я перестала смотреть в небо, а смотрела под ноги. Она очень настаивала на приоритете земного перед небесным и замечательно жила, но в отношении своей судьбы я её немножко переспорила. Я и детей своих обучала, как прожить жизнь, вглядываясь во что-то такое, чего другие не видят. Даже пятилетнему можно многое объяснить. Конечно, будут сюрпризы, когда человек в один прекрасный день окажется действующим лицом совершенно другого сценария, не того, который себе написал. Но путь свой выстроить каждому по силам, и здесь без волшебного сложно.

Почему я и люблю сказки: в них соседствует возвышенное с простецким. Это пособие для человека понимающего. Вся литература, в которой есть элемент сказочного, способна дать подсказки о нашем бессмысленном пребывании на земле и даже о нашей бессмертности. У меня бывали дни, когда ничто не выручало, кроме волшебства, простого, моего собственного. ☉

ИРИНА КРАВЧЕНКО

Relax ^{РАДИО} fm

ВЫКЛЮЧИ СТРЕСС
ВКЛЮЧИ РЕЛАКС

0+
РЕКЛАМА

Саддамазо

*Как пропагандистская
Матрица превратила
обычного восточного царька
в Мировое Зло и одновременно
в мученика свободы*

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

Когда вспоминаешь о войне просвещённого мира с Саддамом Хусейном, кажется, будто она длилась целую вечность. А ведь речь идёт о двух весьма непродолжительных конфликтах (Война в Заливе 1990 года закончилась за месяц с небольшим, Вторая иракская война 2003 года – за полтора месяца). Впечатление исключительной масштабности и бесконечности этих войн создала пропаганда – именно благодаря ей человек в военном берете, с чёрными усами и хищной улыбкой стал в глазах обывателей новейшей заменой Гитлеру. Войну в Заливе политологи справедливо называли «первой телевальной»: сотням миллионов людей во всём мире её доставляли на дом, как пиццу, её можно было смотреть день за днём, как любимый сериал с героями и злодеями. Главным из которых был он – Саддам Хусейн.

Казалось бы, ничто в истории Ирака не предрекло этому человеку исключительности: в сравнении с когда-то правившими на этой земле Навуходоносором или Гарун ар-Рашидом он лишь случайный прохожий. У Ближнего Востока самая долгая в мире история войн и общественных потрясений. Читаешь в учебнике истории: «Мардук-апла-иддин поднял народ на борьбу против Синаххериба», – и вдруг ловишь себя на том, что не можешь вспомнить: а какая эпоха? Это гордый вождь бедуинов бьётся против персидского шаха или полевой командир-социалист пытается свергнуть кровавого диктатора? Ах, это, оказывается, ещё до нашей эры, и речь про вавилонского царя и его ассирийского соперника. Тысячелетия пролетают над этой землёй, а всё по-прежнему – кто-то кого-то ниспровергает и занимает место поверженного, чтобы заново напоить землю кровью.

Некогда сюда, на берег Тигра, вышли войска Тамерлана и осадили большой и славный город,

названный по имени реки – Тикрит. Город был знаменит тем, что здесь родился гроза крестоносцев – курдский полководец Саладин. Но тень победителя городу не помогла: орды Тамерлана разграбили его. С тех пор Тикрит пришёл в упадок: к 1937 году, когда в окрестностях города появился на свет наш герой, это было весьма непримечательное место. По развалинам древних стен паслись козы, а жители были настолько нищими, что, отправляясь в гости, несли обувь в руках, чтобы щегольнуть ею уже перед хозяином дома. Отец Саддама Хусейна пропал за полгода до рождения младшего сына –

то ли был убит, то ли сбежал от необходимости кормить семью. Когда мать будущего президента Ирака ходила на последних месяцах, её сын, двенадцатилетний мальчик, умер от рака. В отчаянии мать пыталась избавиться от плода, а когда это не удалось – покончить с собой. Мальчика на этом свете явно не ждали – он проникал сюда зайцем, уворачиваясь от контролёров: когда мать его наконец родила, она положила его на землю и не хотела прикасаться. Равнодушие родительницы привело

в бешенство её брата – благочестивого Хейраллаха, который забрал ребёнка в свою семью и тем самым спас от смерти. Мальчика назвали Саддам – «Тот, кто противостоит». Имя он и вправду успел заслужить. Дядя был хорошим человеком – офицером и религиозным подвижником, ненавидевшим всех, кому не посчастливилось родиться мусульманином-суннитом. Годы спустя, когда племянник придёт к власти, он станет мэром Багдада и напишет книгу «Три вещи, которые Аллаху не следовало создавать: персы, евреи и мухи». Именно Хейраллах вывел мальчика в люди.

За тридцать с небольшим лет до описываемых событий Великобритания создала Ирак из трёх бывших провинций Османской империи – и явно не из бескорыстных побуждений: в формально независимой стране стояли британские войска, а британские компании качали из иракских недр нефть. Никто не видел корня бед страны лучше, чем те, кто помогал иностранцам её грабить, – иракские офицеры на службе у британцев. Был среди них и дядя Хейраллах. Когда началась Вторая мировая, военные обратились за помощью ни много ни мало к Гитлеру – надеялись, что немцы помогут выкинуть из страны англичан. Но британский корпус быстро разгромил мятежников. Саддам был вынужден вернуться к матери, которая уже пришла в себя, но по-прежнему не горела желанием видеть мальчика. «Мама, где дядя Хейраллах?» – рыдал мальчик. «Дядя Хейраллах в тюрьме», – отвечала женщина. По местной традиции она вышла замуж за брата покойного мужа – жестокого подлеца, получившего от соседей прозвище «Врун Хасан». Отчим заставлял мальчика похищать у соседей кур и овец, а за нежелание воровать избивал. Так тянулись годы. Однажды в гости к «Вруну Хасану» приехали его родственники, чей сын, ровесник Саддама, принялся хвастаться школьными успехами. Саддам стал умолять отчима отпустить его в школу, но злодей лишь избил его в кровь. Когда несколько лет спустя мать обмолвилась, что дядя Хейраллах наконец вышел на свободу, Саддам не ждал ни минуты – бежал к нему в Тикрит. В школе ему приходилось непросто – он был худшим учеником. Зато Саддам учился быть душой компании – покорял сверстников грубыми шутками: однажды, приобщив за талию старого учителя Корана, он сунул ему под одежду ядовитую змею. Закончить школу ему не удалось, но подросток был только рад спасению от нудных уроков. Он грезил о военной службе. Когда Хейраллах с семейством перебрались в Багдад, Саддам, уже молодой юноша, попробовал сдать экзамены в Военную академию, но с треском провалился: сказались пробелы в образовании. Пришлось зарабатывать на жизнь, торгуя на перекрёстках сигаретами. Его молодые годы были полубандитскими – однажды Саддам даже угодил

под суд за соучастие в убийстве бандой молодёжи чиновника, но был отпущен за недостатком улик.

Между тем страну сотрясали отзвуки революций, происходивших в сопредельных государствах. Арабский Восток спешил стряхнуть путы, которыми его связали. Юноша видел: возникают новые удивительные пути из нищеты к славе и достойной жизни. В Египте отважный офицер Гамаль Абдель Насер показал пример того, как надо поступать с поработителями, – унизил англичан, отняв и превратив в народное достояние Суэцкий канал. Насер протягивал братьям-

ощущали себя арабами! Англичане, попытавшиеся справиться с панарабистскими настроениями, получили в ответ массовые демонстрации. Саддам принял в них участие в рядах «Баас».

Юный и бестолковый король Фейсал II был убит, толпы восставших таскали по улицам тела его министров. К власти пришёл генерал Абдель Касем, провозгласивший Ирак республикой. И тут же начал репрессии против недавних партнёров – баасистов: не пожелал вступать в единое государство арабов, а захотел сам царствовать и всем владети. Баасисты вынесли диктатору при-

► Саддам – преданный семьянин: с дочерью Халой и женой Саджидой (слева). Начало 80-х годов

арабам во всех странах руку дружбы. Вслед за Египтом в учреждённое Насером единое государство арабов влились Сирия и Йемен. Были сторонники объединения и в Ираке – националисты из партии «Баас» («Возрождение»). Основателями «Баас» были православный христианин, мусульманин и еретик-алавит – троице было наплевать на различия в религии, ведь в первую очередь они

говор: группа вооружённых юношей должна была обстрелять его машину. Был в этой группе и Саддам. И именно по его вине операция провалилась: нервы у юноши не выдержали и он стал стрелять слишком рано. В результате раненый Касем сумел выбраться из-под огня. Прямо на больничной койке он подписал закон о запрещении «Баас». Арабские националисты оказались вне закона,

и Саддам решил бежать из страны. Свой провал он сумел превратить в победу. Да, облажался, но, как в анекдоте, «не от страха, а от лютой ненависти»: не смог сдержаться, когда увидел ненавистную рожу диктатора. Дальше в рассказах Хусейна и вовсе начинался Болливуд: он был ранен, но вырезал пулю из тела, вскочил на скакуна – и был таков! Преследуемый по пятам карателями, он переплыл бурные воды Тигра и оказался в Сирии. Слава его на родине множилась, а он спокойно переправился в Египет, чтобы своими глазами увидеть сердце «арабской весны». Здесь он наконец закончит среднюю школу и даже поучится немного в Каирском университете, вынеся из цитадели фундаментализма дремучие представления об арабах как об избранном народе.

На родину он вернулся уже после победы своей партии – прошитый пулями труп Касема радостно показывало иракское телевидение. Новым президентом стал Ахмед Хасан аль-Бакр – участник мятежа против англичан, опытный революционер. Для Саддама, впрочем, было важнее то, что он был его... двоюродным братом. Бакр продвигал родственника, демонстрировавшего жёсткий характер и организаторские навыки. Саддам умел добиваться своего. Например, когда ему понадобился диплом юриста, он попросту явился к ректору Багдадского университета с пистолетом за поясом. Но радость победителей была недолгой. «Баас», претендовавшая на всенародность, по сути, представляла меньшинство – арабов-суннитов. Большинство граждан были шиитами. Кроме того, в горных областях на севере страны проживали многочисленные курды, требовавшие собственного государства. И тщетно «Баас» пыталась противников в подземелье под президентским дворцом: ей удалось удержаться у власти лишь девять месяцев. И тут настал звёздный час Саддама – он оказался единственным сколько-нибудь способным функционером партии, оставшимся на свободе. Приняв руководство остатками партии, Саддам наладил контакт с заключёнными революционерами.

В арабской сказке джинн, просидевший в лампе три тысячи лет, объявляет освободившему его рыбаку, что в первую тысячу лет хотел наградить своего спасителя золотом, во вторую – царством, а в третью – лишь скрежетал зубами, собираясь убить того, кто так долго заставил его ждать. «Баас» и в первое своё правление не была благостна, но пять лет спустя, утвердившись благодаря новому перевороту, устроила настоящий террор. Назначенному вице-президентом 31-летнему Хусейну поручили решение важнейших вопросов – привести к покорности курдов и шиитов. Вице-президент проявил невероятную гибкость – он переходил от кнута к прянику быстрее, чем освобождается от узды нерадивого погонщика молодая верблюдница. Он лично отправился в горы

к бунтовавшим курдам и предложил им столь широкую автономию, что они согласились сложить оружие. Разрешив всем недовольным переселиться в соседний Иран, он селил на их месте арабов-суннитов. Когда курды разгадали хитроумный план, было поздно: в их «автономном» Курдистане всюду заправляли ненавистные арабы. А вернувшись в Багдад, занялся репрессиями против шиитов – мятежников пытали электричеством и расстреливали. Шииты рассказывали, будто одного из их вождей он живым бросил в ванну с кислотой и ухмылялся, глядя, как растворяется тело. История, скорее всего, выдуманная, но хорошо отражающая ужас мятежников перед Саддамом.

В новой должности он приобрёл лоск – стал одеваться в дорогие костюмы, ездить на роскошных автомобилях. Во время международных переговоров за ним неотступно следовал слуга с ящиком гаванских сигар: Саддам делал несколько затяжек, откладывал сигару – и брал новую. Он оступился, женившись на старшей дочери Хейраллаха. Впоследствии он возьмёт ещё трёх жён, но Саджида всегда будет оставаться первой леди: она родит ему двух сыновей. Саддам часто выступал по телевизору, и иракцы привыкли, что всё важное говорит этот уверенный в себе современный руководитель, а не стареющий чудаковатый Бакр, предпочитавший политике работу в саду. Саддам стал при Бакре этаким Сталиным при больном Ленине. Как и у Сталина, у него никогда не было сложных теоретических идей – подобно дяде Хейраллаху, он просто не любил персов, евреев и мух. Представляя свою страну «бедняком, сражающимся с империализмом, сионизмом и нефтяными магнатами Залива», Саддам на деле не был революционером, хотя с удовольствием диктовал биографам воспоминания о том, как между двумя правлениями «Баас» недолго сидел в тюрьме: «рано вставал, много читал, закалялся, просвещал товарищей по камере». Удивительно, как плохо у вождей с фантазией – только что чернильницу из хлебного мякиша с молоком не помянул.

Когда иракцы основательно подзабыли президента Бакра, он вдруг появился на телеэкране и произнёс тираду в духе «я устал, я муха-жук» – мол, давно просил освободить по состоянию здоровья, но Саддам не пускал. Прощаясь с телезрителями, Бакр всячески расхвалил нового президента – «теперь вы в надёжных руках, и я счастлив». Так Саддам стал лидером иракского народа.

Персы, евреи и мухи

В древнейших поэмах человечества, например у Гомера, битвы между людьми всегда отражали конфликты между богами. Париса, отдавшего титул «Мисс Греция» Афродите и получившего за это Елену Прекрасную, преследовал не только обманутый муж Агамемнон, но и обидённые яблочком

Гера и Афина. В XX веке президенты развивающихся стран получили шанс почувствовать себя героями эпических поэм: любые стычки интересов в самом медвежьем уголке планеты тут же привлекали две сверхдержавы – СССР и США, чьи агенты влияния пытались использовать всякую заварушку в своих целях. И как Парис получил за сотрудничество любовь прекраснейшей женщины, так и национальные лидеры имели за стоворчивость множество бонусов. Не обошла эта участь и Саддама. Ощущая угрозу со стороны сильнейшей страны региона – Ирана, президент задумался о поиске могущественного покровителя. И нашёл его в лице СССР: Москва заключила с Багдадом договор на поставку оружия. Это позволило Хусейну быстро модернизировать армию, добившись паритета в отношениях с опасным соседом. Но, конечно, Саддам был озабочен не только обороной – ему нравилась сильная армия как таковая. Комплекс абитуриента, провалившегося на экзаменах в Военную академию, приходилось изживать бряцанием оружием: произведя себя в генералы, а затем и в маршалы, Хусейн всё чаще появлялся на людях в берете и мундире. Какой из ближневосточных лидеров не любит щегольнуть в военной форме! Но профессиональные военные Насер, Каддафи и Асад заслужили свои ордена в боях и переворотах, а Саддам ни в чём, кроме неудачных покушений, не участвовал. Лидер чувствовал необходимость совершить такое, чего не делал ни один из его старших товарищей – например, подарить Ираку собственную атомную бомбу. Советский Союз давать Ираку ядерное оружие опасался, зато Хусейн нашёл понимание у Франции, которая снабдила его реактором, позволяющим обогащать уран.

При советской поддержке Саддам национализировал иракский нефтепром, вырвав контроль над главным богатством страны у США и Великобритании. Начал социалистические реформы – у богатых отнимали землю и раздавали её нищим крестьянам. За счёт доходов от нефти повышались зарплаты, неимущие получали субсидии на продукты питания, развивалась сеть бесплатных поликлиник и больниц. И «проклятые империалисты» были вынуждены закрыть на это глаза – ведь в картонном революционере Саддаме они видели важный противовес куда большему злу.

В известном анекдоте одна блондинка спрашивает другую: «А как всё-таки правильно – Иран или Ирак?» Трудно поверить, но более десяти лет великие державы ломали голову над схожим вопросом: какая из двух стран лучше? Атеистический СССР сразу невзлюбил режим, созданный иранским духовенством, а США ещё некоторое время к нему присматривались. В итоге и они решили, что дела с Тегераном лучше не иметь. В отличие от конъюнктурщика Саддама, аятолла Хомейни, свергнувший шаха Мохаммеда Резу Пех-

леви, был подлинным, нестигаемым фанатиком, называл Штаты «Большим Сатаной». После переворота в Иране Саддам отчаянно заискивал перед агрессивными муллами. Но те помнили, что он творил с шиитами, и прощать его не собирались.

Саддам вынужден был нанести упреждающий удар – произнёс в Багдаде проникновенную речь и отправил самолёты бомбить приграничные аэродромы противника. Война оказалась на редкость бесславной: иракским войскам было удалось захватить целую провинцию Ирана, но вскоре она была отбита, и стороны залегли в окопах. Солдаты гибли тысячами. В разгар войны Хусейн получил «нож в спину» от другого соседа – совершив внезапный рейд, израильская авиация разбомбила ядерный центр под Багдадом. Французский реактор погиб, и с мечтой об атомной бомбе Саддаму пришлось распрощаться. А ведь получи он её – и история могла бы повернуться иначе. Зато под конец войны Хусейн применил химическое оружие – распыляя в течение двух весенних дней отравляющие газы над сочувствовавшим Ирану курдским городом Халабджа, иракская авиация уничтожила около пяти тысяч человек и превратила в инвалидов ещё 20 тысяч.

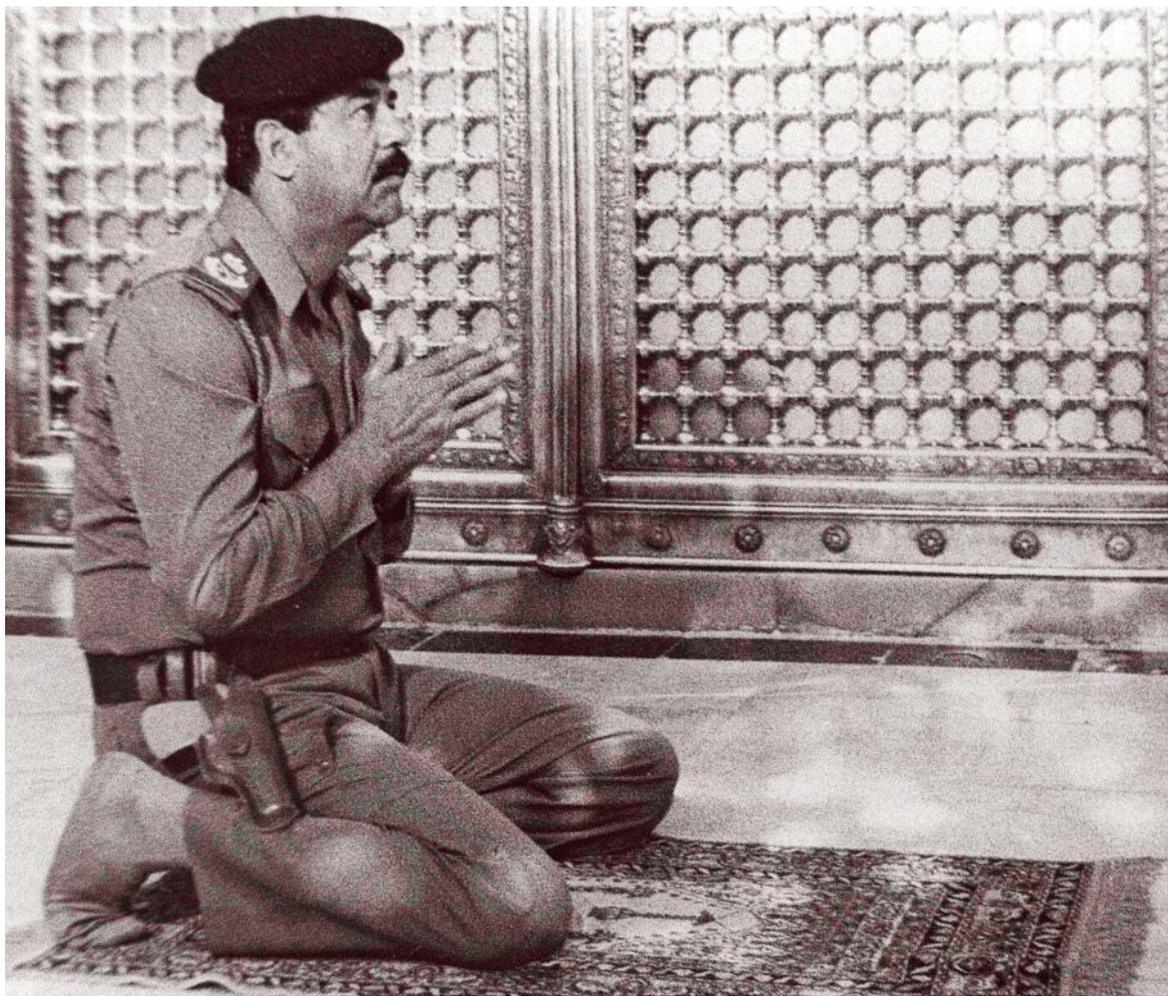
Заклучив наконец мир с Хомейни, Саддам снова сосредоточился на «пятой колонне» – курдах. В рамках чудовищной операции «Анфаль» («Добыча») солдаты иракской армии погрузили 180 тысяч курдских мужчин в грузовики и вывезли в неизвестном направлении. Солдаты вырывали из рук матерей даже мальчиков. Домой никто из них не вернулся. Много лет спустя под Киркуком было найдено массовое захоронение детей – 300 трупиков, многие с игрушками в руках... Что любопытно, геноцид курдов в равной степени проигнорировали и СССР, и США – обе державы готовы были закрыть глаза на «некоторые перегибы» в борьбе с Хомейни. ЦРУ даже представило документы, что химическая атака под Халабджей проводилась... самим Ираном. Подумаешь, перепутали – и в течение года убивали своих сторонников, чего только не бывает на войне. Во время войны США, кстати, активно снабжали Ирак самолётами и танками, которые по иронии судьбы Саддам применит против самих американцев во время Войны в Заливе.

Был ли Саддам чудовищным злодеем, каким его вскоре представит западная пропаганда? Для некоторой части народа – арабов-суннитов – он определённо был благодетелем. На доходы от нефти он строил в стране школы, всерьёз собираясь искоренить неграмотность. Воспоминания о детстве, в котором ему приходилось зарабатывать воровством кур, явно не давали ему покоя. Семьи получали – за смешные деньги – квартиры в новых микрорайонах, молодые иракцы могли найти себя в бурно развивавшейся промышленности. Саддам

первым на Ближнем Востоке наделил женщин правом учиться и работать. Позже, правда, президент издал указ, где разрешалось убивать женщин за супружескую измену – работа работой, а про высокое звание иракской жены и матери не забывай. Благодаря экономическим успехам уровень жизни в стране вырос настолько, что в начале 80-х ЮНЕСКО удостоила Саддама награды – как самого прогрессивного лидера на Ближнем Востоке.

Конечно, режим личной власти, построенный Саддамом, создавал и огромные возможности

ром: выезжая на свидания к любовницам, он не опускался до «гелендвагенов», а мчался... на танке. И уж конечно, не останавливался перед тем, чтобы выбросить строптивую девушку из окна или изнасиловать красивую жену офицера на глазах у мужа. Однажды Удей прямо во время официального приёма, где присутствовали иностранные гости, забил тростью отцовского камердинера. Несчастный оказался виноват тем, что свёл Хусейна с супругой директора Iraqi Airways. Влюбившись в прекрасную женщину, президент заставил

▶ Саддам – благодетель, на которого многие молились, и Саддам – узурпатор, чудовищный злодей

для злоупотреблений. По всей стране шептались о чудовищных поступках любимого сына лидера – Удея. То был этакий иракский Кирибеевич при «добром царе Иване Васильевиче», похотливый и избалованный. Руководя пропагандой, он бил сотрудников своих СМИ за опечатки железными прутьями по ступням. Была у Кирибеевича и своя «опричнина» – группировка «Федаин Саддам», занимавшаяся в основном доставкой Удею приглянувшихся ему женщин. Удей был мегамажо-

мужа дать ей развод и сам взял её в жёны. Оказывается, Удей вознегодовал за свою мать, у которой теперь появилась соперница. Саддам рассвирепел настолько, что посадил сына в тюрьму и собирался казнить, но в итоге ограничился высылкой сына в Швейцарию. Там мальчик-мажор занялся откровенным разбоем и был выслан уже с новой родины. Лишь незадолго до вторжения в Кувейт Саддам, собиравший своих птенцов под крыло, разрешил ему вернуться в Ирак.

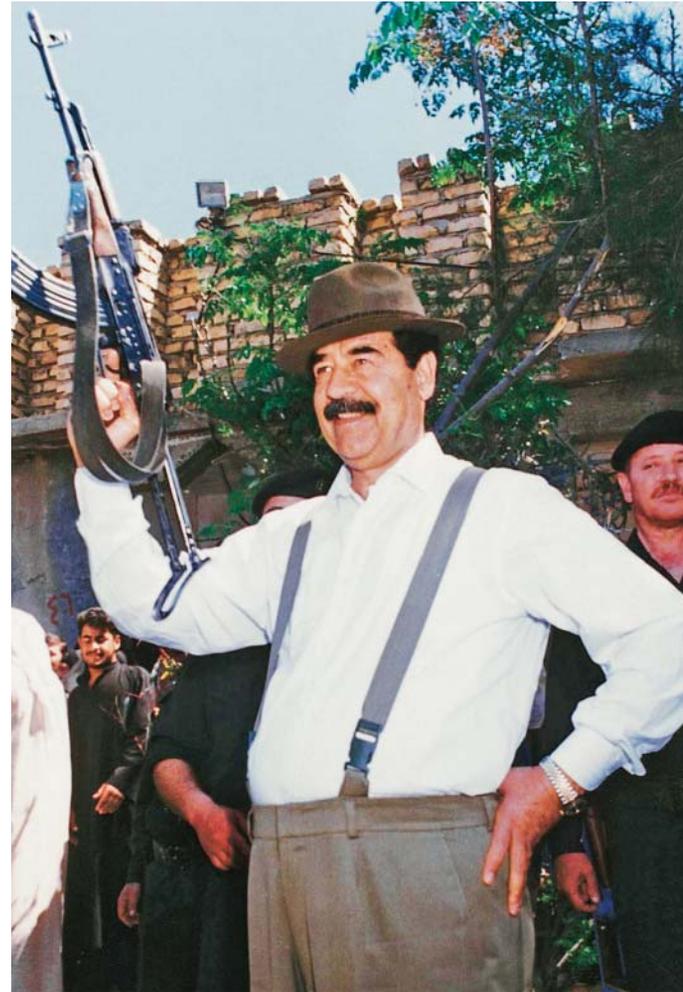
Несколько раз родственники обесчещенных женщин пытались убить Удея. В 1996 году двое стрелков изрешетили его автомобиль, убив телохранителей. Одна из пуль угодила Удею в пах. Уд Удея был повреждён, и бедняга утратил прежнюю любвеобильность, стал степенен и религиозен. Правда, ненадолго – другая пуля, попавшая в позвоночник, приковала его к инвалидному креслу. Когда он всё-таки исцелился, оказалось, что отец окончательно махнул на него рукой и назвал преемником второго сына – Кусея.

В 1988 году, когда Саддам наконец замирился с Ираном, на Ближнем Востоке настала тишь да благодать. На иракского лидера с благосклонностью взирала Москва, его гладил по головке Вашингтон. Глядишь, и сейчас бы получал награды от ООН и посредничал в региональных конфликтах. Но шайтан, некогда лишивший Адама и Евы рая, твёрдо решил не допустить хеппи-энда. В июле 1990 года советское Центральное телевидение в рамках популяризации иракской культуры показывало детям мультфильм «Царевна и река». А 2 августа иракские войска уже вторглись в Кувейт.

Саддам, я тебе задам

Крошечный Кувейт оказался тем самым ягнёнком из басни Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Иракские правители давно облизывались на богатый нефтью и не обладавший сильной армией эмират. Предлог для территориальных претензий был один и тот же: когда Кувейт ещё был в Османской империи, он входил в состав провинции Басра, которая потом стала частью Ирака. Если Басра иракская, тогда и Кувейт иракский. Впрочем, серьёзно о покушении на независимость Кувейта речь никогда не шла. Хусейн был первым, кто решил, что у Ирака достаточно сил, чтобы привести Кувейт к подчинению: он обвинил эмират в том, что тот уже десять лет незаконно добывает иракскую нефть из приграничного месторождения, и потребовал за это простить долг Ирака в 14 миллиардов долларов, дополнив его немалой компенсацией за воровство. То есть буквально: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питьё?» Когда эмир отказался раскошелиться, Хусейн позвонил ему и вкрадчиво поинтересовался: «Как поживаешь, о шейх Джабер?» «Слава Аллаху, чувствую себя хорошо, уже отобедал», – отвечал удивлённый эмир. «Клянись Аллахом, завтракать в Кувейте ты уже не будешь!» – воскликнул Саддам и наутро двинул войска через границу. Всё было кончено в два дня – эмир бежал в Саудовскую Аравию, созданное по указке Саддама «временное правительство» попросило принять Кувейт в состав Ирака. И всё бы ничего, да в нефтяных планах западных держав кувейтская нефть занимала слишком важное место. После нефтяного кризиса 1973 года,

который арабские страны устроили в отместку за победу Израиля в Войне Судного дня, США дули на молоко. Опасался Запад и того, что Саддам не остановится на достигнутом, а захватит и слабую Саудовскую Аравию, превратившись в главного распорядителя нефтяного крана на Ближнем Востоке. Допустить этого Запад не мог. ООН принялась забрасывать Ирак резолюциями с требованиями вернуть Кувейту независимость – и, наконец, наделила коалицию стран правом на применение силы против забияки. Так началась операция

«Буря в пустыне», которая привела к освобождению Кувейта.

После войны эксперты, пытаясь сосчитать количество уничтоженной иракской техники, столкнулись с удивительным фактом – оценки расходились в 2–3 раза. Выяснилось, что пилоты самолётов считали и надувные макеты техники, из которых Саддам составлял целые «аэродромы» и «танковые корпуса», – на них войска коалиции потратили изрядное число бомб. Было в этой войне с резиновыми макетами нечто символическое – ведь и США уже всюду надували собственный

макет мрачного тирана Саддама. Впервые после бесславной войны во Вьетнаме американские войска открыто участвовали в конфликте на другом конце света, и отправку туда солдат требовалось оправдать в глазах общества. Из Саддама спешно делали тирана уровня Гитлера, опасного не только для своих соседей, но и для всего мира. Журнал «Тайм» опубликовал экспертизу почерка иракского диктатора, которая доказывала: тяжёлая форма мании величия с ярко выраженными признаками паранойи. Медиа представляли Ближний Восток с его социальным неравенством и полным бесправием огромных слоёв населения тихим и спокойным оазисом, уверенно стремившимся к свободам, и лишь Саддама – агрессивным безумцем, намеревающимся разрушить идиллию. Журналисты давали трибуну каким-то доморощенным исламистам, представляя их лидерами демократической оппозиции.

После трагедии 11 сентября образ Саддама обрёл новое измерение – Буш-младший обвинил иракского президента в финансировании «Аль-Каиды». Это было, конечно же, чушью. Как выяснится позже, боевиков Усамы бен Ладена финансировала даже верная подруга США – Саудовская Аравия, но только не Саддам, который международных террористов не любил. Однако назначение стрелочником Саддама оказалось весьма удобным. Буш, твёрдо решивший сместить Хусейна, сумел убедить в необходимости нового вторжения в Ирак как американцев, так и граждан союзных стран. Саддам, человек, виновный в смерти мирных граждан в башнях Всемирного торгового центра, готовит на секретных заводах химическое оружие для новых терактов – такой стала официальная версия Буша, якобы основанная на надёжных данных ЦРУ. Буш регулярно выступал по телевидению и во время международных встреч, призывая обуздать Хусейна. И лишь политологи ясно понимали подоплёку конфликта – свержение Саддама сделает нефтяной рынок Ближнего Востока по-хорошему предсказуемым, устранив опасные для американской экономики риски и, конечно же, снова позволит иностранцам завладеть богатыми иракскими месторождениями.

Саддам чувствовал, что дни его режима сочтены. Его поступки и речи стали истерически непредсказуемыми: он то предлагал Бушу устроить дебаты в прямом эфире, во время которых докажет, что никакого оружия массового поражения у него нет, то вдруг обещал сделать щедрое пожертвование в пользу умирающих с голоду нищих американцев. Он стал сдавать кровь, чтобы писцы написали ею экземпляр Корана: так президент надеялся отвести от себя беду. Потом вдруг неожиданно написал целый роман – «Забыва и царь», о любви царя Месопотамии к честной женщине из народа. В книге критиковалась дик-

татура, а в финале восставший народ лишал покинутого всеми царя власти. Незадолго до нового вторжения союзников в Ирак Хусейн даже извинился перед Кувейтом. Правда, эмир его извинений не принял – Саддам уже превратился в изгой, с которым не стоило разговаривать.

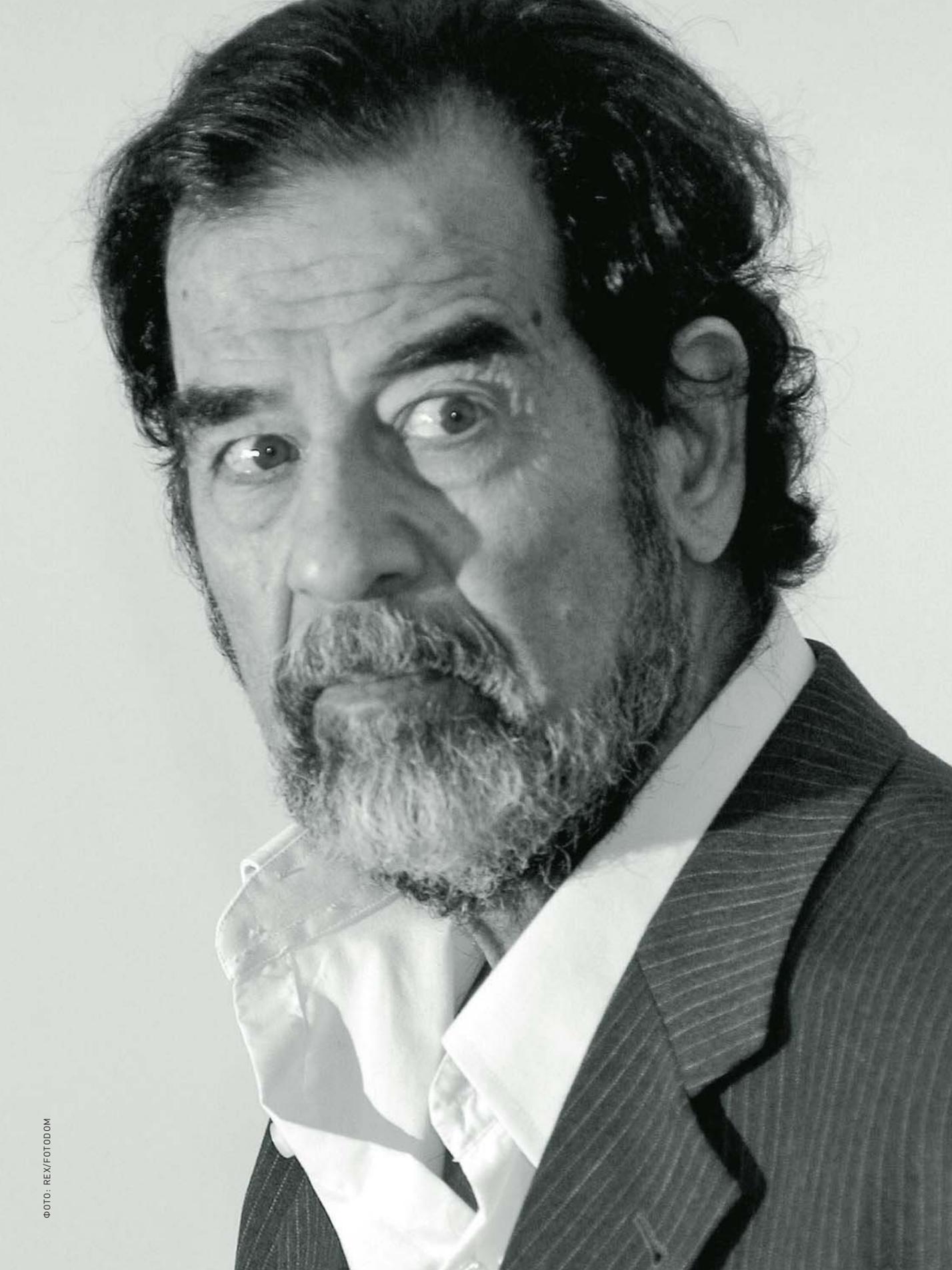
США и их союзники перебрасывали в регион войска, и то, что ООН не дала санкции на вторжение, их не смущало. Удей хорохорился, уверяя, что арабские страны вступятся за Ирак и американские матери устанут считать убитых сыновей. Потом выяснилось, что он одновременно вёл переговоры с королём Иордании о бегстве под его защиту. Саддам тяжело переживал предательство. Его часто видели задумчиво прогуливающимся у стен дворца – его, так боявшегося покушений! В столице стояла душная осень, и горячий воздух лежал на улицах, как затаившийся зверь.

Туз пик

В апреле правительство бежало из столицы, сдав её без боя, и вскоре американцы уже контролировали всю страну. Саддам пропал, исчез, как тень от лица Всевышнего, – из всемогущего лидера стал беглым преступником. Впрочем, эту землю такими переменами удивить было трудно – сколько раз она видела, как царя, который ещё утром казнил и миловал, пировал и лобзал прекрасных женщин, вечером тащили на верёвке в рабство! Американское командование раздало солдатам карточные колоды, фигурами которых были разыскиваемые чиновники павшего правительства. Делалось это для того, чтобы не сведущие в политике солдаты могли при случае опознать укрывающихся министров, но был в этом и элемент издёвки – отныне любой мог крикнуть бывшим сановникам: «Вы – всего лишь колода карт!» – как кэрролловская Алиса свите Красной Королевы. Сам Хусейн был тузом пик.

На севере Ирака, в Мосуле, пали в бою оба сына Саддама. Их тайное обиталище в одной из вилл города выдал за 30 миллионов американских серебряников слуга-курд. Записи видеокamer покажут, как Удей, Кусей и их спутники отстреливались от обложивших виллу десантников, бегая в тапочках между столиков, на которых лежали конфеты и закуски. Когда штурм затянулся, солдаты выпустили по зданию десяток противотанковых ракет, превратив виллу в братскую могилу.

А в декабре уже самого Саддама доставали из укрытия близ его родного Тикрита. Был костюм его измят, а борода и волосы всклокочены. То уже не был лощёный лидер нации. Он многое перемудрил, пока прятался, и напоминал ведомого на пытки библейского пророка. Не был он и прежним, готовым на компромиссы политиком – он знал, что пощады не будет, и готовился высказать всё, что думает об оккупационных властях. Сад-

даму предъявили 12 обвинений – от применения химического оружия до геноцида курдов. Бывший президент входил в зал суда в традиционной арабской накидке – джалабии, крича: «Смерть агентам! Смерть Бушу! Да здравствует народ!» Отказывался назвать своё имя, утверждая, что его и так знает весь народ, и прерывал судью строгим вопросом: «Можно ли судить президента Ирака в оккупированной стране?» Произносил тирады против Америки, утверждая, что подлый преступник Джордж Буш судит его, чтобы повысить шансы на победу в выборах. Называл кувейтцев собаками и уверял, что вторгся в эмират, чтобы защитить... честь иракских женщин: кувейтцы-де угрожали, что заставят всех иракских женщин пойти на панель.

Судьи демонстративно затыкали уши во время речей адвокатов, строивших линию защиты на том, что их подзащитный предстал перед судом в результате недопустимого действия – военного вторжения! И судей, и адвокатов неоднократно убивали злоумышленники. В конце концов, адвокаты заявили, что не могут работать под таким давлением, и покинули зал заседаний. Суд заменил их американскими защитниками. Одним из них – в порядке фарса – стал бывший генпрокурор США Рэмси Кларк, отважно заострявший внимание суда на всяких мелочах – тут-де фактик недоказуем, тут свидетельские показания не оформлены как нужно. И уже осенью вина Саддама по первому обвинению – убийству 148 шиитов – была доказана. Складывалось впечатление, что судьи торопятся – то ли бояться, что Хусейна отобьют затаившиеся соратники, то ли опасаются, что он начнёт рассказывать что-то, процессом не запланированное. Не дождавшись окончания следствия по другим обвинениям, суд приговорил Хусейна к смертной казни через повешение, как и нескольких приспешников, которых судили вместе с ним.

Шииты требовали показывать казнь в прямом эфире, а сотни родственников жертв Саддама просили разрешения быть палачами. Правительство, пытаясь быть гуманным, ограничилось тем, что допустило к эшафоту представителей общественности, а саму казнь заснял на видео. Экзекуция состоялась рано утром, несколькими минутами раньше начала праздника жертвоприношения – Курбан-байрама, в штаб-квартире военной разведки Ирака. Одетого в чёрный костюм Саддама привели в зал, где была установлена виселица. «Бог велик. Мусульмане победят. Палестина – арабская земля», – сказал Саддам, ни к кому особенно не обращаясь. Собравшиеся осыпали его оскорблениями и насмешками. Когда Хусейну накинута петля на шею, охранник-шиит напомнил ему, что его участь куда легче, чем судьбы тех, кого он замучил. «Это храбрая месть, по-вашему?» – усмехнулся Саддам, указав ему на свою петлю. Встав на эшафот, Саддам сказал: «Пусть будут

прокляты американцы и персы!» – и начал читать молитву: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк его», – и в этот миг платформа эшафота опустилась, и он повис между небом и землёй.

Новые чиновники правительства радостно комментировали казнь. «Это самое малое, что заслужил Саддам», – сказал премьер-министр, поздравляя народ. Шииты и курды радовались, но сунниты передавали из рук в руки последнее письмо Хусейна, которое он умудрился переправить на волю перед казнью. «Вы все знаете вашего брата, – писал Саддам. – Он никогда не сойдёт под деспотом и, согласно воле тех, кто любил его, останется мечом и знаменем. Тот, кто поведёт вас в будущем, должен обладать теми же качествами. Да здравствует иракский народ! Да здравствует Ирак! Да здравствует джихад!»

Режиссёры сериалов часто подводят в финале судьбы второстепенных персонажей. Сделаем так и мы. Джорджа Буша-младшего американские журналисты уличили в 935 ложных заявлениях по Ираку, сделанных перед войной. Эксперты не нашли в Багдаде никаких фабрик по производству оружия массового поражения. Была опровергнута и ложь о связях Ирака с «Аль-Каидой». Но если Буш до сих пор настаивает на правильности «решения иракской проблемы» – конечно, ошибка вышла, но в итоге всё к лучшему, – то его главный партнёр по вторжению, бывший премьер Великобритании Тони Блэр, уже признал, что свержение Саддама было ужасной ошибкой. Ирак сейчас далёк от мира как никогда – часть страны стала территорией так называемого Исламского государства, созданного боевиками-фундаменталистами. Попытки, как установили наблюдатели ООН, при демократическом правительстве используются намного шире, чем при Саддаме. Сами американцы тут подали изрядный пример для подражания, наладив систему издевательств над подозреваемыми в иракской тюрьме «Абу-Грейб» и взрастив целое поколение курдов и шиитов, поднаторевших в безнаказанной резне суннитов.

Для всех уставших от произвола единственной сверхдержавы Саддам сразу же превратился в икону: его не раз поминали добрым словом арабские лидеры, его считают мучеником борьбы с Америкой многие радикальные политические группировки. Да что там, складывается впечатление, что и те, кто с ним боролся, порой по нему скучают. Любой сценарист знает, что хороший, фактурный злодей – украшение сериала, и щадит его для новых сезонов. А тут персонажа угробили слишком рано – и тщетны всё новые кастинги: ни Мубарак, ни Каддафи, ни Башар Асад не смогли заполнить той пустоты, которая возникла в теленовостях после гибели Саддама. Актёр ушёл навеки, и заменить его некем. Буш, ты разбил наши зрительские сердца. ☹

Lindt

EXCELLENCE

Lindt

70% COCOA*

Откройте для себя Lindt и мир
превосходного горького шоколада.

Идеальная гармония вкусов и ароматов
из благородных какао-бобов.

Lindt Excellence, созданный Мэтрами
Шоколатые от Lindt. Превосходное
швейцарское качество с 1845 года.

Реклама

www.lindt.ru

  /LindtRussia

* Линдт. Эсселанс. Какао

▶ Ганс Гольбейн Младший.
«Портрет сэра Томаса Мора». 1526 год

Лица Гольбейна

В последние годы эпохи Возрождения появился журналист, который фиксировал события стремительно и точно. Эпоха распада и гибели Ренессанса представлена в портретах Гольбейна

МАКСИМ КАНТОР

В финальной сцене «Алисы в Стране чудес» девочка Алиса, к которой уже вернулся её естественный рост, презрительно кричит вельможам и королеве: «Вы всего лишь колода карт!» Это как пощёчина всему британскому придворному этикету, галереям портретов елизаветинских вельмож; крик Алисы резонирует в долгих анфиладах английских дворцов. Словно подхваченное эхом слово Диккенса, словно усиленный акустикой голос Теккерея – эти авторы написали тысячи страниц, изображая многозначительных господ, которые распоряжаются чужими жизнями, не имея своей собственной: они – выхолощены властью, они – пусты. Они могут отправить живого человека на плаху, но сами они – нежить, ведь и впрямь напоминают игральные карты, эти портреты елизаветинской эпохи, – безразличное напудренное лицо вставлено в тщательно выписанный наряд, всё плоско и бескровно. Королевский двор есть колода карт, отношения внутри властной элиты расписаны как правила карточной игры; попадая в коридоры власти, человек вынужден принять правила нежити, играть мёртвой колодой – и в такой игре человеку выиграть нельзя.

Томас Мор, который пробовал сыграть по чужим правилам, проиграл, а правила политики он изучал усердно: был шерифом, послом, канцлером Ланкастерского герцогства, затем лорд-канцлером всего Британского королевства – власть его притягивала. Играл он, судя по карьере, прилежно, но выиграть эту партию невозможно.

Томаса Мора, великого английского гуманиста, автора «Утопии», казнили в 1535 году по приказу короля Англии Генриха VIII в соответствии с британским «Актом об измене». Томас Мор за три года до казни отказался от титула лорд-канцлера, поскольку при дворе хранить верность взглядом не мог, но это его уже не спасло. Король Англии убил Томаса Мора за его верность католицизму, постулаты коего Мор противопоставил интересам короны. Мор выступал против Реформации, против английской епископальной церкви и против того, чтобы король Англии был одновременно и главой церкви Англии. В частности, Мор не принял развода и нового брака короля – считал, что это может разрешить лишь папа римский. Именно за эти взгляды его и казнили.

Год спустя, в 1536 году, художник Ганс Гольбейн Младший, работавший при английском дворе, написал портрет короля Генриха VIII; всего художником выполнено пять портретов короля. Данный портрет, вероятно, самый известный из всех – явлен апофеоз могущества; король изображён в полный рост, Генрих стоит горделиво, как победитель всех и вся, занимая всё пространство холста, широко расставив ноги, уверенный и сильный властелин: как он решил, так и будет! Что ему папа римский! Вот так художник написал короля

сразу же после казни своего покровителя и друга Томаса Мора.

Художникам случалось рисовать жестоких и властных людей. Пьеро делла Франческа написал «Портрет Федерико Монтефельтро», славного не только античной коллекцией, но и кровавым кондотьерством; Эль Греко писал портрет испанского инквизитора Ниньо де Гевары; Косме Тура, живший при дворе д'Эсте в Ферраре, не мог не знать о свирепом нраве меценатствующей семьи: клетки с пленными выходили под лестницу обеденной залы, пирующие слышали стоны. Стараниями живописцев оставлены портреты Людовика XI и Ричарда III, людей беспощадных. Рисуя тиранов, изображая инквизитора и кондотьера, художники описывали властительных злодеев как людей сильных страстей, не подвластных морали, – и это единственный упрёк, который искусство смогло произнести до появления Гойи. Художник не умел прямо обличать. Иносказательно, в метафорических сценах, в гротескных гравюрах – сам Гольбейн выполнил «Пляски смерти», где нарисовал расправу скелетов с брэнной славой, – но прямой речью не умели. Впрочем, никто из помянутых живописцев не изображал самодовольного тирана после того, как данный тиран убил друга художника.

Случай Гольбейна из ряда вон выходящий – как для истории искусства, так и для истории гуманистической мысли. Это именно Томас Мор ввёл немецкого живописца Гольбейна в английское общество, Томас Мор снабдил художника первыми заказами и сделал знаменитым при английском дворе. Своей исключительной дворцовой карьерой художник обязан двум величайшим гуманистам своей эпохи, Гольбейну повезло быть другом первых умов Европы. Томасу Мору рекомендовал Гольбейна сам Эразм Роттердамский, а более авторитетного суждения в то время во всей Европе не существовало. Эразм направил Гольбейна в Лондон с рекомендательным письмом к Томасу Мору, в то время канцлеру герцогства Ланкастер. Его немислимый взлёт (он стал лорд-канцлером Британии) был впереди, но и тогдашнее положение весьма заметно. Эразм был близким другом Мора (учил его жену философии, давал советы по воспитанию детей), Эразм и Мор были единомышленниками – и рекомендательное письмо помогло. Мор не замедлил с ответом: «Ваш художник, дорогой Эразм, – талант исключительный», – а вскоре послал Эразму в подарок эскиз своего группового семейного портрета, выполненный Гольбейном.

Сам же Эразм познакомился с Гольбейном Младшим в Базеле. Находясь там, художник проиллюстрировал «Похвалу глупости» Эразма. Книга саркастическая, читается легко; книга стала известна по всей Европе; для краткости сочинение именовали «Moria» («Глупость»), от торжествующего лица которой идёт рассказ о мире. Кстати

«ЛЕСТЬ
НЕСОВМЕСТИМА
С ВЕРНОСТЬЮ...
ЛЮДИ РАЗУМНЫЕ
ЧАСТО БЫВАЮТ
НЕНАВИСТНЫ
ВЛАСТИТЕЛЯМ»

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

будь сказано, эту книгу Эразм посвятил Томасу Мору и на её страницах Мор и Гольбейн встретились впервые. Книгу перепечатывали сотни раз – запомнили и гротескные иллюстрации. Гротескное рисование (созвучное стилю Эразма) Гольбейн использовал ещё раз – создал помянутую выше серию гравюр «Пляски смерти», насмешливую, ёрническую. Скелеты (то есть образы Смерти) преследуют духовенство, отбирают у скряг богатство, наказывают жестокость и ханжество – серия сулила продолжение творчества в духе работ Луки Лейденского или Лукаса Кранаха Старшего. В те годы гротескное рисование было популярно у мастеров Северного Возрождения. Стань Гольбейн подобным художником, он, вероятно, сумел бы как-то, пусть иносказательно, отреагировать на смерть Мора. Но продолжения жанрового творчества не последовало.

Гольбейн стал портретистом, причём писал не только знать, но и людей искусства – Гинце, Жилия, Эразма. Гольбейн трижды писал портреты Дезидерия Эразма Роттердамского – он стал своего рода хронистом северного гуманизма. Луврский (сравнительно небольшой) и представительный лондонский из Национальной галереи изображают Эразма-сочинителя. Перед нами человек, в полной мере отдавший себя творению, воплотивший себя в книгах. На картинах Гольбейна Эразм прикасается к книге тем сокровенным движением, каким Бог-Отец трогает руку Адама на ватиканской фреске Микеланджело, каким муж трогает живот беременной жены в «Еврейской невесте» Рембрандта, – это жест, вкладывающий душу. Через пальцы трепетной руки дух буквально переливается в произведение. Эразм трогает книгу нежно, как возлюбленную, как ребёнка. Гольбейн буквально нарисовал, как душа гуманиста переходит в его творение. Тремя годами позже, практически одновременно с портретом Эразма, художник писал и нового покровителя – Томаса Мора. Причём Мор (вероятно, то был стратегический шаг: сэр Томас

желал продемонстрировать двору способности своего гостя) заказал художнику портреты своей многочисленной семьи. Гольбейн, нарисовав великое множество тонких рисунков к портретам семьи канцлера, завершил работу огромным групповым портретом. На этот раз изображён не гуманист, но вельможа: Мор богато одет и восседает в окружении домочадцев с осанкой короля. Этот портрет искусствовед Отто Бенеш называет первым произведением нового жанра – группового светского портрета. Впоследствии групповые портреты Рембрандта и Хальса возникнут из этого творения Гольбейна. Но помимо живописных достоинств этот портрет представляет нам уникальный документ эпохи – изображён гуманист во славе, гуманист, приближенный к власти.

В Англии Гольбейн совершил почти незамечный, но столь радикальный для искусства шаг – художник перешёл от портретов гуманистов к портретам знати и, наконец, коронованных особ. Возможно, сам он это изменение жанра не осознал как радикальное. Итальянское Возрождение знало подобные казусы: Медичи числились гуманистами, хотя были банкирами и фактическими правителями Флоренции; когда Боттичелли писал портреты семьи, он не думал про разорённые приюты и захваченные города. Италии потребовался Савонарола, чтобы обозначить трагический разрыв между богатством и духовным служением. Интеллектуал Европы (традиция сохранилась по сегодня) до известной степени стесняется признания и достатка.

Для портретиста это почти невыполнимая задача – передать разницу в своём отношении к моделям, показать, что интеллектуал духовно богаче короля, хотя король и выглядит значительно. Жанр «портрет» почти неизбежно обозначает всеядность и потерю собственного лица художника. Портретисту трудно сохранить камертон в своём творчестве, не превратиться в светского репортёра, в фотографа, который не имеет своего отношения к предмету. Великим мастерам Ренессанса (Мемлингу, Леонардо, Мантенье) было проще писать портреты – камертоном их искусства оставались образы Христа и Мадонны; у самих мастеров и у зрителей их картин есть точка отсчёта. Мы знаем, что думает художник о герцоге Бургундском, поскольку мы помним, как художник написал Иисуса Христа, – разница этих двух обликов рассказывает многое. Но как быть светскому хронисту?

Для тысяч светских портретистов, возникших после Ренессанса, и особенно для тех, кто работал при дворах в XVII, в XVIII веке мера была утеряна – мы не знаем, хороши или дурны в моральном отношении модели Боровиковского или Дюплесси или даже Ван Дейка, нам трудно понять, как их оценивает художник. Поскольку не существует

камертона творчества, нам неизвестен принцип, по которому светский хронист различает добро и зло, и различает ли вообще. Для Гольбейна камертоном творчества стал облик Эразма Роттердамского. Именно его образ стал критерием оценки человеческого облика вообще. Эразм для Ренессанса стал мерой вещей, и Гольбейн это почувствовал. Бескорыстный, не примкнувший к партиям, отдавший себя знаниям и выражавший полную личную свободу – таким художник его и нарисовал.

Эразм был одиночкой, пестовавшим свою отдельность; его приглашали повсюду – университеты Кембриджа и Оксфорда предложили титул доктора богословия, короли сулили протекцию. Однако принцип отдельного стояния для интеллектуала притягательнее. Разрушив главное – свободу суждения, ты теряешь точку опоры. Эразм попробовал жить в Кембридже, но через два года уехал даже оттуда. Климат ли был тому виной (как писал он сам) или желанное одиночество не сложилось в стенах университета – мы не знаем. В Англии учёный не остался (пробовал через год вернуться, снова не понравилось). Базель оказался Эразму подходящим решением для статуса отдельно стоящего человека, не примкнувшего ни к какой партии, не подчинённого никакому двору. Формально Базель был «императорский» город, то есть находился в Священной Римской империи, но при этом был городом интернациональным, не вовлечённым в национальные и религиозные движения. Что существенно, Базель был центром книгопечатания и столь свободного от диктата, сколь можно в то время желать.

Эразму, которого называли «оракулом Европы», ничего не стоило оказаться в Лондоне или Риме. Стать советником королей было легко: с ним переписывались короли, предлагая любое место жительства. В числе прочих переписывался с Эразмом и Генрих VIII. В 20-е годы XVI века в Базеле начались волнения: Кальвин в Женеве и нарастающая волна реформаторского недовольства. «Искусство в Базеле мёрзнет», – написал Эразм в Лондон. Сам гуманист не поехал, но Гольбейна отправил. Этот пункт требует принципиального уточнения именно потому, что Гольбейн, портретист эпохи, воплотил образы всех действующих лиц этой драмы, написал портреты и Генриха, и Эразма, и Мора.

Короли были – и как могло быть иначе при наличии учителей? – просвещёнными людьми. Генрих VIII музицировал, а Иоанн Грозный философствовал. Эразм, как многие великие гуманисты, был до известной степени тщеславен: учёному нравилось производить впечатление на коронованных особ. Помимо прочего, гуманист питал иллюзии влиять на повелителей Европы – это распространённое заблуждение книжного человека. Повлиять на короля невозможно, но возможность

дразнит сознание книжного червя – вдруг короли внемлют его советам? Платон был уверен, что тиран Дионисий Сиракузский по его рецепту создаст справедливое общество; Дидро переписывался с Екатериной, которая продолжала оставаться властной и жестокой, а независимый (как ему казалось) Декарт прилежно учил шведскую королеву Кристину философии – вставал в пять утра и ехал через ледяной город; так продолжалось до тех пор, пока философ не простудился в зимней Швеции и не умер от воспаления лёгких. Зачем они, мудрецы и скептики, приближались к самодурам и тиранам? Как и сегодня (в XX и XXI веках тщеславие интеллектуалов было проверено самым радикальным способом), гуманисты Ренессанса легко переходили грань – и включали в собеседники тиранов; думали, что говорят на равных, но на равных не получалось. И художники, ученики гуманистов (пример Гольбейна в данном случае очевиден), копировали своих учителей-философов; однако, в отличие от Эразма, художник не имел возможности раскаться в ошибке, собрать кисти и уйти из предложенной королём мастерской. Лишь один Леонардо позволял себе такую роскошь – быть независимым в каждой минуте своего бытия. Косме Тура бедствовал при дворе д'Эсте и униженно просил денег, каковых не получал; Мантенья безнадежно работал над «Триумфом Цезаря», не замечаемый в свои последние годы Гонзагами, при дворе которых жил; Веласкес выполнил унижительное для нравственного сознания художника «Изгнание морисков». Но куда же художникам было уйти? Казалось, что уйти некуда.

То, что Гольбейн искал твёрдого положения и стабильного заработка, – нормально; так делали все. Сменить Базель на Лондон было важно в денежном отношении; протестантской Швейцарии масляная живопись не нужна: протестанты Мадонн для храмов не заказывали; но ведь и английскому двору визионерская германская живопись была ни к чему. Гольбейн генетически принадлежит к южной немецкой школе, каковая обещала мистические визионерские картины, – ничего подобного мастер никогда не написал. Его стилистически трудно отнести к германской школе. Современники-соотечественники – таинственный Альддорфер, дидактический Дюрер, экстатический Грюневальд – писали иллюстрации к Писанию; Гольбейну религиозный сюжет оказался чужд. Мистического в его работах вовсе нет. Было ли это свойством дарования художника или английский рационализм сделал своё дело, но Гольбейн стал художником сухого факта, вовсе не мистической интерпретации такового. Его «Мёртвый Христос в гробу» поражает именно реализмом, ничего мистического и божественного в изображении измученного мёртвого тела нет (помните, Достоевский, устами князя Мышкина, утверждал, что, глядя на

эту картину, можно потерять веру). Гольбейн стал живописцем-номиналистом; подобно тому как английские философы-номиналисты обратились от рассуждений общего характера к конкретным деталям, он заменил реалистическим портретом пафосную религиозную сцену.

Пафоса в картинах Гольбейна вовсе нет: кажется, что он служит не вере (а для живописца XVI века это не праздная фраза), но правде реальности. Он никогда не повышает голоса, не обличает, не молится, не взывает к небесам – тонкой, сухой линией передаёт черты модели; замечает морщины, оригинальные особенности лица. Не

▶ Автопортрет Гольбейна. 1528 год

льстит, но оставляет у зрителя приятное впечатление от значительности изображённого персонажа – можно сказать, что он написал галерею выдающихся характеров эпохи, а кто им изображён – гуманист, посол, король или военачальник, мы выясняем уже потом. Все оказались значительны – но мерой, по которой мы оцениваем их значимость, для нас остаётся облик Эразма.

Ганса Гольбейна Младшего можно назвать первым секулярным германским художником, изменившим привычный для Германии религиозный характер творчества. Быть светским живописцем – это вызов по отношению к идеологизированной Европе. В то время в Германии бушевали крестьянские войны – до известной степени войны сохра-

няли религиозный пафос, вожаки восстаний часто были проповедниками. Лютер, провоцировавший бунты в первых своих проповедях, уже давно требовал усмирения крестьянства, встав на сторону знати, его последователи сделали столь же нетерпимы, как некогда были их собственные гонители. Крестьянин, апеллировавший к евангелической истине, находился под влиянием образов, созданных художниками, под воздействием проповедей, произнесённых священниками, но, будут ли эти просвещённые люди спасать его от виселицы, крестьянин не знал. Художники в Германии (все художники, разумеется, или писали для соборов, или рисовали притчи) неизбежно должны были высказать суждение по поводу восставших и усмирителей. Трудно уклониться от моральной оценки, рассуждая о религии: конфликты были сформулированы сторонами в жанре энциклик; стороны сочиняли прокламации, обращённые к религиозному сознанию всякого гражданина.

Удачных биографий художников мало, трагедий случилось куда больше – война сжигала всё, искусство сгорало первым. Воевали городские коммуны с императором, воевали крестьяне с курфюрстами, реформаторы с папистами – и как художнику, проповедующему истину, уберечь себя от суждения? Три века спустя именно это соображение соединило проповедника и художника в Ван Гоге, страдавшем крестьянской бедой. Но и до Ван Гога художники были вовлечены в прямое действие – религиозное служение обязывает. Крупнейшему скульптору Германии Тильману Рименшайдеру, возглавившему мятеж горожан Вюрцбурга против епископа, в наказание сломали обе руки (так гласит легенда), а примкнувшего к крестьянскому восстанию художника Йорка Ратгеба пытали и колесовали. Данные случаи не поражали воображение; то было естественное течение событий.

Гольбейн работал там, где дидактика не требовалась. Он оказался вне страстей немецкого искусства, вне событий европейской истории. Его палитре не свойственны цветовые эффекты, которыми славна немецкая мистическая живопись. Немецкая религиозная живопись – это трепетные закаты, дрожащие чернильные небеса и головокружительные оранжевые рассветы. Немецкая живопись – это испытания мучеников и искушения святых, всё то чрезмерное, избыточное, экстагическое, что граничит с мелодрамой, – последующие поколения окрестили эту избыточность декламации «немецким кичем». Германская живопись XVI века – это морализаторство, в силу поставленной задачи, – цвет и страсти через край: надо убедить, оглушить зрителя. Впоследствии эта чрезмерность эмоций обернётся немецкой школой экспрессионизма.

Картины Гольбейна сухие, цвета почти монохромные. Гольбейн, разумеется, немец по про-

«ИНЫЕ ЛЮДИ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ НЕПОСТОЯННЫ, ЧТО СИДЯ ОДОБРЯЮТ ОДНО, А СТОЯ – ДРУГОЕ»

ТОМАС МОР

исхождению и католик по вероисповедованию, однако ни одной типично немецкой мистической картины у него нет. Галерея гольбейновских портретов – это подлинное островное искусство, и любопытно то, что английский стиль равнодушного письма создавался из разных национальных школ, примеренных одним главным правилом – номинализмом (исключение составляют так называемая «дармштадтская» Мадонна и портрет семьи бургомистра Базеля, выполненный для личной капеллы бургомистра; семейная группа окружает Мадонну). Описанная трансформация случилась не с Гольбейном одним. История искусств знает несколько представителей национальных школ, которые, оказавшись в английском обществе, превращались в сугубых портретистов, теряя национальные черты. Так случилось в XVII веке с фламандцем Ван Дейком, в XX веке так случилось с австрийцем Люсьеном Фрейдом. Вот и с Гансом Гольбейном Младшим произошло это же.

Выбрать Англию художнику посоветовал Эразм Роттердамский. Аргументы Эразма легко вообразить: Англия была цельной, усобицы страну уже не терзали, война Роз осталась в прошлом. Эразм был католиком (настолько, насколько философ вообще может быть конфессиональным) и противником Реформации, но история с Томасом Мором ещё впереди; кто же мог предсказать? Эразма привлекало отсутствие религиозного пафоса – он не любил фанатизма. Сочинения Эразма подчинены идее – воспитанию личного достоинства вопреки любой догме. Отъезд Гольбейна в Англию был ими обоими оценён как бегство от протестантского фанатизма в страну личной свободы.

В какой мере номинализм и отсутствие морализаторства могут подчинить художника эпохе, в какой мере злая эпоха может уравнивать черты лица гуманиста и короля, в какой мере предельная ответственность в деталях, а линия Гольбейна сугубо ответственна, может стать безответственностью в отношении оценки событий? – ответов

на эти вопросы не существует. Всякий художник проживает свою биографию и проходит свои искушения. Гансу Гольбейну досталось рисовать карточную колоду власти – и он отлично понимал, что рисует карточную колоду, которой выиграть нельзя.

Генрих VIII стоит перед зрителем, широко расставив ноги. Злой он или добрый, мы решить не можем, акценты не расставлены. Реализм не играет краплёными картами: ни кривой глаз, ни гримаса не портят полного, самоуверенного лица. Впрочем, и напудренного лика не изображено также. Гольбейн рисует человека так, как тот реально выглядит, не позволяя себе ни гротеска, ни лести, – и как зрителю вынести суждение? Дело не в том, что картина Гольбейна зашифрована, а код шифра утерян. Дело в том, что никакого кода в картинах Гольбейна не существует в принципе, – кодом картины является реализм. Есть ли в природе реализм вне суждения, которое связано с нравственным сознанием, каковое не подчиняется реальности? – на этот вопрос всякий отвечает по-своему. Нам ведь свойственно судить о человеке по его внешнему виду – и часто наше суждение оказывается верным: природа формует черты лица сообразно делам человека. Лицо можно напудрить и можно поместить тело в богатый костюм, но внимательный глаз художника разглядит, как оно устроено на самом деле.

Ганс Гольбейн рисовал так, что его линии рассказывали о человеке всё – художник добился усидчивым трудом того, что мог передать характер и взгляды контуром щеки, ракурсом носа. Это совсем незаметные детали, это не преувеличения, но только внимательный взгляд на жизнь. Мы знаем, как Гольбейн смотрел, по его позднему, предсмертному автопортрету: у художника был беспощадный к деталям глаз, он смотрит на нас очень устало, но пристально. Он умел передавать противоречие: усталость и внимательность – вот его собственная характеристика. Двадцатью годами раньше, рисуя свою семью, он умудрился передать хрупкость и незащищённость в отёчной, полной женщине, а уж как это сделано – объяснить затруднительно. Художник просто внимательно смотрел на мир. Пожалуй, это последняя привилегия искусства в условиях тирании – умение просто внимательно смотреть.

При английском дворе, убившем Мора, он играл той же самой колодой, что и его покровитель, но постарался играть аккуратно – и свою партию не проиграл. У Гольбейна оставалось то самое оружие, каким его снабдил Эразм Роттердамский, – знание о том, какой бывает свобода и как выглядит чистая совесть. Он, который однажды рисовал образ Эразма, уже не мог ошибиться, рисуя короля – достаточно было оставаться реалистом и не лгать.

Он нарисовал все детали подробно, он не говорил прямо, но дал говорить природе: теперь мы знаем, как деликатно дотрагивался до книг Эразм Роттердамский, как истово глядел вперёд Томас Мор, как, упоённый своим значением, попирает пространство король Генрих. Художник нарисовал всего лишь светскую колоду карт, но это первая некраплёная колода. Смотрите, сделайте выводы, как играть. И стоит ли в эту игру играть?

И уж если использовать метафору «игры», описывая отношения гуманизма и королевской власти, нельзя обойтись без упоминания о концепции Эразма, считавшего игру основой обучения. Эразм посвятил специальный трактат воспитанию детей, в котором настаивал на том, что знания можно передать лишь через любовь, усвоить в детской игре. Мы все знаем брейгелевскую картину «Фламандские пословицы»: Брейгель дал буквальную иллюстрацию эразмовскому сочинению о пословицах и поговорках. Но это не единственная картина Брейгеля, написанная под влиянием сочинений Эразма, – его «Детские игры» есть не что иное, как горькая реплика на прекраснодошную теорию гуманиста. В своих играх (по мнению Брейгеля) дети копируют жестокость взрослых, их организацию и взаимное подчинение, а потому обучение не даст результата. Брейгель писал свои ответы Эразму, когда Эразма, Мора и Гольбейна уже не было в живых, – Брейгель был их учеником, подвёл итог Северному Ренессансу.

Сам же Гольбейн успел – в своей обычной скупой манере – сообщить нам, что, по его мнению, произошло. Последний живописный портрет Эразма Роттердамского художник Гольбейн выполнил уже когда «оракул Европы» уехал из Базеля, ставшего окончательно протестантским; в Лондон Эразм не поехал, но переехал в католический город Фрейбург, находящийся под протекцией австрийского католического дома. Эрцгерцог выдал учёному охранную грамоту. «Повсюду, где господствует лютеранское учение, гуманитарные науки замирают», – написал Эразм, и с портрета на нас глядит человек бесконечно усталый, с потухшим взглядом, это человек, осознающий, что его время прошло. Портрет датирован 1530 годом. Эразм пережил Томаса Мора ненадолго, умер в 1536 году, через год после казни своего друга. Умер учёный в Базеле, куда время от времени возвращался по делам книгопечатания.

Эпитафией Северного Ренессанса стала небольшая гравюра Гольбейна 1540 года – посмертный портрет Дезидерия Эразма Роттердамского, «оракула Европы», учителя гуманности, друга Мора, противника Лютера и любой догматики.

Мастер изобразил Эразма опирающимся на античный бюст Terminus, символизирующий конечность бытия, – метафора слишком прозрачная, чтобы её дополнительно толковать. ☉

Пазлы века

*Писатель и тайный сотрудник спецслужб
с выправкой английского лорда, но не Сомерсет Моэм.
Он был как две капли воды похож на другого писателя –
Владимира Набокова, своего отца*

ДМИТРИЙ МИНЧЁНОК

– Нет, это полная ерунда – так несколько лет назад мы начали разговор.

Я смотрел на картинки, висящие на стене, и говорил, говорил.

– Вы говорите как проповедник, – заметил Дмитрий Владимирович, – а я вот никогда не хотел им быть.

– А ваш отец?

– Папу вообще часто принимали не за того, кем он был. О нём говорили как о холодном человеке, который на всё смотрит отстранённо, – это совершенно не так. Я помню, как мы зашли в одну церковь, что бывало довольно редко, и я поймал себя на мысли, что восхищённо смотрю, как папа общается – не молится, а именно общается, глядя на икону. Когда мы вышли, он вне всякой связи с предыдущими замечаниями обронил: «Это очень трудно понять, но то, что мы зовём автоматическим действием, есть выражение Его воли. В такие минуты через нас действует Он. Допускаю, что это может быть и Его противник... Никогда нельзя быть уверенным на все сто».

В посольстве Швейцарии у атташе по культуре оказались все необходимые нити в руках, за которые она дёрнула, и через пару часов передо мной лежал телефонный номер сына легендарного автора «Лолиты». С третьей попытки услышал в трубке мужской голос, напомнивший мне голоса великих стариков Малого театра.

– Такси не надо. Ваша гостиница находится строго под горой, на её вершине – мой дом.

Я позвонил в дверь. Отворила женщина с соломенными волосами. Я обратил внимание, что свой замок Набоков делит с соседом.

– Добрый день!

Я обернулся... На меня летела инвалидная коляска с голубоглазым гигантом. Я увернулся,

и коляска на всей скорости развернулась и затормозила.

– Дмитрий, – протянул он мне руку и тут же добавил: – можно без отчества.

Но я уже знал, что не посмею «без».

– О чём вы хотите узнать? – спросил он меня, окидывая пристальным взглядом. – Извините, что я в коляске. Сейчас мне иногда легче лазать по стенам – я в молодости занимался альпинизмом, – чем ходить... Но надеюсь, скоро всё будет хорошо. Я упал на Сардинии, там такой славный воздух, сломал один позвонок.

– Расплата?

– Ничего не бывает без причины – это ведь из Евангелия, я воспитывался в юности в мормонской школе. Главное – я уже хожу.

Я поймал себя на мысли, что Дмитрий Владимирович странно разговаривает. Он будто переводит в уме фразы: с английского на русский.

– Как вы себя идентифицируете? Кто вы? Русский? Американец? Еврей?

– Я слегка иностранец повсюду. Я должен иметь некую дистанцию между собой и окружением. Я очень хорошо общаюсь со многими национальностями, по-дружески. Через некоторое время начинаю перенимать их акцент. Даже когда участвовал в гонках, а у гонщиков и механиков язык не очень утончённый, – с ними я также говорил на одном языке.

– У Ремарка гонщики в основе своей аристократы.

– В своё время, а началось всё это в 30-х годах, гонками действительно занимались люди из хороших семей, старых семей, а бедняки – если и были, то только механиками, которые пробивались

▶ Дмитрий и Владимир Набоковы. «Отец был самым разумным человеком из всех, кого я знал»

PHOTO: PHILIPPE HALSWAN/MAGNUM PHOTOS/EAST NEWS

благодаря своему таланту. У них тоже был язык. А потом всё упростилось, огрубело, как многое в спорте, когда туда приходят большие деньги. Бандиты, знаете ли, не любят красивых оборотов... Простите, там (*он указал рукой на полку справа от меня*) стоит красная книжица – подайте её мне. Я вчера засыпал и сделал несколько заметок.

– **Вы поздно ложитесь?**

– Иногда сижу всю ночь, но это не возрастное... нет... Хотя папа только в юности писал по ночам, потом он запретил себе это делать.

– **Гигиена умственного труда?**

– Нет, рекомендации врачей.

Дмитрий Владимирович посмотрел на портрет отца, стоящий перед ним.

– Один критик написал: можно увидеть, как Набоков строил свой имидж. Я очень рассердился. Эта мысль у многих повторяется... Папа никогда не строил свой имидж...

– **А много лжи в написанном о ваших родителях?**

– Была книга о моей маме – «Вера». Не идеальная и, главное, плохо переведена. Стейси, милая Стейси, друг, её написала, и я с ней поссорился из-за этого. Я ей доверял. И полагал, она должна была проинформировать меня о том, что пишет. Но потом, как это всегда бывает перед выпуском книги, у неё не было времени. В результате получилось то, что получилось... Мадлен! – закричал он. – Чаю и кофе!

– **Я посмотрю живопись, пока вы завтракаете.**

Я поднялся. Прямо передо мной, над шкафом, на белой листке бумаги, был изображён обнажённый мужчина. Атлетическое тело. Что-то знакомое. Не мог понять, где я это видел? Климт? Несомненно, кто-то из венцев начала века.

– **Это же...** – Я обернулся с изумлением к Дмитрию Владимировичу.

– Не узнали? – *спросил он с некоторой долей удовлетворения.*

– **Почему вы голый?**

– Этот набросок сделала одна из самых красивых дам Италии.

– **Вы здесь похожи на врубелевского демона.**

– Хорошая художница была. К тому же красавица. И вдруг порвала со своей жизнью. Разошлась с мужем. Бросила детей...

– **Вы позировали на пляже? Где бы ещё она могла увидеть вас в таком виде?**

– Иронизируете? Мы быстро разошлись... Она оказалась очень нервной... Я её потом как-то встретил с совершенно лысой дамой, и она тоже – с обритой головой.

– **Стала монашенкой?**

– Нет, лесбиянкой... Я много путешествовал и много терял. Вещей и людей. Иногда не знаешь, что важнее. Это было в 1959 году, когда я переехал

из Нью-Йорка в Милан, заканчивать певческое обучение. До этого я учился в Америке.

– **Это уже после юридической школы Гарварда?**

– О, вы неплохо осведомлены. Да, это была зима 1959 года. Я ехал в Милан. На своей машине, которую пригнал из Лондона. Triumph! Знаете такую марку?

– **В детстве я предпочитал велосипеды.**

– Да вы сноб... Мои родители жили в гостинице «Савой». Я проехал мимо городского парка, мой «Триумф» доставили на пароходе, и он сверкал. И вдруг пошёл снег. Я замер. Остановил машину. Падал снег, и красивые молодые женщины гуляли под ярко-красными зонтиками в снегу. Как в сказке. Одна глянула на меня и так сверкнула глазами... Я спросил её, правильно ли еду. Она рассмеялась: «Там плохие гостиницы. Хочешь, отвезу тебя в самую лучшую?» В тот вечер я так и не попал к маме с папой. Итальянский дух, помноженный на темперамент, – это было нечто изумительное. Как потом выяснилось, она была очень хорошей художницей.

– **Такие встречи – случай или закономерность? Что такое вообще случай?**

– Причина и следствие. Я пробовал разобраться в этом вопросе... Я не мистик, нет. Совершенно. И до конца не знаю, что было в моей жизни судьбой, а что случайностью. Но загадочных событий было предостаточно...

– **А это что?** – Я показал рукой на стопку журналов, лежащих перед ним. *Моё внимание привлекла красная, как кровь, обложка... Я выудил её.*

– А-а! Это смешно. Это журнал Юусе. Позволили из Испании, просят дать интервью. Говорю, я не эксперт по Джойсу. Они – о'кей, мы пришлём вопросы. Я говорю: какого чёрта... Но они прислали. И я всё понял. Они вообще не имели отношения к тому Джойсу, который про Улисса.

Они писали статью о моём отце и вдруг обнаружили, что мы похожи. В итоге статью решили выкинуть, а напечатать наши портреты. Из-за того, что мы выглядели двойниками. Им это показалось невероятно интересным.

– **То есть если бы вы решили выдать себя за отца – вам бы это удалось?**

– Я даже играл его на сцене. Меня пригласили в Калифорнию как «визитинг профессора» – в два университета. Это было весёлое для меня приключение – вернуться в академическую среду. Я окончил Беркли и занимался в юности изучением истории литературы. Вы знаете, Беркли имеет определённую репутацию за свою крайнюю «левизну». Там преподавал Тимоти Лири (гуру психоделической революции 60-х. – *Прим. ред.*), там находится исследовательский «центр переворотов». И вот там мы поставили пьесу, написанную по мотивам переписки моего папы с Эдвардом Уилсоном. Я играл папу, а другой актёр – Уилсо-

на, «Пончика», как называл его мой папа. Вы знаете эту историю: друзья – враги. Уилсон поддержал моего папу на первых порах в Америке. Он считал всю жизнь, что папа ему обязан. Что смешно и наивно... Разошлись они из-за «Онегина». Уилсон заявил, что папин перевод «Онегина» слишком буквален. Что в нём нет русского духа. Представляете? Это говорил человек, который и двух слов по-русски связать не мог!.. Наше сходство многих забавляло, и поэтому я решил, что, если сыграю папу, это будет очень здорово.

– **У вас актёрский талант?**

– Я везде играл самого себя. Это другой дар... Но сходство – изумляло.

Я перелистывал журналы, что лежали передо мной... В одном из них портрет молодого Дмитрия Владимировича. Он сидел на садовой скамье, а у его ног лежала женщина.

– **Это вы?**

В ЖИЗНИ ДМИТРИЯ НАБОКОВА БЫЛО МНОГО АКТЁРСКОГО. ТОЧНО ОН ПЫТАЛСЯ СПРЯТАТЬСЯ ЗА ЧУЖОЙ ОБРАЗ

– О, это ужасный опыт. Я снимался в кино. Это был конец 60-х.

Я перелистнул страницу. Там Набоков-младший лез под юбку молодой женщине.

– Не подумайте, что у моего героя не было манер. Просто в том месте у дамы был спрятан ключ от сейфа с украденными бриллиантами. Так что я лезу не под юбку...

– **...а в сейф.**

– Можно сказать и так. Это был забавный фильм. Вообще, кино – это потеря времени. Помню, как я доставал ключ, а потом убивал эту даму. Выхватывая стилет и пронзал ей сердце. Лилась кровь. Фильм пользовался успехом. Небольшим, правда. Но карьере в кино я не сделал.

– **Стало скучно?**

– Отчасти и так... Кино – это девяносто процентов ожидания, даже если ты играешь главную роль. И только десять – работа. Я больше люблю выходить на сцену. Там всё по-другому... В кино твой успех не совсем твой. Тебе просто надо быть

маской. Ибо только в предельном эгоизме можно сделать хорошую карьеру в кино. Жизнь Марлен Дитрих – тому пример. Если вы видите звезду, знайте – это чудовище. Если это мужчина – это чудовище вдвойне. Их талант выдуман. Я не смог жить этим. Мне гораздо симпатичнее режиссёры. Эдриен Лайн (режиссёр одной из экранизаций «Лолиты». – *Прим. ред.*) стал моим другом. И опять – причина и следствие. Представьте себе, как события притягивают людей, а люди – события. У меня сломалась машина, и мне пришлось воспользоваться машиной моего друга – исследователя творчества моего отца Уильяма Бакли. Мы поехали вместе с ним, остановились в Санта-Барбаре пообедать, и за соседним столиком ресторана я с изумлением увидел Эдриена Лайна. Так мы все и встретились. Сын автора «Лолиты», крупнейший исследователь «Лолиты» и режиссёр, эту «Лолиту» поставивший. Ну не удивительно ли?

Я продолжал выуживать и пролистывать журналы. В моих руках оказался один – без обложки.

– **Вы тоже здесь писали? Или это интервью?**

– Это «Пари-матч». Они обратились ко мне по другой причине. Сказали, что хотят задать вопрос двенадцати интеллектуалам Франции: что есть современная жизнь? Я говорю: при чём здесь я? Они отвечают: вы в нашем списке. Не скрою, я был польщён. Оказаться в такой компании приятно для сомнения.

Он сделал глоток кофе. Поморщился.

– **Горький?**

– А у вас горький? – *вопросом на вопрос ответил Дмитрий Владимирович. Я стушевался. Получилось, что я выражал недоверие его Мадлен.*

– Мадлен не варит плохой кофе. Её предыдущий хозяин умер от этого.

– **Значит, всё-таки варит плохой?**

– Наоборот. Очень хороший. Можно пить сутками. В результате сердце не выдержало. Ха-ха... Поверили?

Я снова посмотрел на набросок обнажённого демона.

– **Вы не договорили историю про лесбиянку.**

– Да бросьте вы эту лесбиянку! – *возмущился Дмитрий Владимирович.* – Она была простой любительницей.

– **В каком вопросе?**

– В живописи. Но схватывала натуру красиво. С энергией...

– **А это что?**

Я указал на рисунок маленькой коричневой собачки, висевший на стене.

– Это рисунок моего отца. Когда он был мальчиком, хотел быть художником. Его учил рисовать Добужинский.

– **Сам Добужинский?**

– Ну не его же теща! Он говорил, что у папы есть определённый талант. Потом Добужинский про-

чёл его первые вещи и сказал: у вас есть талант художника, но вы должны писать. С тех пор папа забросил живопись. Много лет прошло, папа стал тем, кем он стал, и его пьесе «Событие» ставили на русском языке в Нью-Йорке в 41-м году. Всё русское вдруг стало популярным. Газеты писали про военные действия в Старом Свете. Это, кстати, очень интересно, как американцы описывали войну советских и нацистских. Для американцев это были однополярные вещи. Они не понимали разницы. И вот судьба так устроила, что Добужинский делал декорации к «Событию». Спектакль шёл недолго. Но вот память – осталась. Этот рисунок собаки, и эти портреты, и эта тарелка – всё было на сцене.

- ▶ Писатель с женой Верой. 1934 год
- ▶ **Справа:** Семья Набоковых в сборе. 1960-е годы

Рядом с этими вещдоками памяти на стене соседствовала фотография. Летящая в воздухе перевёрнутая гоночная машина.

– **Какое сильное фото! Фильм?**

– Нет. Это документальный снимок. Моей машины.

– **С вами внутри?** – опешив, переспросил я.

– А с кем же ещё? Во время гонок. «Ноблес обличж». Положение обязывает. Иногда на виражах приходилось рисковать. Это мой «Альфа-Ромео»...

На тех гонках в Милане я выигрывал. То, что вы видите на фотографии, – это поворот, на котором мой соперник подрезал меня. У меня оставались считанные секунды принять решение. А выбор

невелик – либо въехать в него, либо перевернуться. Я выбрал второе... Взлетел в воздух, и фотограф запечатлел этот момент. Наверное, это был самый знаменитый полёт за всю историю гонок в Милане – на тех машинах. Скорости тогда были всё-таки другие. Но страшно ничуть не меньше... Жаль машину. Она ведь была уникальная. Её сконструировал и тестировал сам Загато, знаменитый миланский автоконструктор. Всё было хорошо, но, когда сел я, выяснилось, что я не влезаю в салон. То есть голова вмещается, а голова в шлеме – нет. Это была проблема. С моим ростом 193 сантиметра. И тогда младший Загато сотворил на крыше этого автомобиля горб – там, куда упиралась моя голова в шлеме. Второго такого «Альфа-Ромео» не было в мире.

Этот снимок в своё время был очень знаменит. Станным образом эта моя авария напомнила папе его сюжет «Камеры обскуры». Помните? Главный герой, критик, путешествует с особой, которую безумно любит, и попадает в аварию. В результате чего теряет зрение. То, что он описывал в романе, произошло примерно и со мной, только с той разницей, что я не потерял зрение. Не поверите, но некоторые детали, что придумывал папа, повторялись в моей жизни.

– **Воображение – штука серьёзная...**

– Никто на самом деле не знает, что делают наши фантазии с миром. Все самые большие революции рождаются из фантазий, но, если вы будете говорить, что это побочный продукт психики – ноль на палочке, – вы можете глубоко обмануть самого себя. А вы знаете, что на меня покушались?

– **Что?!**

– В 80-м году.

Тогда он рассказал мне не всё. В общем и целом история выглядела так. Дмитрий Владимирович Набоков, сорока шесть лет от роду, ехал на своём раритетном «Феррари». В районе деревеньки Шексбр, что на берегу мандельштамовского проклятого Лозаннского озера, на ровной автотрассе, в 10 часов 45 минут утра автомобиль Набокова вдруг потерял управление...

– Машина вылетела пулей с автострады и врезалась в холм, мотор тут же загорелся, и огонь перекинулся на салон. Я потерял сознание, через секунду-две прихожу в себя и вижу: салон горит, двери заклинило. Каким-то чудом я выдавил стекло и выбрался из машины... Помню, как очнулся в десяти метрах от кара, приподнимаюсь и смотрю на полыхающий костёр. Я в сознании, но не понимаю, что со мной. Когда приехала карета милосердия, санитары спросили, куда меня везти. Я им говорю, что значит куда? Меня ждёт мама к ланчу. У меня был шок, я не чувствовал боли. Но меня отвезли в больницу Лозанны.

Дальше помню смутно. Знаю обо всём в основном из рассказов мамы и друзей, навещавших

меня. Я был весь обгоревший. Образовался некроз. Каждый день на специальном кране меня опускали в ванну с раствором марганца и соскребали сгоревшую кожу, чтобы не было заражения. Наркотики и обезболивающие не помогали. Я был сплошной живой труп. Раз или два меня навестили следователи, но я не мог говорить. Я не мог шевелиться, смотреть, разговаривать, есть... Я ничего не мог. И тогда я стал ставить спектакли.

– Простите?

– Вы не ослышались. В своей голове. Помните, последний акт из «Дона Джованни», когда Дон Жуан приходит в гости к Донне Анне?! А дальше приходит Командор. Это было то, что я видел. Чем развлекал себя. Сцены потустороннего мира заполнили моё сознание. Возможно, из-за наркотиков я видел потрясающе реальные картины, не отличимые от яви, и писал из них роман. А потом я умер и видел всё, что полагается. Яркий свет в конце тоннеля, и я шёл к нему. Но в последний момент остановился.

– Почему?

– Меня будто кто-то окликнул. Я подумал обо всех, кого готов был оставить на земле. О тех, кто меня любил и обо мне заботился, и о важных вещах, которые я должен был сделать. И я повернул назад. И вернулся в комнату, где лежал. Спустил одиннадцать месяцев меня выписали, и я перенёс всё, что видел, на бумагу.

– И ничего не забыли? Ни одного слова?

– Слова... Вы знаете, так же как и отец, я не думаю словами, я думаю образами – слова приходят после. Так же как и когда мы читаем, мы не шевелим губами. Работают разные участки мозга.

В этот момент Дмитрий Владимирович напомнил мне английского лорда.

– Знаете, меня всегда, как и папу, сместила эта особенность недалёких людей шевелить губами во время чтения. Это признак небольшого интеллекта.

Дмитрий Владимирович усмехнулся.

**СЫН НАБОКОВА
ПО МАНЕРАМ БЫЛ
АНГЛИЙСКИМ
ЛОРДОМ.
ВЫДЕРЖКА
БЫЛА ЕГО
ФИРМЕННЫМ
СТИЛЕМ**

– Вы упомянули про следователей...

– Да, после того как я смог говорить, ко мне приходил следователь. И я узнал подробности своей аварии. У моего «Феррари», не гоночного, а обычного, на скорости двести километров в час...

– Вы ехали с такой скоростью?

– Все знали, что на меньшей я не езжу... отлетело колесо. Следствие стало разбираться, и выяснилось, что кто-то ослабил болты, поэтому заднее колесо слетело на полном ходу. Механик, следивший за моей машиной, уволился через две недели после моей мнимой смерти. Так что когда я вышел, его и след простыл. Следствие это почему-то не заинтересовало. Но я механику доверял. Не верю, что он был причастен. Там что-то другое.

– Вы не предпринимали ничего, чтобы выяснить, кто и как это сделал?

– Никто ничего не нашёл. И я следствия не проводил. Просто интересовался обычными вещами, которые в таких случаях приходят на ум.

– Вы так легко об этом говорите. На вас покушаются, а вы даже не пытаетесь понять, почему это произошло.

– Я не задаю себе вопросов, на которые нет ответов.

– Ну а хоть предчувствие было? У вас? Может, у вашей мамы?

– Мы – атеисты. Честное слово, ничего такого ни у мамы, ни у меня не было. Ни снов, ни... Хотя постойте. В США за несколько месяцев до этого я встречался с одной хористкой – дамой приятной во всех отношениях. Мы с ней были на скачках. И там что-то между нами произошло. Перед моим отъездом в Европу она вдруг прислала мне письмо, в котором писала – тогда я расценил это большим свинством, – что видела, как я еду по узкой извилистой дороге и сваливаюсь в пропасть. Это было, пожалуй, единственным предупреждением, что со мной будет что-то нехорошее. Вот и всё...

Знаете, мне было шесть лет, когда моя семья эмигрировала из Франции. Мы должны были плыть на знаменитом теплоходе – забыл название. У мамы возникли проблемы с бумагами. И мы поплыли рейсом позже. А тот пароход, на котором мы должны были плыть, был потоплен немецкой подводной лодкой. Судьба это или случайность? Скажите, мальчик, который рождается в одной из лучших фамилий России, у которого есть всё, что только можно пожелать, которому на роду написано стать лучшим русским писателем, в один прекрасный день изгоняется из России и становится одним из лучших американских писателей, – что это? Судьба или случайность? Вы можете мне сказать, какой шанс был у него стать тем, кем он стал?

– Не знаю... Один на миллион.

– Так что это тогда? Судьба или случайность? Вы как их различаете? Я рос в Коннектикуте. Отец отдал меня в самую престижную школу – частный

пансионат в Новой Англии. Мне всё давалось легко. Я любил спорт, легко успевал. В старших классах пел. У меня был чудесный голос. Так вот, в один прекрасный день это всё чуть не рухнуло. У меня была машина – мой первый автомобиль, 1931 года выпуска, «Форд», купленный, когда мне было семнадцать лет. Именно на нём я однажды приехал домой к ректору школы. На свою беду, дверь открыла его дочь. Я забрал её, и мы поехали на озеро. И так стало происходить постоянно. Максимум, что мы делали, – целовались. Но об этом узнали в городке, и поднялся невообразимый шум. Под давлением общественности ректор школы должен был меня отчислить. Но зачем? К тому времени меня уже зачислили в Гарвард... Для любой частной школы очень важно, когда её выпускники попадают в Гарвард... Моя школа не могла лишиться такого приза, и они пришли к соломонову решению. Сказали, чтобы я ехал домой, жил у отца и там же честно сдавал экзамены и выслал им результаты. Так оказались и волки сыты, и овцы целы. Я сдал экзамены дома и поступил в Гарвард. Годы учёбы были самыми лучшими годами. Единственным, что огорчало мою маму, было то, что я всегда попадал в истории. Знаете, как мы начинали заниматься альпинизмом? Спорт был ради спора. Сможем ли мы сделать что-то, чего не делали другие? В этом были смысл и цель. Мы покупали катафалк – тогда они были самыми дешёвыми, – грузились и ехали до места назначения. Наши нервы щекотали похоронные дроги, мы чувствовали себя ангелами дорог, понимаете? Доезжали до места и поднимались в горы.

– **Я понял, вам просто всю жизнь был зачем-то нужен адреналин.**

– Не знаю. Но испытания я искал всегда. Однажды мы поднимались в горы – я оступился и упал с высоты почти десяти метров на каменную площадку внизу. Представьте себе, я тут же вскочил на ноги как ни в чём не бывало – вся моя спина была одним сплошным синяком, но ничего сломано не было. Кто хранил меня?

– **Ангел-хранитель?**

– Я не верю в него как в ипостась, хотя возможна необъяснимая физическая сила, вот это меня устраивает. А вот вам ещё в вашу копилку необъяснимого: в том же году я с друзьями поднимался на гору Орисаба в Мексике. Там было всё как в фильме ужасов. Пустынные бензоколонки по пути, покинутые людьми жилища. Мы заночевали на склоне. Ночью я проснулся от резкого свиста. Свист был настолько громкий, что мне заложило уши. Но мои товарищи спали как убитые. Свист усилился, и что-то пронеслось над моей головой. Я даже почувствовал ветерок над ухом. Я попробовал закричать – никто не просыпался. Мне стало по-настоящему страшно. Я поднял голову, и прямо над собой увидел чистое ночное небо,

ОН НЕ ЛЮБИЛ ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ. СЧИТАЛ ЭТО СЛАБОСТЬЮ. ПОЧТИ КАК ДРЯБ- ЛЫЕ МЫШЦЫ

усеянное звёздами, – в палатке над моей головой была дыра сантиметров пятнадцать. Точно такая же дыра была в «полу» палатки. То есть «ничто» на сумасшедшей скорости пропороло палатку насквозь и ушло в землю сантиметров на сорок.

Утром я показал товарищам на дыры – вверху и внизу палатки. Мне не поверили, ведь никто ничего не слышал. Самого осколка мы так и не нашли. Что это было? Метеорит? Вторжение пришельца? Дыры были единственными свидетелями события.

Я видел, что этот человек, который так охотно рассказывал о себе, всё-таки что-то недоговаривал. Внимание моё привлекала фотография молодого человека в военной форме. Я пытался разглядеть его, но мне это никак не удавалось.

– **А это что такое?** – указал я на диплом, висевший рядом с фото.

– Это свидетельство моей победы в вокальном конкурсе Акилла Перри. Паваротти тогда завоевал первое место среди теноров, а я среди басов.

– **Паваротти?**

– Да. Большой Лучано. Кстати, это потому, что он очень любит поесть. Многие певцы любят поесть, после трёх часов пения ты становишься чертовски голоден. Меня спасал от полноты только рост. Но голод после пения – невероятный!

Поэтому в опере все толстые.

– **А с какого года вы живёте здесь?**

– Вы что, встретили моего соседа?

– **Нет, а почему вы спросили?**

– Он тоже любит спрашивать у меня, с какого года я здесь живу, вот и подумал – может быть, вы успели поговорить с ним?

– **А кто ваш ближайший сосед по дому?**

– Очень хороший доктор. И шейх. Настоящий арабский шейх. Кажется, у него много жён, он чрезвычайно милый человек, который тоже всем интересуется. Здесь у меня все довольно милые соседи. Например, Изабель Аджани – очень милая дама. Любит скачки.

– *А арабский шейх как стал вашим соседом?*

– Всё было наоборот. Эта квартира принадлежала его отцу – шейху из Бахрейна, но тот умер на молодой девушке.

– *На чём, простите?*

– Поздняя страсть – это опасно. Поэтому я купил эту квартиру уже у его пяти наследников. Это была не такая простая операция. С каждым из них пришлось договариваться.

– *Так с какого года вы здесь живёте?*

– Отец жил в Монтрё в гостинице с 1961 года. До самой своей смерти в 77-м.

– *Всё время – в отеле?*

– Не делайте такое удивлённое лицо. Это было необычно, но... После его смерти мама осталась жить так же. Сила привычки. И вероятно, продолжала бы жить, если бы отель не решили перестраивать. Стала сдавать сантехника. И бедную маму попросили выехать. Хозяин отеля обещал, что, как только ремонт закончится, она тут же вернётся. Но что делать, пока идёт ремонт? Она не хотела покидать Монтрё. Вот почему я купил для неё этот дом.

После смерти отца она стала вдруг всего страшно бояться. Была ли ясная погода, лил ли дождь – во всём она видела угрозу. Она плохо видела, плохо слышала и чувствовала себя беспомощной. Каждая тень, каждая ветка, которая колыхалась в саду, казались ей грабителем, который пришёл, чтобы напасть на неё. Что это было? Отражение каких-то личных страхов, событий прошлого? Я не знаю. Именно поэтому она не хотела покупать отдельный дом. Хотела, чтобы был обязательно сосед. И я купил этот дом – с соседом. Как дополнительную меру безопасности. Кроме этого, я устроил здесь всевозможные способы защиты. Все окна под сигнализацией. Датчики движения. Чуть кошка пробежит, тут же вспыхивают прожектора и всё становится освещено, как в Голливуде. Но тщетно. Призраки ночи продолжали мучить мою маму. Всё потому, что в таком возрасте нельзя человека вырывать с корнями. Мама оказалась в обстановке, в которой любая новизна отзывалась болью... Вы знаете, как устроен наш мозг?

– *Нет, как же?*

– Об этом писал Шекспир. Красота и честность. Мир смотрит на нас, а мы смотрим на мир. И то, как мы его описываем, насколько адекватно признаём его существование, является именно таким, каким оно является... Можно, конечно, называть ради шутки белое чёрным, но наш мозг не понимает шуток, он в самом деле начнёт ассоциировать белое с чёрным, будет всё постепенно искажать, и мы сами не заметим, как начнём жить в перевёрнутом мире, в котором до болезни рукой подать.

– *Каким образом?*

– Если мы начнём искажать мир, мир начнёт искажать нас. Это оксюморон, но он работает. Мы

не можем просто так лгать. Вы думаете, почему в Средние века на суде было достаточно двух свидетелей, чтобы осудить человека. Считалось, что мозг человека не приспособлен ко лжи, то есть лгуны были, но это были уже отпетые мошенники, и они в итоге плохо кончали.

– *Но ведь сущность литературы – это ложь. Она создаёт собственные миры. Она искажает действительность...*

– С помощью воздуха – самого нежного элемента нашей жизни. Так что это искажение происходит мягко.

Я снова посмотрел на чёрно-белую фотографию таинственного офицера за спиной хозяина дома. Что-то было в ней неправильное. Но что? Бравый молодой человек в солдатской форме и почему-то в офицерской фуражке.

► В отличие от отца Д.В. вернулся на родину. 2000 год

► Слева: В гонщики Д.В. благословил отец

– *Скажите, кто изображён на этой фотографии?*

– Я! Не похож?

– *А почему в военной форме?*

– После Гарварда. Служба в армии.

– *Но в США не было обязательного призыва.*

– Не было.

– *Значит, сами захотели пойти.*

– Да.

– *Вы были отличным офицером?*

– Скорее, я изображал отличного офицера! Но это отдельная история.

– **В каком чине вы служили?**

– У меня были разные чины. В армии я был образцом солдата, но я уже думал о своём будущем. Я же сказал, что всё было в моей жизни не просто так... И учёба, и Италия, и пение... Да те же гонки. Гонщики тогда были очень модны. Все лучшие дома Европы открывались перед ними.

– **А вам разве надо было куда-то попадать?**

– А вы думаете, зачем карьера актёра? Актёрская карьера позволяет это. Да и оперная карьера позволила мне заниматься кое-чем, что я считал важным для человечества. Дело в том, что я... выполнял некоторые деликатные поручения американского правительства.

Я почувствовал, что мне не хватит смелости задать ему прямые вопросы, не спросишь же в лоб – вы были шпионом?

– **Отец знал об этом?**

– Нет. Я не буду вдаваться в детали. Отчасти это нашло отражение в моём романе, который я написал тогда, обгоревший, в больнице.

– **Вас завербовали? Сын такого человека, который ненавидел коммунизм и Советы, человек, у которого украли родину...**

– Нет, нет... Папа чувствовал себя гражданином мира, так же как и я. У нас нет привязанности к одному месту.

Позже, когда я погрузился в питательную среду писательских имён, я с удивлением обнаружил упоминание о том, что друг-враг Набокова-старшего Уилсон имел связи с советской разведкой.

– **Но вы знали, что Уилсон был сторонником коммунизма?**

– Никто не знает, кем он был на самом деле. «Они» просто сделали мне предложение. Пригласили обсудить ситуацию.

– **Кто?**

Он сделал вид, что не услышал моего вопроса. Вообще, Дмитрий Владимирович обладал дивным свойством не слышать и не видеть вещи, которые не желал обсуждать.

– Идеологически это было вполне оправданно – с их точки зрения – моё согласие.

– **На сотрудничество?**

Он кивнул.

– Это было устроено на довольно высоком дипломатическом уровне.

Значит, это произошло уже в Европе, когда Дмитрий Владимирович неожиданно увлёкся гонками, победил в оперном конкурсе и стал вхож в закрытые семьи Италии. Ну да! Сын знаменитого писателя, чья слава пришла на начало 60-х. Гонщик. Певец. Его кинокарьера? Возможно, она тоже была инспирирована «ими»? Все эти догадки вихрем пронесли у меня в голове. Но ни одну из них я не решился высказать вслух.

– **И вы реально спасали мир от «красной угрозы»?**

– Я главным образом работал в Италии. Там была такая опасность в конце 60-х – Италия начала съезжать «влево».

Я вспомнил кадры студенческих волнений конца 60-х, столкновения молодёжи с полицией в США, Франции, Италии. Хронику приезда Брежнева в Италию. Тогдашний премьер-министр Альдо Моро отменил встречу с Брежневым, чем сильно того обидел. Спустя время Альдо Моро приехал с официальным визитом в СССР – Брежнев тоже его не принял. Цена, которую заплатил Альдо Моро за то, что хотел построить Италию, свободную от диктата, оказалась высока. Его похитили, держали в подвале дома одного русского авантюриста, по совместительству дирижёра, а затем расстреляли. И за всем этим стоял, как говорят, следующий премьер-министр – Джулио Андреотти. Вся эта почерпнутая из кино и статей информация пронеслась в моей голове. Но какая роль во всей этой кутерье была отведена Дмитрию Владимировичу?

– Мне надо было узнать, насколько высшие круги Италии допускают возможность прихода коммунистов. Умонастроения итальянской знати всегда были неопределёнными. К сожалению, американцы редко точно понимали некоторые вещи. Почему, например, богатые люди выбирают идеи социализма? Приходилось очень многое им объяснять. Не сейчас, но когда-нибудь я подробно об этом расскажу. Это всё отчасти описано в моём неопубликованном романе.

– **Но почему европейские интеллигенты так восхищены коммунизмом? Чем они прельщались?**

– Интеллигенты – это оксюморон. А насчёт коммунистов – как говорил Муссолини, важно, чтобы поезда ходили по расписанию. Муссолини этого добился.

– **Так, может быть, то похищение – результат вашей тайной работы?**

– Не думаю. К тому времени я уже давно отошёл от дел. Всё закончилось в 70-е. Я вернулся к гонкам и вокалу. А покушение было в конце 70-х, когда у мира стали открываться глаза, даже у так называемой интеллигенции.

– **В итоге вы оставили подпольную работу, гонки, оперную сцену. А что осталось?**

– Семейное дело. Семейное дело Набоковых.

Наша беседа перевалила на седьмой час, мы стали прощаться. Я вышел под впечатлением встречи. Он зародил во мне невероятное ощущение причастности к тайне. К тайне, которую вскоре он унесёт с собой в могилу. Но самым удивительным в нём было даже не это, а фантастическое бесстрашие перед жизнью. Такая вот получилась история. Жизнь во всех смыслах не маленького человека. Как маленький пазл огромного века. ☺

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*В которой мудрый политик
Евгений Примаков из всех сил
пытается избежать загса **с.94***

.....

*а юный кинематографист
Ираклий Квирикадзе попадает в сети
мадам Лимонадовой **с.86***

Сигары, кофе и комсомол

Посвящается плохому поведению некоторых комсомольцев 70-х годов прошлого века. Такой эпиграф приводит к своему рассказу Ираклий Квирикадзе

Книга была без обложки, я обнаружил её в своём чемодане в день приезда в Марбелью. Как она попала ко мне?.. Чарльза Буковски я очень люблю, но не вожу с собой его книг. Потом догадался: это же мой трёхлетний сын Чанчур любит закидывать мне в чемодан то свои водяные револьверы, то пустые бутылки из-под кока-колы, то пластмассовые соковыжималки для лимонов, в этот раз оказалась эта книга... Я открыл страницу, начал читать, но тут же прервался, услышав: «А вот и барон Боснер...» В кафе со странным названием «Мягкая нога» вошёл загорелый, бородатый мужчина.

В жизни многих бывали бароны. В моей был барон Мюнхгаузен. Я помню его полёт к Луне на пушечном ядре. Был цыганский барон, он пел в тбилисской опере: «Я цыганский барон, я в цыганку влюблён, но цыганка моя не любила меня». Он же или его двоюродный брат снимался в фильме Эмира Кустурицы «Время цыган». Есть и другие бароны. С одним из них, бароном Боснером, я познакомился на кинофестивале в испанском городе Марбелья. «Познакомился» – не совсем точное определение, так как загорелый, бородатый мужчина лет шестидесяти, в вечернем костюме, похожий на Орсона Уэллса, протягивая мне руку, сказал: «Помните, конец семидесятых?.. Восточный Берлин... Неделя дружбы советской и немецкой молодёжи... Я Лоскутников Константин, Костя!» Барон Боснер засмеялся. Из лабиринтов моей памяти тут же выплыли картинки: я, Ираклий Квирикадзе, молодой, в индийских джинсах, рядом со мной курчавый парень Костя Лоскутников, с которым мы ходим по Восточному Берлину с двумя дерматиновыми сумками и пытаемся продать привезённые из Москвы пачки бразильского кофе и коробки кубинских сигар. Мы обнялись с бароном Боснером.

В тот замечательный семьдесят какой-то год восемьсот комсомольцев из пятнадцати советских республик приехали в Москву, чтобы, как «цыгане шумною толпой», отправиться в Германскую Демократическую Республику на праздник дружбы. С гусями, дудуками, ченгурами, барабанами, картинами, скульптурами (я вёз мой первый полнометражный фильм «Городок Анара»).

Всех собрали в гостинице «Юность», где в вестибюлях и по коридорам ходили люди с особым выражением глаз. Они внимательно всматривались в танцующих и поющих комсомольцев, отводили их в особые номера и учили, как вести себя там, в Восточном Берлине, находясь в чрезвычайной близости от соблазна буржуазного мира.

Мы с Константином Лоскутниковым приехали в столицу позже всех. Я только закончил работать над фильмом, как на студию «Грузия-фильм» позвонила басовитая дама, назвавшаяся Дельфиной Михайловной Лимонадовой, и сказала: «Ираклий, завтра же вылетайте в Москву с копией вашего фильма «Ленин и Крупская – вечная любовь». Я засмеялся и сказал, что не снимал фильма с таким названием. На том конце провода спросили: «А кто снял «Ленин и Крупская – вечная любовь»? Я ответил: «Не знаю». «А ваше кино о чём?» – «Точно не о Ленине и не о Крупской». – «Там есть что-нибудь про любовь, про революцию?» – «Про любовь?.. Да». – «Ираклий, давайте на «ты»? Ты был на «Грузия-фильме», когда приезжала чёрная американская коммунистка Анджела Дэвис? Ты танцевал с ней? Я сопровождала её, я тебя запомнила, ты милый... Знаешь что, поедem в Берлин, а если фильм не тот, не страшно, сделаем для таможни наклейки «Ленин и Крупская – вечная любовь». Завтра же вылетай в Москву». Я вылетел в тот же вечер, не дожидаясь следующего дня.

У Константина Лоскутникова была своя история – он дважды выиграл Всесоюзные олимпиады по математике. Сам Леонид Ильич Брежнев погладил его по курчавой голове и вручил на закрытии математической олимпиады серебряный кубок с выгравированной надписью: «Константину Лоскутникову, победителю в фигурном катании среди женщин». Константин, в чём-то наивный и простодушный житель Норильска, прошептал в микрофон: «Охренели, что ли!» Микрофон разнёс эти слова по залу. Леонид Ильич Брежнев оценил молодого математика: «Браво, Эйнштейн!» Пресса подхватила: «Браво, Эйнштейн!» Лоскутникова стали приглашать на различные комсомольские мероприятия.

Почему Константин опоздал на сбор в Москву, я не знаю, но нас двоих долго отчитывали особые люди. Сомневались в нашей идеологической подкованности, ведь мы не прошли спецконсультации. Нам задавали вопросы: «Если комсомолец где-нибудь на Западе, скажем в Дании или Испании, едет один в двухместном купе, а ночью в это же купе входит молодая женщина и готовится ко сну, как ведёт себя комсомолец?» Мы с Константином не знали. Нам объясняли и просили записать в блокноты. «Надо вызвать проводника и потребовать, чтобы он перевёл комсомольца или женщину в другое купе. Почему?» Мы не знали. «Чтобы не было провокации. Вдруг эта женщина подослана для компрометации советского комсомольца? Понятно, Квирикадзе? А вам, Лоскутников? Вы как-то оба расхлябанно выглядите. Почему в шортах? Где костюмы, галстуки, комсомольские значки?»

Вошла грузная дама Дельфина Михайловна Лимонадова с черепаховым гребнем в высоком шиньоне и сказала: «Оставьте их, это мои кадры».

Мы, двое расхлябанных, в шортах и без комсомольских значков, подружились. В гостинице все спрашивали друг друга: «Что везёте в Берлин на продажу?» Вопрос этот звучал на каждом шагу. «В ГДР очень ценятся трёхлитровые банки ртути», – говорили нам знающие. «Хорошо продётся кофе в зёрнах, желателно бразильский, сигары кубинские, желателно «Ромео и Джульетта». Утром Константин и я помчались по магазинам. На улице Чкалова в подворотне дома № 14 можно было купить трёхлитровые банки ртути. Мы нужную подворотню не нашли. Зато на улице Кирова в дореволюционном магазине «Чай» нашли бразильский кофе в пакетах. А в магазине «Гавана» на Комсомольском проспекте нам вынесли с чёрного хода шесть коробок сигар «Ромео и Джульетта». Оставалось два часа до отхода поезда. Мы купили большие дерматиновые сумки, в одну сложили пачки кофе, в другую сигарные коробки с шекспировскими любовниками. Началось великое путешествие в ГДР.

Соседнее купе в нашем вагоне заняла Дельфина Михайловна с тремя немецкими коллегами. Лимонадова несколько раз вызывала меня в своё купе. Сидела она в красном атласном халате, из-под которого выглядывала белизна её чрезвычайно пышного тела. Немки, стриженные в стиле Лиана Путти, выходили из купе, когда я входил. Лимонадова, обмахиваясь пластмассовым веером, спрашивала, похожа ли она на герцогиню Альбу. Похудей она раза в три, может, и стала бы герцогиней Альбой, но, имея адский аппетит (постоянные пирожные с кремом, баночки сладкой «Мутеллы»), ей не светило стать любовницей Франсиско Гойи. Вот она и решила, если не гений Гойя, то хотя бы мнимый автор фильма «Ленин и Крупская – вечная любовь». Об этом она не очень-то завуалированно и известила меня по пути в Берлин. Я изобразил непонимающего эротического идиота, который может много говорить о Зигмунде Фрейде, о великом любовнике Джакомо Казанове, о маркизе де Саде, но не о конкретном сексе с конкретной Дельфиной Михайловной Лимонадовой.

В Бресте пограничники сняли с поезда комсомольца из Киргизии, он вёз четыре трёхлитровые банки ртути. Комсомолец плакал. Непонятно, для чего в Германии нужно было столько ртути? Четыре банки – двенадцать литров, на полмиллиона градусников или чего-нибудь ещё. В нашем купе дико пахло бразильским кофе, но девушки из погранотряда не учуяли контрабанды.

Рано утром поезд въехал в Восточный Берлин, мы вселились «весёлым табором» в гостиницу недалеко от площади, воспетой Райнером Вернером Фасбиндером в фильме «Берлин-Александрплац». Этот великий немецкий режиссёр творил так одержимо, что другие режиссёры, во сто крат более бездеятельные, в их числе и я, говорили: «Он сумасшедший!» Прожив короткую жизнь (37 лет!), снял сорок фильмов. Из которых каждый третий – шедевр.

Мы с Костей Лоскутниковым оказались плохими бизнесменами, точнее торговцами. Только на третий день по приезде взяли свои дерматиновые сумки и стали ходить по огромной гостинице «Огни Берлина», стучаться в комнаты, где сидели похожие на бабочек горничные, и предлагать «кофе Бразиль» в зёрнах. Бабочки качали головами: «Спасибо, не надо». Армянские дудукисты сказали нам, что приличные комсомольцы в ночь приезда уже высыпали из сотен чемоданов тонны кофе и скупщики всё разобрали. Мы же, дураки, в ту ночь пошли смотреть Берлин, встретили в пивной пожилого немца, который, услышав русскую речь, прокричал: «Мы солдаты пятой роты, водку мы не пьём, всю Европу мы...» (далее неприлично), потом рассказал невероятную историю про молодого пленного солдата-себя, оказавшегося в казахском ауле, где строил с другими пленными

немцами Дом культуры имени Лаврентия Берии. Местная почтальонша, она же колдунья Айнагуль, у которой в войну погибли два сына, заколдовала его, превратив в осла. Грегор (так звали нашего знакомого) вспоминал русские слова. «Я три года был ослом и был счастлив!» Видя, что мы не верим этой чуши, повёл нас к себе в кочегарку. Он был кочегаром и жил в кочегарке. Мы попали в подвал, где стены были выкрашены в яркие цвета, где на проигрывателе крутилась пластинка Луи Армстронга, певшего в паре с Эллой Фицджеральд. Грегор искал доказательства своего ословства. Нашёл фотографии: казахский аул, дети смеются, рядом стоит осёл. Грегор кричал: «Это я!» Ещё фотографии. «Это председатель Алжас Муканов. Это Садабек, колхозный сторож, – кормил меня!»

Грегор искал фотографию колдуньи Айнагуль, не находил. Откупорил бутылку шнапса, произнёс тост за казахский аул, рассмешился фразой: «У меня там было столько любовниц – ослиц!» Кем был этот бывший солдат – бароном Мюнхгаузеном? Скорее всего да. Он мечтал поехать в Казахстан, привезти подарки всем аульцам.

Затем трое пьяных – Грегор, бывший немецкий вояка, Костя, гений-математик, и я, режиссёр кино из Тбилиси, – пели: «За речкой, за речкой, на том бережочке, мыла Марусенька белые ножки». Об истории пленного немца, ставшего ослом, я написал рассказ, он публиковался в STORY, но здесь я описал, как и где услышал эту историю.

Вернувшись в гостиницу поздно ночью, я сдался в плен Лимонадовой, и комсомольская дама превратила меня в осла. Я стал VIP-персоной. Посещая всевозможные мероприятия, я сидел в президиумах и ложах по правую руку от Дельфины Михайловны, смотрел на её профиль и думал: «Зачем я слушаю лекции о жизни Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика?... Зачем, держа в руках первое издание «Манифеста Коммунистической партии», изображаю, что сердце моё гулко бьётся в груди, переполненное сознанием величайшего счастья?... Действительным счастьем было оказаться в пивном баре, где те же Карл Маркс и Фридрих Энгельс пили когда-то пиво из гигантских кружек. Мне и Константину (я взял его на это VIP-мероприятие) тоже предложили выпить из них, потом ещё раз и ещё... Здесь же, в пивном баре, лектор читал лекцию о «Манифесте». В наших глазах двоилось, трюилось, немецкие комсомольцы кричали: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» VIP-публика чокалась кружками.

И вот, вернувшись в гостиницу, мы наткнулись на свои набитые под завязку дерматиновые сумки с кофе и сигарами. Спихнув их, побежали на Унтер-ден-Линден, главную улицу Восточного Берлина. Кофеен там много, но все бармены качали головами: «Нет, спасибо». Неужели и здесь

опередили нас комсомольцы пятнадцати республик? Не подумайте только, что в своих воспоминаниях о той замечательной поездке я как-то разделяю себя с Константином Лоскутниковым и комсомольцев. Совсем нет. Но у них чувствовался опыт зарубежных поездок – у всех этих ансамблей, хоров, спортивных команд. Мы же были одиночки, непонятно зачем оказавшиеся на этом празднике жизни. Костя, видимо, потому, что однажды сказал в микрофон не совсем приличное слово и был похвален Леонидом Ильичом Брежневым, а я из-за прихоти Дельфины Михайловны Лимонадовой, с фильмом, который не значился ни в одной программе праздника.

Но вернёмся к Константину Лоскутникову, который после посещения «Пергамон-музеума», где с восторгом разглядывал древних шумеров, всех этих каменных истуканов, богов и богинь с каменными бородами в колесницах, усталый, шёл на банкет в городскую ратушу, устроенный Центральным комитетом немецкого комсомола в честь приезда комсомольцев из СССР. Разглядывая витрины магазинов, он думал о том, что, скорее всего, не выполнит обещания родственникам привезти ботинки, сандалии, сапожки (размеры записаны), а любимейшему деду Августу – кассеты с фильмами особого содержания. Дед сознался внуку, что как-то видел у своего дружка кино такого, как бы это назвать... неприличного содержания, поразившее его до глубины души. Прожив со своей женой более полувека, он вдруг обнаружил, что существуют совсем другие формы любви, им с женой не познанные... Было обидно, и дед записал на листке название фильма «Позы Камасутры». Костя обещал привезти, но кофе и сигары никто не покупал.

Блуждая по Унтер-ден-Линден, мы заходили даже в магазин похоронных принадлежностей. Нас ввело в заблуждение то, что за стеклом витрины сидели две сухопарые, сероглазые дамы в круглых проволочных очках и пили кофе из маленьких фарфоровых чашечек. Не сообразив, куда мы зашли, я раскрыл дерматиновую сумку, вынул пакет и громко сказал: «Кофе Бразиль». Дамы с грустными улыбками что-то стали нам объяснять, показывая на гробы и пластмассовые венки. Мы извинились и, оставив пачку кофе грустным хозяйкам, вышли на улицу и стали смеяться. На тротуарах за столиками сидели празднично одетые люди, пили кофе. Уличные фокусники показывали фокусы. Оркестры с трубами и барабанами играли Штрауса, Баха, Моцарта.

Мы подошли к барной стойке. Денег хватило лишь на какую-то наливку. На бутылочной наклейке был нарисован Ван Гог с отрезанным ухом.

Я засмеялся: «В мире столько всего интересного. А мы о комсомоле...» – «Например?» – «Кому Ван Гог отдал своё отрезанное ухо?»

...И вот Константин дошёл до ярко иллюминированной ратуши. Старинный зал вместил около тысячи человек гостей и хозяев. За четыре берлинских дня и четыре ночи расцвела не только дружба, но и любовь. Двадцать семь дагестанских танцоров, летавших на сцене театра «Комиш-опера», перепрыгивавших оркестровую яму и плясавших прямо в зале, пришли на банкет с девушками – немками, эстонками, украинками. Остальные тоже в основном были парами. Кругом смех, поцелуи, объятия. В зале тихо играла пара флейтистов. За главным столом восседала Дельфина Михайловна Лимонадова, склонив свои пудовые груди на плечо автора этого рассказа. Семь раз ударили колокола ратуши, и начался ужин с вкуснейшими свиными ножками. Потом танцы. По микрофону сообщили, что с минуты на минуту прибудет запоздавший Амадей Отто Кнохенгауэр, первый секретарь Германского демократического союза молодёжи, которого многие считали преемником тогдашнего генсека компартии Германии. И вот он появился. Пустующий главный стол заполнился молодыми людьми в чёрных костюмах с набриолиненными волосами. Товарищ Амадей Отто Кнохенгауэр пожал руку Дельфине Михайловне Лимонадовой. Молодого режиссёра тоже представили товарищу Кнохенгауэру.

Вдруг среди запоздало прибывших немцев Константин заметил белокурую девушку в синей блузе немецкого комсомола. Девушка напоминала Золушку и была настолько красивой, что её заметили все мужчины, находившиеся в зале. Вновь заиграла музыка...

Константин понял, что, если сейчас не подойдёт к этой девушке и не уведёт её танцевать, девушку захватят в плен двадцать семь дагестанских танцоров и немецкий генералитет комсомола во главе с Амадеем Отто Кнохенгауэром. Константин двинулся к ней с энергией сумасшедшего буксира, который ранней весной на сибирских реках плавает, разбивая льды, не дожидаясь ледохода. Он подошёл к Золушке, непривычно грубовато для себя обнял её и закружил в танце. Девушка улыбнулась и подчинилась ему. Танцую, Константин спросил её имя. Вероника Фрик – ответила девушка, так как учила русский язык в школе. Она – одна из трёх секретарш Амадея Отто Кнохенгауэра. И смешно процитировала Маяковского: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

А в это время вокруг них лязгали клюками волки. Две трети мужчин, русских, грузин, армян, дагестанцев, немцев, приняли за личное оскорбление, что Вероника танцует только с Константином, смеётся его шуткам, пьёт с ним пиво и снова танцует. Посмотреть правде в глаза и увидеть, что они очень подходят друг другу, не мог никто из пятисот семидесяти трёх мужчин, глядящих на них пятьюстами семьюдесятью тремя парами глаз. Но

вот она подошла к главному человеку немецкого комсомола, и все выдохнули – хозяин имеет право обладать такой невиданной красотой. Вспоминая тот вечер, сознаюсь, что тоже думал о том, почему мне досталось сто двадцать килограммов Дельфины Лимонадовой, почему я не смог до конца сыграть роль эротического идиота! Был бы свободен, может быть, оказался бы расторопнее Лоскутникова и раньше добежал бы до стены, где в одиночестве стояла богиня немецкого комсомола. Но вместе с ревностью я радовался за друга. Завершив разговор с Амадеем Отто, Вероника пересекла огромный зал и подошла к Косте. Они ещё потанцевали и ушли с банкета. На выходе из ратуши случилась заварушка. Певец, который сегодня один из самых сладких голосов российских телеканалов, назову его буквой Д., увидев, что Вероника Фрик пошла в комнату, обозначенную той же буквой «Д», спросил Константина: «Кто такая? У меня голова кружится от неё (певец хмыльнулся). Когда она выйдет, чтоб ты исчез, хорошо? Зачем тебе, курчавому говнюку, такая супердевушка, а?»

Вероника вышла из дверей с буквой «Д» и увидела, как будущая суперзвезда, сбита кулаком курчавого говнюка, катился по паркету старинной ратуши. Ей это понравилось. Взяла под руку Лоскутникова, они вышли. Константин разыскал кочегарку и того самого кочегара, бывшего в Казахстане ослом. Тот впустил пару к себе. В котельной нашлась комнатка со скрипучей кроватью. Они сбросили матрац на пол. За окошком лил дождь. В тёмном небе Восточного Берлина мокла луна, а влюблённые радовали друг друга до утра. Утром Вероника сказала: «Константин, извини меня, я замужем!» Почему надо было её извинять, стало понятно в последовавшем монологе.

«Сегодня вы, советские, уезжаете в турне: Лейпциг – Котбус – Эрфурт – Дрезден – Франкфурт-на-Одере. Через неделю возвращаетесь – в воскресенье... Мой муж – надежда олимпийской сборной ГДР по метанию ядра. Он принадлежит не мне, а ядру и родине! Я его редко вижу. Только по воскресеньям его отпускают со спортивной базы. А в воскресенье ночью ты уезжаешь в СССР. Я не знаю, какой ты вне танца, вне постели, но я так тебя полюбила!»

Потом они вместе мылись под душем. Кочегар сварил им кофе и стал показывать фотографию Айнагуль, которую разыскал. Поняв, что им не до казахских колдуний, кочегар дал ключи, сказал, куда их потом положить, и исчез. Расстались они через три часа (плакали оба).

Советские комсомольцы начали вояж по городам ГДР. В поездке непрерывно лили дожди. Большинство концертов проходило под открытым небом, зрители мокли, но не расходились, пели «Катюшу», «Лили Марлен». Небеса выливали

тонны воды, а люди пели. Это было очень искренне и эмоционально... Потом наступала так называемая официальная часть – передача немецким региональным боссам гипсовых бюстов Ленина. Каждый из них был весом в шестнадцать килограммов. Лимонадова произносила своим полубасом пламенную речь от лица всей советской молодёжи. У меня начинался паралич слуха. Я не слышал её, я прокручивал кадры фильма «Развод по-итальянски», где Марчелло Мastroяни грезит, как он свою нелюбимую жену варит в котле с раскалённым жидким мылом. На самом деле в котёл с мылом бросили меня (я сам себя бросил). Это я выносил пудовые бюсты пролетарского вождя, вручал их местным комсомольским чиновникам и в ответ получал гипсовые бюсты Эрнста Тельмана. У Дельфины Михайловны этих Тельманов собралось штук семь (дарили же ей). В нашем купе на верхних полках расставлены были Тельманы, Тельманы – дары от комсомольцев Лейпцига – Котбуса – Эрфурта – Дрездена – Франкфурта-на-Одере.

Однажды ночью мимо моего уха просвистела гипсовая голова, она упала на пол и разлетелась на куски. Кусок гипса вонзился мне в бровь. Брызнула кровь. Я заорал и стал скидывать с полок всех Эрнстов Тельманов. Они с грохотом падали и рассыпались вдребезги... В купе вбежали люди. Дельфина Михайловна объяснила, что резкий толчок поезда сотворил это безобразие.

В воскресенье вечером восемьсот комсомольцев вернулись в Восточный Берлин. Все были счастливы: все танцевались, наобнимались, узнали многое о революционной борьбе немецкого пролетариата, купили джинсы... Посмотрели в Дрездене и мой фильм «Городок Анара». Комсомольцы смеялись. Думаю, фильм им понравился. На показе был отборщик швейцарского кинофестиваля, он взял фильм в Локарно и дал ему приз ФИПРЕССИ (это серьёзный приз, им можно хвастаться, что я и делаю).

В Берлине случилось ЧП. Константин Лоскутников позвал меня в гости к Рудольфу Грабовскому, немецкому математику, с которым он встречался на математических олимпиадах. Созвонившись, они условились встретиться. Вытащив из позабытых нами дерматиновых сумок (во время турне они лежали в гостиничной камере хранения) несколько пакетов кофе и коробку сигар для отца Рудольфа, мы двинулись по адресу. Рудольф, в очках с толстыми стёклами, в узком двубортном костюме, был похож на молодого композитора Шостаковича. Его папа – на нашего знакомого кочегара. А мама Розальда в профиль вылитый Данте. Грабовские кормили нас божественными сосисками с пивом.

Папа не только был похож на кочегара, но и знал русские слова. По осторожным географическим

намёкам давал повод думать, что он тоже был в советском плену. Выпив три рюмки пахучей настойки с портретом Ван Гога на бутылке, он сознался, что строил с другими пленными железную дорогу под Тамбовом, и начал рассказывать странную историю. Нет, он не был заколдован в осла. В Тамбове нет ослов, есть волки. Один тамбовский пионер очень хотел попасть в пионерский лагерь «Артек», куда каждое лето ездила девочка, которую он любил, второй год подряд. В газетах писали, что пионеры (назывались их фамилии) вылавливали шпионов, развинчивающих железнодорожные рельсы с целью пустить под откос поезда. Пионеров, спасших поезда от крушений, послали отдыхать в «Артек». Школьник решил поймать своего шпиона, но шпион не ловился. Отчаявшись, мальчик разобрал рельсы сам и побежал сообщать в райком партии, что это дело рук шпиона. Я, любитель необычных историй, был весь внимание (история осла у меня уже была в записной книжке), как вдруг раздался звонок в дверь. Резкий, настойчивый! Рудольф пошёл открывать. В комнату ворвалась Вероника! Путая русские слова, глядя на Константина, она сообщила: «Мой муж сегодня должен был быть дома, но не приехал! Костя, до отхода поезда у нас четыре часа!»

Хоть и было неудобно перед Рудольфом и его папой (а мне очень хотелось узнать, что случилось с поездом и пионером), но мы ушли. Костя поехал к Веронике домой, я в гостиницу «Огни Берлина». Прошло четыре часа. До отхода поезда оставалось сорок минут, а Константина нет. Я сложил его и свои вещи, дерматиновые сумки, полные кофе и сигар, снёс к автобусам. Константин Лоскутнкова по-прежнему не было. Дельфина Михайловна превратилась в акулу. Глаза её налились кровью: «Я знала, что он невозвращенец! У него в роду все немцы! Старые капиталисты! Ещё при императрице Екатерине переселённые на Урал! Я же знала, что он то ли граф, то ли барон – дерьмо! Мерзкая душонка! Изменник!» Ждать больше было невозможно. Караван автобусов тронулся в сторону вокзала! Дельфина Михайловна продолжала кричать в автобусе, шуметь на перроне. Все комсомольские боссы обсуждали ЧП. Молодой математик Константин Лоскутников не явился к поезду в Берлине! Я сказал Дельфине: «Но ГДР – дружественная страна, строит с нами социализм... Он же не в Америке остался, как тот... Борис Годунов... или как там его, из балета...» Она махнула рукой так, словно хотела меня ударить. «Какая разница, где остался! Это измена родине! Все мы теперь посыплемся, как домино... И ты тоже, его дружбан! Вы на пару фарцевали кофе и сигарами! Я всё знаю! Если бы не я, и ты бы остался в этой... сраной лягушачьей стране!» Я расхохотался: «Идиотка, лягушачья страна – это Франция!»

Загудел паровоз. На перроне вдруг появился огромный мужчина. Если кто помнит, был такой штангист Жаботинский и был американский боксёр-тяжеловес Сонни Листон. Соедините Жаботинского и Листона и представьте выбежавшего на перрон берлинского вокзала человека, который кричал по-немецки: «Не уезжайте! Константин Лоскутников... идёт! Идёт! Вот он!» Пауза. И на перроне, еле волоча ноги, появился Константин!

Дельфина Михайловна взвизгнула и укусила меня за ухо. Я побежал к Косте... Поезд тихо двинулся с места!

Так что же случилось с Лоскутниковым? Вернее, с тремя влюблёнными! Именно с тремя.

Узнав, что муж не приезжает в это воскресенье, Вероника пришла к семейству Грабовских и увела своего возлюбленного. Они поехали к ней домой. Там их встретила бабушка, которая напоила Костю кофе и накормила сладостями. Влюблённые уединились в спальне. В спальне на Костю смотрели фотографии гиганта, толкающего ядра, гигант демонстрировал своё сверхмускулистое тело с пудовыми бицепсами! Костя вначале заробел, но, поцеловав Веронику, забыл обо всём на свете, главное – забыл о поезде советско-германской дружбы. Бабушка в гостинной раскладывала пазлы, иногда вздрагивала от громких стонов и всхлипов и улыбалась, слыша голос внучки: «Дас ист фантастиш, Константин!» («Это фантастика, Константин!») С олимпийской надеждой Германской Демократической Республики спальня не издавала столько разнообразных шумов. Потом всё стихло. Влюблённые заснули и не услышали трезвонящего будильника! Но позвонил телефон. Бабушка подняла трубку. Толкатель ядра сообщил: «Нас отпустили с базы, еду домой». Бабушка бежала в спальню, секунду смотрела на обнявшихся влюблённых, потом разбудила внучку, та, посмотрев на часы, закричала: «Костя, через тридцать две минуты отходит поезд!» Они вскочили, выбежали на улицу. В те годы Восточный Берлин не блистал светом и обилием машин. Они бежали, пытались остановить машину на бегу, но никто не тормозил. До вокзала было не так уж далеко, но и не близко. Прошло минут пятнадцать в безостановочном беге. Вероника стала задыхаться. Костя крикнул: «Покажи, куда бежать, и стой!» Вероника не останавливалась. Они продолжали бежать ещё несколько минут, еле переставляя ноги. Неожиданно затормозил маленький «трабант», из него вышел толкатель ядра. Костя, шумно слотнув и выдохнув воздух, был готов ко всему. Гигант слушал Веронику, та что-то объясняла мужу. Наверное, почему она и курчавый мужчина с искажённым лицом бежали по тёмной берлинской улице к железнодорожному вокзалу... Гигант молча посадил их в свою крошечную машину. Через четыре минуты они на вокзале. Вероника

велела мужу бежать к поезду советско-германской дружбы и кричать: «Константин Лоскутников здесь!» Муж побежал, перескакивая через ступени и крича: «Константин Лоскутников здесь!» За ним на перроне появилась одна из самых красивых женщин, которых я видел в жизни. А вот и тот, о котором Брежнев сказал: «Браво, Эйнштейн!»

Костя, увидев меня, спросил: «Где сумки?» Мы запрыгнули в вагон, за секунду достали их. Костя подбежал к ещё открытым дверям вагона, кинул одну сумку, крикнув: «Вероника, это бабушке – кофе Бразиль!», кинул вторую сумку, крикнув: «Твоему мужу, сигары!» Успел увидеть ночной перрон, сумки, толкателя ядра и Веронику. Двери вагона захлопнулись.

И вот, тридцать лет спустя, на кинофестивале в Марбелье, я встретил Константина Лоскутникова. Мы выпили красного испанского. Я узнал, что Костя живёт в Берлине. В Доминиканской Республике у него обширные плантации табака и фабрика лучших в мире сигар «Босснер» (похвастался). Германское правительство восстановило ему титул предков «барон Босснер». Он спросил меня о Дельфине Михайловне Лимонадовой. Я ответил, что не видел её со дня прибытия поезда дружбы на Белорусский вокзал. Что она занимает высокие должности, очень деятельна, несмотря на возраст. Хорошо выглядит в телевизоре. Я спросил о Веронике, он выдул сигарный дым и заговорил о другом. Потом я спросил о ней ещё раз, пытаюсь вспомнить фамилию. Он вновь перевёл разговор... И неожиданно – «Когда мы бежали по ночному Берлину к вокзалу, она кричала: «Комсомол – моя религия! Маркс – бог! Ленин написал красное евангелие! Коммунизм – рай, в него войдут только бедные!» Он замолчал. Вновь выдул лучший в мире сигарный дым. «У меня Наташа, дети, их много, хорошие... Как здорово, что мы встретились... Тридцать лет прошло... Чёрт!»

Я выпил вина и посмотрел в раскрытую книгу Чарльза Буковски: «Люди слепо хватают что под руку попадётся: коммунизм, здоровую пищу, дзен, оргии, религии, уход в себя, Индию, живопись, письмо, пьянство, совокупление, Бетховена, кино, морковный сок, самолёты, тусовку, вегетарианство, поднятие тяжестей, философию, Ленина, иудаизм, ислам, Христа, костюм ручного пошива, должности, Карла Маркса... Затем всё это испаряется и распадается. Людям надо найти себе занятие в ожидании смерти. Наверное, мило иметь какой-то выбор». Очень люблю Чарльза Буковски. Сказал об этом Константину. Он поднял книгу. Молча прочёл отрывок на открытой странице и неожиданно сказал: «Вероника тоже теперь большая женщина в политико-деловых кругах».

Лучший в мире сигарный дым держался облаком над нашими головами несколько секунд и стал рассеиваться... ☺

Lindt

EXCELLENCE

Откройте для себя Lindt и мир секретов Швейцарского шоколада. Невероятно шелковистый темный шоколад с яркими нотками апельсина. Lindt Excellence, созданный Мэтрами Шоколатые от Lindt. Превосходное швейцарское качество с 1845 года.

www.lindt.ru

  /LindtRussia

* Линдт. Экселланс

Эффект Примакова

Среди политической элиты Евгений Максимович Примаков редкая птица. Кроме больших дел и сильных поступков типа разворота над Атлантикой за ним числится ещё одно свойство. Все, кто его знал, им восхищались и любили. А почему?

НАТАЛЬЯ СМЕРНОВА

Если в мировом масштабе, то Примаков – автор нынешней многовекторной политики России. Её так и называют – «доктрина Примакова». Если в масштабе страны – он вытащил всех из ужасов 98-го года, приняв пост премьер-министра и взвалив на себя последствия дефолта. За время короткого премьерства популярность Примакова достигла такой планки, что Б.Н. Ельцин спешно отправил его в отставку, предварительно взяв обещание, что тот не метит в президентское кресло. Премьер пообещал, но его всё равно убрали. Зато примаковские полгода стали образцом того, что бывает, если страной управлять грамотно, честно и по-человечески. На самом деле политика, к которой эпитет «грязная» приклеился, похоже, намертво, всегда была сферой, где личность проявляется отчётливей некуда. Что ты сделал, то ты и есть, и весь мир знает, каков ты, причём на собственной шкуре. Репутационные риски велики, и проигрыш или выигрыш политика – это его пятёрка или ноль в истории. У Примакова – пятёрка. Но его «подвиги Геракла» – для анналов и скрижалей, а для коллег, друзей, близких каким был Евгений Максимович Примаков? Для жены Ирины, например?

❖ *Ирина Борисовна, в книге вашего мужа вот что написано: «Возвращаясь домой (после назначения премьер-министром. – Прим. ред.), жена в слезах спрашивает: «Как ты мог на это согласиться?» Вы правда плакали? А почему? Другая бы радовалась... Как-никак муж – премьер...*

– Я испугалась за его здоровье. Ведь что тогда было? Страна в полном провале, парламент расколот, президент недееспособен, шахтёры касками стучат. Никто не был уверен, что ситуацию во-

обще можно вытащить. Никаких внешних займов не давали, нефть стоила восемь долларов за баррель – сравните с нынешними ценами, которые считаются кризисными! И с этим ресурсом надо было выбираться буквально из пропасти. Примаковский кабинет министров считался «растрельным» – ведь если не удастся выбраться, это политическое самоубийство. Все уйдут в отставку, после которой на карьере можно ставить крест. Многие просто испугались за своё будущее.

❖ *А Примаков – нет?*

– Он не боялся провала. С того момента, как он дал согласие, он начал думать, как вытаскивать страну. А не о том, что будет с ним лично, вверх пойдёт его карьера или вниз, – ничего подобного ему и в голову не приходило. Чтобы спасти целую страну, для этого надо быть всё-таки большим человеком с большим умом и не особо переживать за собственную персону. Он даже не понимал, как, занимая государственную должность, на этом можно делать что-то личное. Это абсурдно. Это невозможно, это исключено! Как же так? За нами страна, в стране – огромные долги по пенсиям и зарплатам, экономика трещит по швам, какой тут может быть личный интерес?

❖ *Это наивность такая?*

– Наивность от величия.

❖ *А что тогда сделало правительство?*

– Я человек, как это ни смешно звучит, далёкий от политики и от экономики. Не могу сформулировать. Но как-то нашли схему и возможности финансирования, когда не нужно было привлекать внешние капиталы. МВФ ведь не дал ни копейки. Выбирались своими силами. Но надо было забыть о себе абсолютно!

Отступление первое. Плюс огранка

С.В. Степашин, председатель наблюдательного совета Фонда содействия реформированию ЖКХ:

«Да, я работал в этом кабинете министров, но познакомились мы намного раньше, в 91-м году, когда Примакова назначили руководителем Центральной службы разведки СССР, а я был председателем комитета Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности. Он меня пригласил в Ясенево, как принято говорить у разведчиков – «в лес», по поводу сотрудничества. Разговаривали долго, и я был просто потрясён его оценками, эрудицией, чувством юмора. Говорили мы, как ни странно, на равных, хотя по возрасту он мне в отцы годился: он 29-го года рождения, я – 52-го, но ему было интересно услышать мою точку зрения. Может быть, ему не хватало сына – тот ушёл из жизни рано, совсем молодым, и это была, конечно, рана. После встречи Евгений Максимович предложил – давай перейдём на «ты»? И мы перешли. Хотя меня много раз потом упрекали: «Как ты можешь? С Максимычем – на «ты»?» Эта первая встреча мне надолго запомнилась, а вторая, столь же впечатляющая, произошла в обстоятельствах достаточно трагических – когда неожиданно Примаков был отправлен в отставку и так же неожиданно я сменил его на посту премьер-министра. Мне это и в дурном сне не могло присниться! Мы были друзьями, работали в одном правительстве... Я в этой ситуации, мягко говоря, не очень хорошо себя чувствовал. Меня тогда вызвали в Кремль, к Ельцину. Из его кабинета выходит Примаков, как всегда спокойный. Поздоровались, он так посмотрел на меня и говорит: «Серёга, ты премьер. Я сказал президенту, что из тех кандидатов, что есть, ты лучший. Желаю тебе успехов. Удачи». Улыбнулся и ушёл. Без всяких срывов, нервов, эмоций бесполезных. Через неделю мы вместе посидели, и он, конечно, высказал всё, что по этому поводу думал. Но в ту минуту не было ни слабости, ни раздражения. Он был очень

**«СЛАБЫЙ
ВСЕГДА УСТУПАЕТ
СИЛЬНОМУ,
И ТОЛЬКО САМЫЙ
СИЛЬНЫЙ УСТУПАЕТ
ВСЕМ»**

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

сильный человек. Потом я припомнил одну его шутку. Когда на праздниках поднимают тост за женщин, мужчины, как это принято, пьют стоя. И когда все поднимались, Максимыч говорил: «Какое у вас сомнение!» Все ведь считают себя мужчинами...

Примаков – это природа плюс огранка. Он сам себя сделал. Никогда он не пытался казаться лучше, чем был на самом деле, был искренним, отзывчивым и очень открытым. И ценил в людях именно человеческие качества. У людей его ранга унижить, поставить в очередь, продержаться в приёмной – дело обычное. Но он никого не унижал и себя не позволял унижить, всегда сохранял достоинство. Даже когда поливали грязью и хотелось врезать в ответ, он умел держать себя в руках.

☉ *Ирина Борисовна, вы только с будущим мужем познакомились – и его карьера резко пошла в гору. То руководитель Службы внешней разведки, то министр иностранных дел, то премьер. Муж оказался с головой в работе. Это было не обидно? Ну так, чисто по-женски?*

– Никаких обид не было. Мне к моменту встречи было около сорока, Евгению Максимовичу – шестьдесят, у обоих второй брак. Я понимала, рядом с каким человеком я буду. Что работа у него на первом месте была, есть и будет. И не оттого, что он так хочет, а так жизнь сложилась, и он иначе уже не может. Я согласна, что мужчина – это человек дела. Если есть дело, которым он увлечён, человек состоялся. А если он лежит на диване, печёт пирожки и ходит за женой, это не мужчина.

☉ *Вы познакомились в Барвихе? Это ведь такой оазис с привилегиями?*

– Поверьте, работа врача – нигде не оазис. Особенно если ты имеешь дело с начальствующими людьми. По специальности я терапевт, а в Барвихе заведовала одним из отделений. Условно говоря, отделением номер один, где отдыхали и лечились министры и члены Политбюро. Евгений Максимович приехал туда на неделю, просто хотел отдохнуть. Отдых выглядел так: утром человек уезжал на работу, поздно вечером возвращался. Лечить там, собственно, было нечего, он был абсолютно здоров. Единственное – у меня была задача помочь своей коллеге, врачу поликлиники, где он был прикреплен, провести диспансеризацию. Я понимала, что передо мной человек очень занятой и совсем не желающий собой заниматься. И мы быстро-быстро все исследования прошли по утрам перед работой. Перед отъездом он попросил мой телефон. Рабочий, естественно. Так обычно все делают. Ситуация скорее стандартная.

☉ *Телефон скоро зазвонил?*

– Примерно через неделю или чуть больше. Евгения Максимовича за это время приняли кандидатом в члены Политбюро, а это уровень,

когда положен «семейный врач». И он предложил мне поработать с ним и его семьёй. Если бы я на тот момент не была администратором, я бы ещё подумала. Но я была руководителем женского коллектива, вдобавок я терпеть не могу административную работу и сообразила, что одним махом от неё избавляюсь. И согласилась. В каком-то смысле сразу стало легче – я уже отвечала только за себя. С другой стороны, надо быть начеку все двадцать четыре часа в сутки. Мало ли что с кем случится – в первый момент все обращаются именно к тебе... А чисто технически оказалось очень много командировок. Поездки, поездки, поездки... Тогда я впервые попала за границу, смогла и мир посмотреть, и по стране поездить...

☉ *И не было никаких знаков внимания со стороны Евгения Максимовича?*

– Нет, абсолютно. Абсолютно.

☉ *То есть строго на «вы». А сколько лет это длилось?*

– До брака. С 89-го до 94-го. Пять лет. Но даже когда отношения стали другими, я долго не могла переступить через это «вы». И дело не в разнице в возрасте. У меня есть близкая подруга, ну очень близкая, и я с ней всю жизнь на «вы». Почему-то не могу перешагнуть, какие-то тормоза останавливают. Даже не знаю, чем это объяснить.

☉ *Стихи Примакова про доктора тоже на «вы»: «Доктор, как хорошо, что вы рядом, и дело даже не в медицине, может, важнее на целый порядок, что глаза у вас синие-синие...»*

– Это было в одной из командировок, в Каире. Ни о каких отношениях, кроме служебных, тогда и речи не было. Евгений Максимович за ужином обычно всех собирал, и обсуждали итоги дня. И вдруг за столом, при помощниках и офицерах охраны, он вынимает листок и читает это стихотворение... Я была потрясена.

☉ *Конечно. Это же признание в любви. Вы что-нибудь ответили?*

– Когда все разошлись, попросила стихи на память.

☉ *Но глаза у вас, если честно, не синие...*

– Серо-голубые. Это же начало 90-х – тогда все пользовались синими тенями. Муж потом шутил: «Я думал, что женился на женщине с синими глазами, а ты меня обманула...»

☉ *А был момент, когда вы поняли, что вот она, любовь?*

– В принципе, да. Это была моя первая зарубежная командировка в США. Поскольку врач, как и офицеры охраны, присутствует на всех мероприятиях, я слушала его доклады. Выступал он просто потрясающе, разил американцев наповал. Может быть, они впервые увидели, что советские люди – тогда был ещё СССР – не те монстры, которыми их пугают. Что мы другие. Что у нас есть ум, блеск, образованность...

«ЕСЛИ В ДОМЕ ЗАВОДЯТСЯ МЫШИ, ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ДОМ НАДО СЖЕЧЬ»

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

Отступление второе. Анекдот для сенатора В.Ф. Яковлев, советник президента:

«В 90-х Валентина Терешкова в рамках общесства дружбы организовывала поездки в Питтсбург, в которых участвовали политики, учёные, артисты, общественные деятели. Там шли дебаты по экономике, политике, праву. Каждому из основных докладчиков давали оппонента. Примакову тогда достался американский «тяжеловес», сенатор Билл Брэдли. Красивый, двухметрового роста, в прошлом – баскетболист, олимпийский чемпион. Участникам семинара раздавали журналы с его фото на обложке. Выступил сенатор ярко, вслед за ним поднялся Примаков. После Брэдли его едва было видно из-за трибуны. Начал он с того, как ему трудно выступать после Брэдли – во-первых, он не увлекается баскетболом, во-вторых, его портреты почему-то не печатают глянцевого журналы. И начал свой доклад. Очень мощный. Аналитика, аргументы – неопровержимые. И во время этой речи мне почему-то стало казаться, что Примаков становится выше ростом, а сенатор Брэдли уменьшается на глазах. А закончил Евгений Максимович анекдотом, сославшись на рассказчика. Анекдот был мой... Я дату этого события – 30 октября 1990 года – хорошо запомнил, потому что накануне у Примакова был день рождения. Он пригласил человек десять в свой номер. Людмила Марковна Гурченко, помню, была и в компанию отлично вписалась. Было весело, все рассказывали анекдоты, я тоже рассказал. Анекдот был такой. Судят человека, который четыре раза подряд взламывал один и тот же магазин. Судья спрашивает: «Когда вы шли туда четвёртый раз, вы что, не предполагали, что вас там будут ждать?» Подсудимый отвечает: «Гражданин судья, я предполагал. Но ситуация была безвыходная – у жены день рождения! Первый раз я принёс ей платье, а потом трижды ходил его обменивать... Но в контексте дебатов с американцами этот анекдот у Примакова прозвучал примерно так: не надо

вторгаться на чужую территорию. Даже с благими намерениями – всё равно не стоит. И в этом весь Примаков. И его остроумие, и его независимость, и способность плыть против течения. Американцев он предупредил, чтобы не слишком поучали. Сейчас это «общее место», но двадцать пять лет назад всё было в точности наоборот. Примаков умел думать вперёд.

А какая у Евгения Максимовича жена? Первую я не знал, а Ирина Борисовна... Мне кажется, шолоховские казачки такими были. Статная, умная, красивая. Сильная, из тех, что «в горящую избу...». И очень любящий, тёплый, душевный человек. В ней это не светскость – это сердечность настоящая. Они оба такие. Под стать друг другу».

☉ *Ирина Борисовна, а вы как определяли, что вы любимая жена? По каким признакам? Женщины же иногда просто требуют от мужей слов любви. Чтобы он вслух сказал!*

– Так это, видимо, глупые женщины. Что тут определять? И так видно. Я не хотела бы об этом говорить, это личное, и пусть оно таким останется. Но Женя очень красиво ухаживал. Очень! Я просто не устояла. Мне кажется, на моём месте никто бы не устоял.

☉ *Носились с мужем, как с писаной торбой?*

– А как иначе? Когда любишь, всегда носишься. Для тебя он единственный и неповторимый, он лучше всех, лучше него просто не бывает. И ты готова для него на всё. А когда любовь заканчивается – это я вспоминаю свой первый брак, – ты видишь все недостатки, они тебя начинают раздражать, и начинаешь думать: боже мой, где же ты была раньше? Почему ты этого не видела? Да потому, что любовь умерла. А почему она возникает и умирает, не знаю. Это химия.

☉ *Это вы как медик говорите?*

– Абсолютно. Потому что первый муж у меня очень хороший человек. Очень достойный, умный, порядочный. Но просто что-то кончилось между нами, любовь умерла, и, может быть, знаете, почему? Мы очень разные по характеру и по темпераменту тоже не совпали. Я сама лидер, но, если тащу мужчину психологически, меня это раздражает. Я должна быть ведомой, а не ведущей. А в Жене была та личность и та харизма мужская, которая поглотила меня полностью. Я даже и не пыталась вспомнить, лидер я или нет, шла в фаворате, и меня это полностью устраивало.

☉ *И даже с работы ушли?*

– Нет, выйдя замуж, я работала ещё лет десять. И МИД, и премьерство, и, может, и дальше продолжала бы, потому что я свою работу люблю. Но как-то сидели за столом Женя, я, мои родители – они уже тогда вместе с нами жили, и мне было, конечно, трудно, – и муж говорит: «Слушай, ну что тырываешься, сколько мож-

но? Ну я тебя прошу... Ты уже всем всё доказала. Что ты независимый, самостоятельный человек... Сколько нам ещё вместе осталось? Неужели ты не можешь эти последние годы мне посвятить?» Наутро я пошла и написала заявление. Жалко было всё бросать – работа для меня была определённым смыслом жизни... Но ничего ужасного со мной не случилось: это мужчинам-трудоголикам бросать работу – как паровоз на всём ходу останавливать. Такие люди живут, пока несут ношу. Мы из-за этого даже никогда долго не отдыхали, максимум две недели, потому что к концу второй уже начинался зуд: висение на телефонах, рабочие переговоры... Мужской организм и женский по-разному устроены. Женщина делится на две половинки – бытовую и рабочую. Кончается работа, остаётся быт, и он плавно заполняет рабочий вакуум. Стирка, уборка, кто-то заболел, детям помочь, внукам помочь... А мужчины, уходя на пенсию, страдают. Их невостребованность доканывает. Рыбалка, шахматы – это же только для себя. А нормальный человек живёт для кого-то. Не для себя же. Тоска зелёная, когда для себя.

☉ *У вас семья всегда была на первом месте?*

– У меня лично? Всегда.

☉ *А зачем, перед тем как пожениться, вы пошли советоваться с детьми – с дочерью Евгения Максимовича Наной и со своей Аней? Мы ведь, когда женимся или выходим замуж, не спрашиваем разрешения у родителей.*

– Потому что за родителей ты не несёшь ответственности. А за детей отвечаешь. От твоего брака жизнь родителей не меняется, а дети зависимы. Ты распоряжаешься не только своей судьбой, но и их. И если ребёнок чего-то не приемлет, а ты поступаешь наоборот, ты его ломаешь.

☉ *А что бы изменилось, если бы кто-то из них запротестовал?*

– Если бы дети нашего союза не приняли, то... брака бы не было. Одно дело, когда у твоего отца или мамы есть друг или подруга, а совсем иное – когда этот человек приходит в дом. Ты становишься мачехой, твой муж – отчимом. Вы живёте вместе, и отношения с детьми – это очень-очень серьёзно! Может, потому мы и были счастливы, что ребята приняли меня, а Аня – Евгения Максимовича. И так совпали, что усилий вообще прилагать не пришлось. Это было как от бога посланное – просто оказались людьми одной группы крови. Мы оба корнями с юга – Женя из Закавказья, я – из Предкавказья, там другие люди. Может быть, оттого что тепло, все более доброжелательны. Москва – более жёсткий город, иногда даже жестокий. А я из провинции, где принято жить порядочно, потому что все друг друга знают. Принцип не подвести семью в моей семье был ва-

► «Я была его тенью». Ирина Примакова

ФОТО: ЭДУАРД ПЕСОВ/ТАСС

жен. Ты на виду, и ты должен быть если не лучше всех, то просто хорошим человеком.

☉ **Мне кажется, вы по жизни отличница...**

– Патологическая. И в школе, и в институте. Всё надо делать на пять. Трудный характер, но он трудный скорее для меня. Наверное, нахально так заявлять, но мне кажется, я человек неконфликтный. Из таких «скорпионов-самоедов». Сто раз буду обсасывать одну ситуацию – права я или не права... Я никогда не конфликтовала, где бы ни работала.

☉ **И с мужем не ссорились?**

– Конечно, ссорились – это же семейная жизнь! Это неизбежно. Ссорились по поводу его здоровья, когда я просила что-нибудь сделать, а он просил, что называется, отстать. И из-за детей – потому что Евгений Максимович был своеобразный отец. У него было две крайности – либо всё можно, либо ничего нельзя. Причём «нельзя» без объяснений. Старших он воспитывал сурово, а маленьким позволял абсолютно всё.

☉ **Это его была шутка над внуком, Евгением Примаковым-младшим, насчёт разводов? Что если Женя, который снова собрался жениться, в четвёртый раз разведётся, то вы его выгоните, а жену оставите?**

– Шутка моя. Но поскольку вся семья с хорошим чувством юмора, посмеялись, и всё.

☉ **У Наны две дочери, у Ани – две, у внука Жени – четыре. Это кроме их мужей и жён. Собираетесь вместе?**

– На все праздники. И ещё четыре дня в году у нас всегда были святые. Их, правда, праздниками не назовёшь. Это два дня рождения и два дня ухода. Первой жены Евгения Максимовича Лауры и их сына Саши, он умер двадцатисемилетним от сердечного приступа, а жена ушла от той же болезни спустя пять лет. В эти дни приезжают друзья, однокурсники Саши, собираемся на кладбище, потом поминаем. И как была эта традиция, так она и теперь есть. Женя всегда их помнил. И сына, и жену. Никогда и не забывал.

☉ **А вы свою свадьбу праздновали? Ходили в загс?**

– Нет. Когда мы стали жить вместе, юридически я была ещё замужем. И эта процедура бюрократическая тянулась долго. Уже около года после официального развода прошло, и Женя сказал: «Знаешь, дело не в штампе, мы с тобой, как говорится, муж и жена, но мы ездим в командировки, и надо этот штамп для официальных дел поставить». Я ответила: «Ну хорошо, давай поставим». – «Только в загс я не пойду». – «А как мы тогда эту проблему решим? И почему ты в загс не пойдёшь?» – «Да мне просто неловко, неудобно как-то. Ну что я, взрослый, солидный человек, а там одна молодёжь...» Я согласилась – пожалуй, и в самом деле неловко. И мы поехали в загс с... начальником охраны Геннадием Алексеевичем Хабаровым. Прошли в кабинет, сели заполнять ан-

кеты. Геннадий Алексеевич – по документам Примакова, я – по своим. Заполнили, подали их директорисе, она смотрит и ничего понять не может. С невестой, извините, всё в порядке, документы с оригиналом совпадают, а с женихом всё как-то странно. Паспорт один, сидит явно кто-то другой... Геннадию Алексеевичу пришлось ей объяснять, что и как. И потом мы спросили: «А есть возможность провести регистрацию на дому?» На что директориса радостно ответила: «Есть! Инвалидов мы регистрируем дома!» Мы засмеялись: «Ну так внесите нас в список инвалидов!» Она назначила день, приехала, зарегистрировала, попили чаю. Оказалась очень весёлая, обаятельная женщина.

☉ **Ну, если подумать, а как ещё регистрировать брак руководителю Службы внешней разведки?**

Отступление третье. Шутники

Галина Юркова-Данелия:

«У нас была одна компания. Примаков в Тбилиси вырос, а Георгий Николаевич Данелия там родился, но если ты жил в Тбилиси, то это уже повод дружить. Мы дружили семьями, часто собирались большой компанией вместе пообедать. Это была традиция. Как-то раз Евгений Максимович мне за столом тихонько говорит:

– Давай чокнемся и выпьем за мой орден. Я орден получил.

– Давай чокнемся и выпьем, раз орден.

– Орден получил, а похвастаться им не могу.

Это, видимо, означало, что орден был «совершенно секретный», разведчицкий.

Примаков, конечно, был важной персоной, но без барьеров, которые начальники обычно ставят между собой и прочими смертными. Очень простой, очень свободный. Мы нашей большой компанией как-то ездили на Новый год в Иорданию, и там нас принимал сам король Хусейн. Нас всех, просто потому, что мы друзья Примакова. Но Новый год в Иордании не празднуют, с гостей отеля собрали деньги, поставили шампанское и еду, включили музыку. Танцы, шум, гам. Примаков, в конце концов, возмутился: «Да что же это такое? Так весь праздник пропадёт!» И тогда мы сдвинули столы в коридор, притащили из номеров у кого что было с собой и всё-таки отпраздновали Новый год по-русски! Примакова как-то совсем не волновало, что мы сидим в коридоре.

В этом отеле было много русских. Однажды в холле один из них узнал Георгия Данелию и рассыпался в любезностях: «Да как мы любим ваши фильмы, да спасибо вам огромное! Сколько радости! Вы наш любимый режиссёр!» А потом: «Не могли бы вы отойти немного в сторону, я хочу сфотографироваться с Примаковым».

С Данелией они всё время друг над другом подшучивали. Евгений Максимович был на десять ме-

сяцев старше, и, как только наступал его день рождения, он звонил Данелии со словами: «Ну что, пацан, беги за пивом!» А когда Примаков тяжело заболел, он позвонил и сказал: «Совсем плохо себя чувствую. Похоже, мне конец». А Данелия в ответ: «Ты не можешь уйти первым. Первым должен я. Чтобы все знакомые спрашивали: «А Примаков на твоих похоронах будет?»»

○ **Ирина Борисовна, то, что ваш муж вырос в Тбилиси, это важно?**

– Всегда важно, где человек вырос. Тбилиси сейчас немного другой, но я запомнила ещё тот, старый. Это был маленький Париж! Там даже в быту необыкновенный шарм. Старые дома, интересные люди, много искусства, много музыки. И всё не просто красиво, а артистично. Первая Женина супруга, Лаура, была музыкантом. Химик по образованию, но блестящая пианистка. Её двоюродная сестра Нана Дмитриади – профессор Тбилисской консерватории. Нана, в свою очередь, дочка оперной примадонны, Лаура росла в их доме, полную музыки. Женя выбрал такую жену, такую среду. Вкус и стиль у него был от бога, природный.

○ **В семье с кавказскими корнями обычно управляет мужчина. Были у вас строгие правила, границы, запреты?**

– Ничего жёсткого. Может быть, единственное, что категорически исключалось, – обхаивание людей. Говорить о ком-либо плохо, даже если это действительно плохой человек, было не принято. Это, пожалуй, единственное, что мужа по-настоящему обижало и сердило. Если что-то тебе не нравится – говори прямо в лицо. Но выяснять отношения Жене вообще было не свойственно. Если он в ком-то разочаровывался, просто сводил отношения на нет. Наверное, исходя из того, что никого нельзя переделать. Мы здесь все готовые.

○ **А если это подчинённый?**

– Если это подчинённый, который не справляется с работой, то с таким расставались. А если он хорошо делает дело, но по-человечески несимпатичен, то личное отодвигалось да-а-леко в сторону. Дело важнее. При этом жизнь как-то так складывалась, что такие люди обычно сами уходили. Может, человек понимал, что не из этого гнезда? Но те, что оставались, становились друзьями. Много вы знаете людей, которые дружат с детско-го сада? Я этот принцип Евгения Максимовича – дружить с человеком независимо от его чинов, званий – приняла как что-то мне очень близкое. Он вообще был в душе романтик, очень эмоциональный. В детстве мечтал быть моряком. Мальчишеская мечта такая – военный офицер, красивая форма. Они тогда поехали целой группой мальчишек-друзей из Тбилиси поступать в Баку в военно-морское училище. Кто-то поступил, кто-то сразу отсекся... Время было военное – голодно, холодно, муштра. Женя так бы и остался там,

стал бы адмиралом флота как минимум, но у него начался туберкулёз, и его отчислили. А у него уже перед глазами стояло – вот корабль уходит в море, он стоит на мостике, а с берега ему, прощаясь, машет девушка. Он возвращался в Тбилиси поездом и всю дорогу плакал...

○ **Ирина Борисовна, вы прожили вместе двадцать пять лет, были счастливы... Первоначальная влюблённость, очарованность, восхищение с годами во что переходят? В какое-то другое чувство?**

– У меня? Ни в какое. Влюблённость – это, по моему, временное что-то, легковесное. Влюбляешься во внешний облик, манеру говорить. Это всё такое первое-первое, лёгкое-лёгкое. А потом начинаешь всматриваться, вслушиваться, вникать в суть человека... И это любовное восхищение у меня так и не исчезло до последнего дня... Я и сейчас им... восхищаюсь!

Отступление последнее. Фокусировка

Вера Минина:

«В 96-м году мы отдыхали на даче неподалёку от Сочи, и нашими соседями были Евгений Максимович, Ирина Борисовна, их дочь Аня. Дети у нас были ровесники, нашим близнецам через неделю исполнялось семнадцать – возраст трудный, со старшими они вообще предпочитали не общаться. Добиться от детей пары фраз равнялось подвигу. А Евгений Максимович над ними шутил. Надо мной, кстати, тоже. Мы играли на бильярде, я мазала, а он с усмешкой комментировал: «Главное – красиво ударить. Забывать не обязательно». Через неделю совершенно лузерской игры с министром иностранных дел я почему-то начала чувствовать себя красавицей, хотя всегда считала себя барышней средних данных. Потом похожий эффект обнаружился на детях. Наши «немые» вдруг пошли на контакт. На день рождения Примаков подарил им какие-то памятные медали – и они с ними носились, точно им вручили настоящие ордена...

В этом отпуске на нас вдруг снизошло – да ведь мы же замечательные, красивые, умные, мы вообще венец творенья! И эту операцию над нами проделал Евгений Максимович. Он относился к людям с таким уважением, что повышал их самооценку. Я потом поняла, как это делается. На тебя наводят луч симпатии – и ты расправляешь крылья. Примаков был на людей настроен. Это или нюх, или какой-то внутренний слух. Причём всё очень тонко, почти незаметно, ведь ни одного комплимента, только шутил и смеялся. Всем ли предназначалась его симпатия? Думаю, нет. Его насчёт людей было не провести, разве что ненадолго. Ему и наказывать никого не надо было – просто убрал эту свою теплоту, интерес и расположенность, и всё, тебя, такого замечательного, больше нет...» ○

АЗАРТ

В предыдущем номере наш герой обнаруживает, что на корабле зреет бунт и что заговорщики не прочь его самого «пустить по течению»

МАКСИМ КАНТОР

Глава тринадцатая

ПОРОХ И ПОРТВЕЙН

Оказалось, что я провалился в угольную яму. В бравое время европейского братоубийства «Азарт» был военным кораблём: чёрные от копоти кочегары швыряли в топку уголь, машина пыхтела, пушки разворачивали дула к врагу, – а сейчас ржавая развалина стояла пришвартованной к причалу, точно отставной вояка к загородной даче. Уголь в бункер не загружали, подозреваю, что о существовании бункера новый владелец корабля даже не знал. Однако бункер для хранения угля имелся – так и у генерала-пенсионера хранится наградной пистолет рядом с пилюлями от запора: ползет старый воин за пилюлями, найдёт свой вальтер и воспоминания охватят седоусого головореза. Воин забудет про свой запор и будет тосковать о тех бурных денёчках, когда обделаться от страха не составляло проблем.

Угольная яма существовала, как же иначе? В каждом солидном доме должен быть подвал с припасами, а наш «Азарт» прежде был домом солидным.

Я лежал на куче ломких камней – в темноте не видно, что камни чёрные, но сообразил, что это уголь. А дальше можно было догадаться обо всём остальном: что ещё должно быть, если имеется угольный бункер.

Но не догадался: был оглушён страхом. Пока заговорщики находились рядом, не смел шевельнуться; ни о чём не думал, кроме их слов, таких страшных. Когда голоса надоели стихли, пополз по куче угля, наткнулся на стену. В стене – узкая дверь, я протиснулся. Помещений, усыпанных углём, на судне оказалось три, угольные бункера располагались один за другим вдоль борта, в самом глубоком уровне корабля, ниже только вода. Помещения соединялись узкими низкими дверями; петли ржавые, но, если навалиться плечом, дверь подавалась. Я прополз на четве-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: МАКСИМ КАНТОП

реньках сквозь три отсека и, находя на ощупь очередную дверь в железной стене, радовался, что есть выход; но последнюю дверь отдраить не смог. Уголь, покрывавший пол, за полвека смёрзся в камень, не давал двери открыться.

Выхода не было нигде.

Я был уверен, что, если закричу, крик подхватит эхо, мой крик разнесётся по всему кораблю, – о, как загудел бы вопль в разрушенных помещениях «Азарта»!

В молодости я был (каюсь: до сих пор остаюсь) человеком, зависимым от культурных алгоритмов, – в те годы был популярен фильм Феллини «И корабль плывёт...»; там изображён большой океанский лайнер, символ предвоенной Европы, этакий намёк на «Титаник» и иллюстрация к работе Шпенглера одновременно, – так вот, в этом огромном лайнере пассажирами были оперные певцы и они пели в угольном бункере корабля. Так уж устроен интеллигент, что, даже находясь в опасности, в самой унижительной ситуации, он думает культурными штампами, – вот и я вспомнил кадры Феллини и тех оперных певцов. Если бы я заорал, получилось бы не хуже, чем у них. Но кричать боялся: неизвестно, кто придёт на мой крик первым – капитан Август или оксфордский профессор.

Деться отсюда некуда – но и звать на помощь страшно.

Прошёл час, в течение которого я ощупывал стены; успокаивал себя – в темноте надо продвигаться методично, осваивать сантиметр за сантиметром. Так обнаружил лестницу. То была не обычная лестница – просто железные скобы, нашитые на стену, по скобам матросы и кочегары спускались в чёрную дыру. Я наткнулся на одну из этих железяк, расшиб лоб. Больно; но обрадовался – сообразил, зачем скобы приделаны, полез вверх.

Лезть вверх – не то что падать вниз, ответственно говорю: я пролетел до самого дна корабля за две секунды, выбирался долго. Когда перебрался на следующий уровень, стало посветлее. Я теперь оказался, по моим представлениям, там, где живут матросы и где собирались заговорщики. Вероятно (так думал я), злодеи сидели в одном из кубриков. Лунный свет лился в недра корабля через многочисленные дыры в верхней палубе, свет отражался на стальных обшивках стен. Стало быть, я на той палубе, где расположены кубрики моряков, где-то здесь находится и наша каюта – так они называли ту сырую скважину, где нас поселили. Собразить бы, куда теперь идти; перемещаясь по угольным дырам, я отполз далеко от наших мест. Теперь, когда я прополз три угольных отсека (сколько это составляет метров? тридцать? сорок?), я находился уже под иными помещениями; и я не узнал нашей палубы. Наверное, надо пройти вперёд – корабль подобен замку или даже собору: ты никогда не знаешь, что встретишь за поворотом. Я пошёл вперёд.

В серой туманности я разглядел бочки и ящики, оставшиеся, вероятно, с военных времён: тара была маркирова-

на характерными военными номерами – военную принадлежность изделия опознать легко по манере писать номер. Ящики были ещё не трухлявыми, хотя многие доски растрескались и содержимое ящиков высыпалось на пол. Я вдруг понял, что стою не на палубе, но на месиве из разных продуктов, порошков и материалов, что высыпались из ящиков. А что там могло храниться? Какао-бобы? Вряд ли. Тогда в первый раз я подумал про порох. Если корабль был военным – а «Азарт» был военным кораблём, – то на нём стояли пушки. А пушки стреляют снарядами. И куда всё это могло деться? Вот оно – у меня под ногами.

То, что корабль начинён порохом, что мы спим на пороховом складе, меня привело в такой ужас, что страх перед заговорщиками отступил на второй план. Порох, наверное, отсырел, успокаивал я себя. А вдруг не отсырел? К тому же если в ящиках снаряды, то они и вовсе отсыреть не могут – мы знаем истории про мины, взорвавшиеся через сто лет после войны.

На ящиках и бочках я разглядел надпись «Принц Савойский», накрашенную через грубый трафарет. Так вот он как назывался, наш ржавый «Азарт», – прежде это был «Принц Савойский», вот оно как! Евгений Савойский был австрийским полководцем начала восемнадцатого века, разбил турок под Белградом и ещё что-то такое смертоносно-великое совершил, стало быть, сражался сей грозный эсминец под австрийским флагом. А если корабль под австрийским флагом, то это означает, что в тридцатые годы прошлого века... – но я не пустил фантазию дальше.

Ящики с порохом и снарядами стояли ровными штабелями, я двигался вдоль них, держась за них, трепетно ощущывая трещины и щели в досках. Я старался вернуться туда, откуда, по моим предположениям, я свалился вниз. Двигался осторожно и потому медленно – боялся толкнуть снаряд, наступить на мину. Протягивал руки, ощущывал пространство впереди, осторожно выдвигал ногу, аккуратно трогал пол – и так всякий шаг. Однако, сколь долго я ни шёл, ничего похожего на кубрики матросов не появилось. Это был коридор корабля, доселе мне неведомый. Это была другая палуба! Неизвестная мне палуба.

Другая палуба, грузовая палуба, – вот что это такое. Даже совершенный профан, даже штатский олух может в конце концов сообразить, что он находится на складе оружия, а что оружие хранят на особой палубе – это даже осёл понимает.

Грузовые отсеки шли под помещениями трюмов, стало быть, в корабле имелось четыре уровня, а не два, как я, сухопутный простак, сперва решил. Верхняя палуба, под ней палуба кубриков и жилых помещений, ниже грузовой отсек и, наконец, угольные ямы. Почему я этого не понимал? Так ученик, глядя на контурные карты, не понимает и не может рассказать учителю, что на самом деле происходило в Европе – как шла, например, Тридцатилетняя война. А ведь это так просто, когда объясняют.

Оказывается, прямо у нас под полом – крюйт-камера! Мы спим на бочке с порохом. Ну и открытие! Значит, заговорщики спускаются вниз из помещений кубриков, – а знает ли Август о наличии ещё одной палубы? Хорош хозяин, который не удосужился изучить свой дом. Злодеи встречаются именно в грузовом отсеке, они, полагаю, крюйт-камеру давно обнаружили – и, подумав так, я наткнулся на то место, где заговорщики сидели и разговаривали. То было подобие комнаты, закут между тремя штабелями боеприпасов, а я уже не сомневался, что в ящиках хранились боеприпасы.

Боже мой, сколько же здесь хранилось ящиков и мешков, а с виду наш «Азарт» представлялся бедным, полуразрушенным кораблём. В точности так жалко выглядит иная небогатая зерном страна, в недрах которой лежат железные руды. Ведь наш капитан-иезуит запросто мог торговать оружием, если бы захотел! Что стоило продать на амстердамском рынке снаряды? Здесь, где легко торгуют марихуаной и кокаином, он мог бы продать торпеды задорого. Заговорщики свили своё гнездо именно среди торпед – из одного ящика даже торчали их хвостовые оперения – зрелище малоприятное.

Самый крупный ящик служил заговорщикам столом, сидели злодеи вокруг него на небольших бочонках, причём груз в этих бочках имелся – подвинуть бочки в сторону я не смог. И если то был порох, то порох в бочках был сухим, поскольку сами бочки были абсолютно целыми.

Вот ведь анекдот! Август ищет, как бы заработать на десяток досок, мы нанимаемся грузчиками, чтобы раздобыть на хлеб насущный, а если бы он продал снаряды, то получил бы во много раз больше искомой суммы.

Но заговорщики – они ведь отлично знают про оружие. И, если они не посоветовали Августу оружие продать, значит, у них есть планы, как оружие использовать.

Я боялся встретить заговорщиков, особенно опасался Адриана, оксфордского историка. Вероятно, контраст между академической наружностью и хладнокровным злодейством так на меня подействовал. Адриан был как змея, чью реакцию предугадать невозможно. Но что значит страх перед змеей в сравнении с опасностью взрыва, в котором погибнут все?

Во всяком случае, взрывать корабль заговорщики явно не собирались – ясно сказали, что корабль продадут. Оружие, скорее всего, продадут тоже. Но что если доведённый до отчаяния Август сам взорвёт корабль? Разве знаешь, что иезуиту придёт в голову? Надо рассказать ему, но рассказать надо осторожно. И какую новость рассказать первой? Про заговор или про порох на корабле? Рассказать всем или только Августу? Опасность взрыва сплотит всех, а заговор всех перессорит. И тут как раз рванёт. Кому рассказать?

Я не знал, сколько человек участвует в заговоре, а рассказать одному из заговорщиков о заговоре – это, пожалуй, самое глупое, что можно сделать. Кто ещё участвует?

Я перебрал в уме весь список команды.

Итальянец Микеле? Вполне может предать общество ради наживы. Вряд ли его посвящают во все подробности, но он авантюрист и ловкач, годится для тёмного дела. Музыкант Йохан? Поскольку я скептически отношусь к современному искусству вообще и к игре на консервных банках в частности, то и личность музыканта Йохана была мне подозрительна. Они ведь неуправляемые, эти любители перформансов, всякие сквоттеры и прочие новаторы. В Москве я знавал одного новатора, который зарубил в галерее барана. Зарубил барана топором на потеху зрителям – живого барана привёл в галерею искусств, достал топор и зарубил животное. Вот скажите, такой художник будет состоять в заговоре или нет? Такой пойдёт на преступление просто из желания развлечься, для него это очередной перформанс. Так что Йохана я тоже записал в заговорщики.

Остаются два немецких рыбака, французская левая активистка Присцилла и сербский поэт Цветкович. Кажется, на этих можно положиться. Впрочем, нет. Левая активистка – при упоминании о деньгах, которые можно поделить поровну, продав корабль, – уйдёт к бандитам сразу. Цветкович настолько непредсказуем, что надеяться на него не приходится – скорее всего, поэт просто устранился. Оставалось трое надёжных, считая меня, и четверо, если считать вместе с Августом. Вместе с Августом? И тут страшная догадка посетила меня. А что если капитан отлично знает о том, что «Азарт» начинён боеприпасами? Ведь не может хозяин не знать своего имущества. Он только изображает рассеянного, он играет простака, но у него есть какой-то план. Заговорщики против него, но он и сам заговорщик. Троцкий, например, плёл заговор против Сталина, а Сталин – что же, невинная овечка?

Нет, нас – только трое против всей команды.

Решил, что для начала поговорю с немцами; рыбак Штефан – парень надёжный и молчаливый. Я сделал ещё несколько медленных шагов в том направлении, где, как мне казалось, могла быть лестница наверх, – я шёл, вытянув руки вперёд, ощупывая темноту. И вдруг моя рука наткнулась на тёплого человека. Рука встретила чужую руку, сперва я скользнул пальцами по рукаву незнакомца, ещё не понимая, что нашёл живое существо, а когда дошёл до голого запястья, то инстинктивно сжал его – и вскрикнул от удивления и испуга.

Я вскрикнул, и человек, которого я схватил, вскрикнул тоже.

Я почти не сомневался, что это Адриан: осторожный британец вернулся на место сбора, чтобы проверить, всё ли чисто. Оксфордские профессора (это я узнал позже) всегда ходят бесшумно и появляются внезапно – например, когда настаёт время обеда в колледже. Профессора возникают в трапезной стремительно – и всё поглощают; эти навыки пригодились бы и в шпионской работе. Да, это он, это британец вернулся! Сейчас оксфордский профессор полоснёт меня бритвой! Но то был не Адриан.

– Не бойся меня, художник. Я тебя знаю, – произнёс голос, несколько не похожий на оксфордский циничный тягучий говорок, – ты художник, я наблюдал за тобой несколько дней. Ты хороший человек, только глупый. Не бойся меня.

Я не видел своего собеседника, но тот меня видел отлично: видимо, его глаза успели привыкнуть к темноте.

– Не видишь меня? – угадал человек в темноте, – подожди, дай зажгу фонарь.

И вспыхнул узкий луч фонарика; человек направил луч на своё лицо.

Это был нищий побирушка, каких в порту много; лицо бродяги было смутным и молодым, то есть производило впечатление молодого, хотя было изрезано морщинами.

– Мне шестьдесят, совсем старик, – сказал бродяга, оценив мой взгляд, – просто выгляжу неплохо. Всё оттого, что ни одного дня не работал. Отдыхаю. За меня отец поработал, а я решил никогда не работать.

Я ничего на эту фразу не ответил; просто не понимал, о чём он говорит и кто он.

– Живу здесь уже полгода, – сказал бродяга, – ещё до Августа сюда перебрался, когда корабль ещё продавали. Так и сплю на бочках с порохом.

Мы помолчали.

– Хорхе Рибейро, республиканец, – представился бродяга. – Точнее, мой отец был республиканцем, а потом стал каменотёсом. Папа работал в каменоломнях, строил Храм примирения в Долине павших. Знаешь про Долину павших – триста метров, вырубленных в скале?

– Не знаю, – сказал я. Дико было в пороховом погребке говорить о Долине павших. Впрочем, день уж такой выдался, сюрреалистический.

– Двадцать тысяч заключённых, кто выжил после падения Республики, направили в каменоломни, чтобы ишачили на строительстве, – каудильо себе Пантеон отгрохал. Храм европейского единства! – Бродяга хохотнул, прикрывая рот рукой.

Безумец, подумал я, он спятил здесь в одиночестве, а вслух я сказал:

– Вы прямо из Долины павших сюда переехали?

– А я там не был. Это мой папа двадцать лет киркой махал – как шахтёр в забое. Только зарплата шахтёрам не шла. – Хорхе хрипло засмеялся и прикрыл рот рукой, чтобы смех не был громким. – А я ни одного дня не работал. Я сразу уехал.

– А сюда зачем приехали?

– Папа потрудился, а я гуляю. В портах люблю жить. В Барселоне три года прожил на кораблях. В Гамбурге год. Теперь здесь. В трюмах всегда найдётся угол, где тепло и где не найдут. Еду на корабле достать легко – вот у Йохана консервы беру. – Бродяга опять засмеялся.

– Так это ты банки воруюшь! А музыкант на Цветковича грешит. Говорит, что из-за Цветковича он голодает.

– Дурачок твой Йохан, здесь еды навалом. Запас галет на полгода – вон там, за торпедами. И солонина тоже есть, только уж очень она солёная, сплошная соль. Надо бренди запивать. Три бочки с бренди есть. И портвейна десять бочек. Хочешь хлебнуть? – Мне в руку ткнулась железная кружка, я отхлебнул, обжёг рот. Вернул кружку.

– Что это?

– Настоящий бренди, крепкий, градусов семьдесят. С войны запас. Что, горячо стало? Портвейном запей. Те, кого ты боишься, они любят портвейн. Англичанин сразу портвейн нашёл, приказал бочки сюда. Вон ту бочку открыли и попивают потихоньку. И я прикладываюсь – проснусь, хлебну и опять дрыхну. А консервированный лосось я беру у Йохана, потому что мне такие продукты больше всего нравятся. Имею право на особые вкусы.

Он был безумен, очевидно. Я хотел уйти. Но куда же я мог деться от него? Идти было некуда.

– Хочешь, вдвоём с тобой тут жить будем, – предложил безумец. – Пусть у них там, наверху, дела идут как угодно. Хоть война. А мы здесь отсидимся.

– На бочке с порохом?

– Самое надёжное.

– Нет уж, я наверх пойду.

– А как пойдёшь-то? Лестницы нет. Может быть, тебе портвейна налить? – Он отвернул кран у бочки, струя портвейна ударила в кружку, в темноте слышно было, как хлещет вино по железному дну. – Ишь, цвет какой! – Он и в темноте видел. – Рубин, настоящий рубин. – Он протянул кружку мне: – Хлебни.

Портвейн был липким, сладким, крепким. Зачем я с ним пил? Не знаю.

– Воду вот приходится добывать. Выхожу на причал ночью. Беру со складов. А с портвейном проблем нет. Пей, пей.

Я выпил ещё. Дикая ситуация, но так вот и было: в пороховом погребке военного корабля, который притворялся островом гуманизма, я пил портвейн с бродягой.

– Давай ещё по одной.

– Цветкович бы здесь развернулся, – сказал я. – Дармовая выпивка.

– Поэт? Такой жирный? Всё подряд ест, правда. И пьёт всё подряд. Но Цветковичу я бы не налил.

– Ты что про него знаешь?

– Жирным веры нет, – сказал безумец. – Но он не самый опасный.

– А другие опасные?

– Очень. Сразу про оружие поняли – хотели первыми корабль купить, но не успели.

– Ты за всеми следишь?

– Я же вор, у вора глаз острый.

– А зачем ты воруюешь? – обидно спросил, сегодня я бы такого вопроса не задал. Это теперь, когда жизнь почти прошла, я уже знаю, что воруют все – просто одни люди делают это очевидно, их и называют ворами. Мы ворует друг у друга любовь, и здоровье, и веру, и будущее – и ничего не даём взамен. Фраза звучит патетически, так бы на суде адвокат сказал. Но что делать, если это правда? Вот те, кто берёт у нас деньги и крадёт консервы, – это люди довольно честные; вор – просто одна из грабительских профессий, не самая циничная. Но тогда я считал себя честным человеком, а бродягу в трюме держал за вора.

– Зачем ворую? Чтобы жить.

– Август сюда часто спускается? – Вот этот вопрос я задал (как мне показалось) очень тонко. Надо ведь узнать, почему Август торопился купить корабль, осведомлён ли капитан о порохе и снарядах.

– Ни разу его здесь не видел. Но ваш Август, он тощий, можно в темноте за швабру принять, – опять он захохотал, прикрыв рот ладонью, – а швабру я пару раз видел.

– Как наверх подняться?

– Никак. Задраен люк. У злодеев есть задрайка. Я-то сам через иллюминатор пролез.

– А мне что делать?

– Как влез, так и вылезай: через дыры, палуба-то дырявая. Давай я тебя подсажу.

– Со мной не хочешь наверх?

– А зачем?

Что можно было ответить? Действительно ему лучше не подниматься наверх.

– Про тебя никому говорить не буду, – успокоил я его.

– Я ни о чём не прошу. Всё равно обманешь. Художники – народ с гнильцой. Захочется похвастать – и расскажешь.

– Ты не боишься? Они тебя убьют.

– Это уж как получится. Давай подсажу. Вот, хлебни ещё на дорожку.

И я сделал ещё один глоток старого военного портвейна, после чего вылез на палубу, где была наша каюта. Вот и дверь, за которой ждёт семья.

– Пришёл, – сказала жена. – Пришёл под утро. Рассвет скоро.

Жена не плакала, глаза были сухие, но голос вибрировал.

– Понимаю: журналистка, модная женщина. Тебе по статусу положено иметь такую? Ты знаменитость. Как быстро ты изменился! С нами стало скучно...

– Что ты говоришь?

– К тому же француженка. Роман с французской журналисткой, вот чего не хватает в биографии. Надеюсь, ночь прошла хорошо? – Она принюхалась, и губы её задрожали от обиды. – Ты с ней пил вино? Мы сходили с ума, а ты целовался с француженкой и пил вино.

– Ты ошибаешься, – сказал я, – я не целовал француженку. Наш корабль заминирован, и скоро будет взрыв.

– Остановись! Есть же предел! Невозможно всё время врать! – И рыдание, которое она до той поры сдерживала, прорвалось наружу. Жена тяжело заплакала, вздохнув, не вытирая слёз.

– В Европу! Нам надо в Европу! Там прогресс! Там признание... – Она рыдала и слова выкрикивала сквозь слёзы, навзрыд. – Как без Европы! Приехали! Наконец! Ребёнок в сырой дыре! Жульё кругом! Французская эта... – Жена не умела ругаться и потому не договорила. – Европа ваша...

– И порох под полом.

– Молчи! Прошу тебя, замолчи, наконец! Устала я. ☉

Продолжение романа читайте в следующем номере.

5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*В которой азартный коллекционер
Александр Петлюра превратил боязливую
старушку в поп-звезду **с.120***

.....

*а бальзаковский возраст отшумел
над тридцатилетними и ринулся
искать новых жертв **с.110***

Возраст Б.

Это может случиться с каждым, всё к тому идёт – бальзаковский возраст. С рождения он к нам подкрадывается. Глазом не успеешь моргнуть, как бальзаковский возраст набросится и овладеет тобой. Чем же нам грозит Бальзак?

Дама бальзаковского возраста – женщина с прошлым. У неё обязательно есть бюст, обтянутый трикотажной тканью, шейный платок утиной расцветки, плотный, мгновенно опознаваемый парфюм и непереносимое контрольное. Бальзаковская дама – это дама, имеющая вес в обществе. Кстати, возраст тут должен быть приближен к пятидесяти. Разве не так? И даже те просвещённые пользователи, кто знает, что бальзаковский возраст совершенно не пятьдесят, а только тридцать, всё равно имеют в виду не тридцатилетнюю девочку, а даму вполне свершившуюся. Даму весомых лет, сменившую молодость на молоджавость. Разъяснительная работа бесполезна. Стереотип работает. Но разве Бальзак писал о стареющей даме? Да вовсе нет. Написав свой роман «Тридцатилетняя женщина», да и все остальные свои романы, он имел в виду даму, научившуюся трезво мыслить собственной головой. Кому приходит в голову стареть в ничтожные тридцать? Хотя, конечно, возраст сделался по колено только в наше время. Во времена писателя Бальзака ничего не предвещало, что в тридцать лет женщины перестанут стареть, изо всех сил оставаясь свежими, как гимназистки. Не все, конечно, но некоторым удаётся. Остальные подтягиваются к лучшему, тянутся к эталону. Как же получилось, что сам термин «бальзаковский возраст» перескочил с тридцатилетних на пятидесятилетних, которых ещё вчера, в недавнем XX веке, считали старухами, музейной рухлядью? Внезапно в XXI они обрели вторую жизнь, третью молодость, полезли замуж, в бизнес, в кино-театр, на подиум. Загадка века. Местами их даже стали путать с тридцатилетними! Как им это удалось? Стиль жизни плюс рациональное питание? Так говорят все, кто увлекается темой ЗОЖ – здорового образа жизни, который рекомендован всем, мечтающим отодвинуть момент, когда возраст Б. – бальзаковский возраст, – подкравшись незаметно, вас накроет из окошка Instagram. Селфи – друг молодёжи. Мама дорогая! Неужели это я? А кто же ещё? Все постарели, даже красотка Джулия Робертс давно не та. Даже сам Ричард Гир пожаловался на бальзаковский возраст, мол, настаёт в любом случае, даже если лучший доктор будет вас пользоваться своими советами и приветами.

Ричард Гир недавно поведал историю о маме своего товарища, которая берегла здоровье, как ресурс молодости. Всю свою жизнь она придерживалась здорового питания. В тридцать лет выглядела от силы на девятнадцать, в пятьдесят – на тридцать. На полтинник стала выглядеть только в семьдесят пять! Не переедала, никогда не употребляла алкоголь или, не при детях будь сказано, фастфуд, каждый день делала гимнастику, оставаясь подвижной и активной, принимала все добавки, которые прописывал её врач, никогда не выходила на улицу без крема от солнца – в общем,

берегла себя. И вот теперь, в её восемьдесят, у неё рак кожи и остеопороз. Зато папаша там всю жизнь обжирался беконом, мазал маслом бутерброды с салом, каждое лето сгорал на солнце до углей, презирал спортзал – короче, юзал своё здоровье на предельных оборотах. Ему те же восемьдесят лет, но доктора утврждают, что у него здоровье тридцатилетнего. «Вы не спрячетесь от своего яда, товарищи! – говорит Гир. – Он есть, и он найдёт вас, так что, как сказала мать моего друга, «если бы я знала, что моя жизнь так закончится, я бы прожила её по полной, наслаждаясь всем, что мне советовали не делать». Никто из нас не выберется отсюда живым...»

Есть наблюдение, что каждое следующее столетие добавляет к молодости по десять лет. Сама жизнь человека за века так удлинилась, что теперь и представить трудно, как в средневековых городах люди едва доживали до сорока. Во сколько же у них должен был начинаться условный бальзаковский возраст? В двадцать? Кстати, вполне возможно! Если вспомнить всё ту же классику, что матери шекспировской Джульетты на момент действия трагедии не исполнилось и тридцати! Джульетте четырнадцать, а мама сообщает, что родила её будучи моложе. Сколько же ей? Двадцать семь или даже двадцать шесть? И она считается матроной. Если бы Бальзак к тому моменту уже издал свою «Тридцатилетнюю женщину», что бы о нём подумали? Про старушек пишет? Так и получилось, что возраст зрелости в XIX веке уже сполз к тридцати, в XX веке он болтался где-то возле сорока, а в нашем продвинутом XXI логично устремился к полтиннику. Пятьдесят – рубеж, до которого соглашаться стареть сегодня не принято.

В общем, как видно из названия самого бренда, во всём виноват писатель Бальзак. Оноре де Лите- ратор. Ничего особенного, беллетристика такая умеренная. Романы, одно слово, развлекательное чтение. Но для своего времени – настоящая бомба. А что было делать? Надо же когда-то начинать бомбить общественные нравы. Бальзак начал бомбить с женщин. Все, кто прочёл, были потрясены его тончайшим пониманием женских фанатерий. Современниц бросало в жар. Кто читал. На французском, естественно, – Бальзак был француз. Поэтому сперва от его писанины зарделись француженки, за ними дело дошло до итальянок, потом и до русских читательниц. Собрался настоящий фан-клуб. Бальзака обсуждали, даже комментировали – в тогдашних журналах регулярно появлялись как хвалебные, так и хулебные статьи. И тоже, конечно, по-французски. В России тогда по-русски читали и писали с затруднением. Книжки выписывали из Франции. Первый перевод Бальзака сделал не кто иной, как Достоевский. «Евгению Гранде» он перевёл, тоже вполне себе бальзаковскую девушку. Россиянки ахнули – те, кому роди-

► Эвелина Ганская в любимом писателем возрасте

тели и мужья не запрещали читать всякое такое. Многим запрещали, из опасений, что набьют головы мыслями. Придешь домой с заседания Государственной Думы, а там сидит жена мало того что бальзаковского возраста, так ещё и исполненная романтических соображений. Надышалась уже духов и туманов... Считалось, что мыслительный процесс может нанести вред здоровью молодой женщины, девушки. Зрение можно испортить, осанку, не говоря уже о характере. А всё он виноват – Бальзак! И ему подобные. Виктор Гюго туда же. Они ещё дружили, сюжетами обменивались.

Писатель Оноре де Бальзак был плодovit в литературном смысле. Кроме того, он обожал женщин вообще и в частности женщин постарше. Грубо говоря – тридцатилетних. Из биографии писателя известно, что его первой любовницей оказалась именно такая дама «в возрасте», слегка за тридцать, у которой сын был ровесником молодому Оноре. Сын был как нельзя кстати. Ну, вы помните сюжет «Театра», да? Примерно так всё и было. Вроде бы дружил с сыном, а мамочка на терраске хихикала, в гамаке, под зонтиком. Понятно, что подобные связи долго не тянутся, рано или поздно надо писать финал. Расставшись с любимой физически, Оноре продолжал дружить с нею интеллектуально. Переписывался, даже иногда обедал у неё. Может, даже ужинал. А потом и завтракал. Да какая разница! Надо же ему было где-то набраться амурных помыслов. К кому ещё идти? Конечно, к женщине! Так и повелось. Бальзак укоренился в возрастных любовницах.

Каждая следующая у него была – опять тридцатилетняя или немного за тридцать. Уж как они злились, когда ветреный любовник менял их, одну за другой, на следующую. Однажды ему даже пришлось скоропостижно умереть почти молодым, чтобы перестать злить одну даму бальзаковского, уже по современным меркам, возраста. Им обоим было тогда что-то около пятидесяти. Возраст, в котором наши современники только жить начинают – новые кроссовки покупают и билет в фитнес-центр, а Бальзак уже умер. От кофе. Так говорят. Никто толком не знает, от чего он умер, то ли от бронхита, то ли от гангрены, ударившись пальцем ноги об угол кровати. Но кофе и правда пил декалитрами. Два, даже три кофейника за ночь. Бальзак имел обыкновение работать ночью. Чтобы максимально обострить свою фантазию в тишине, он постоянно пил кофе – чашка за чашкой, как бешеный. В результате его организм не выдержал и умер, по современным меркам – во цвете лет. Другие говорят, что его сгубила женщина бальзаковского возраста. Даже имя называют – Эвелина Ганская. Русскоподданная. Они познакомились по переписке. Бальзаку писали сотни дам, жаждавших получить хоть пару строк от автора бестселлера «Тридцатилетняя женщина». В результате письма от поклонниц он грёб мешками. И вот, зимним вечером 1832 года, Бальзак открыл роковой конверт. Ему писала женщина самого любимого писателем возраста. «Иностранка» – так было подписано письмо, полное похвал его литературному дару. Завязалась переписка.

► Обожавший женщин Оноре де Бальзак

► Экранизация «Ромео и Джульетты». Так, в 1936 году постановили кинематографисты, должны выглядеть не достигшая тридцати женщина и её четырнадцатилетняя дочь

Иностранка писала столь изящно, что Бальзак зачитывался, её почерк выдавал в ней прекрасное происхождение и образование. Аристократка!

Бальзаку было не привыкать к аристократкам. Герцогини и графини часто пополняли его список любовных побед. Чего скрывать, он обожал женщин, и они это сразу чувствовали. С приходом писательского успеха в жизни Бальзака появились толпы медам. Каждая из них втайне мечтала, что именно она, как в сказку шагнёт, завтра окажется

на страницах его нового романа. И вот русская аристократка. Она обвела его вокруг пальца, заинтриговав с первых строк – анонимно, она втянула его в игру, правила которой устанавливала сама. Она попросила его сообщить ей через печатное издание, дав объявление в газете «Котидьен», что он не остался равнодушным к её посланию, желает переписываться с нею. Прочтя первое письмо незнакомки трижды и ошпарившись кофе, наутро писатель побежал в издательство. В следующем

письме дама сообщила ему адрес. Почтовый роман запылал пожаром, Бальзак вспыхнул, как веник у печки. Что он нёс! «Вы одна можете осчастливить меня. Я стою перед вами на коленях, моё сердце принадлежит вам. Убейте меня одним ударом, но не заставляйте меня страдать! Я люблю вас всеми силами моей души – не заставляйте меня расстаться с этими прекрасными надеждами!» И это он пишет женщине, о которой не знает ничего, кроме стиля её письма.

ФОТО: I. LEGION-MEDIA

Встретились в Швейцарии. Уселись там в одном погребке, заказали кофе. Было сразу ясно, что этот кофе только повод, чтобы немедленно наброситься на главное блюдо. Бальзаку на тот момент было тридцать четыре года, его даме – тридцать два. Она была прекрасна, как ромовая баба к завтраку. Полненькая такая, с живыми глазками, черноволосяя, локоточки перламутровые, она потрясла влюбленного писателя до глубины души. Ему стало казаться, что ямайским ромом пахнут сумерки. Пришлось экстренно заказать рюмочку успокоительного. Он же произвёл на неё самое отталкивающее впечатление, какое только мог произвести мужчина. Простолюдин! Она с первого взгляда определила то, чего даже предполагать не могла за человеком, умеющим столь изящно заплетать слова в узоры. Неопрятный, небрежно одетый, не соблюдающий этикета, весь какой-то неумытый. Впрочем, его живой темперамент вскоре растопил ледок её чувств. Подлинное восхищение, пылающее в глазах мужчины, даже самого завалящего, творит с женщинами чудеса. Пятна на пальцах? Засаленные манжеты? Да это же не грязь – это просто чернила, сказала она себе.

Урождённая графиня Ржевуская, в замужестве Ганская, была полька, русская подданная. Она ему, конечно, с ходу приврала, сообщив, что ей всего двадцать семь лет. Стеснялась своего возраста. Но ведь и в наше время кто ж тебе сознается, что не за горами все бальзаковские пятьдесят? Эвелина оказалась замужем за дряхлым (ну почти) пятидесятилетним дедушкой, помещиком. Он даже предполагать не мог, до какой степени он тут лишний! Неприятный такой, сидит в халате, брюхо вывалит, ещё и курит. Он был совершенно некстати. Понятно, что влюблённые не могли видаться часто. Но переписка их горела, как чахоточная. «Мой обожаемый ангел, я без ума от тебя: стоит мне только подумать о чём-нибудь, как ты встаёшь перед моим мысленным взором! Ты встаёшь перед глазами такой, какой была вчера: прекрасной, божественно прекрасной. Вчера весь вечер я говорил себе: «Она моя!» Эвелина же, в отсутствие любовника, делилась с подругой своими чувствами. «Только художники могут доставить женщине истинное наслаждение», – шептала она на ушко Нине Турчиновой. От этого сообщения уши Нины вспыхивали, как ошпаренные. Что же там творилось у Бальзака, можно представить. В общем, любовников плющило дистанционно. Так они переписывались десять лет подряд. Лишь однажды их переписка совершенно прервалась, чтобы возобновиться с огромным перерывом. Оказывается, скучный муж, заметивший, что ему больше ничего не светит, изволил

▶ А это 80-е... Сорокалетние актрисы играют восемнадцатилетних. «Москва слезам не верит»

► Тридцатичетырёхлетняя героиня Брыльской в «Иронии судьбы»

опочить в бозе, и Ганская устраивала наследство. На самом деле она там просто переживала чисто возрастной кризис, располнела, подурнела, и всё такое. И было поставила на себе крест как на объекте вождления. Не тут-то было. Встретившись в Петербурге, куда Бальзак подался ради свидания с дамой сердца (мысль о том, что они семь лет не виделись и могут вообще не узнать друг друга, как-то не приходила в его голову) и добился от Эвелины согласия на брак. В течение следующих пяти лет влюблённые продолжали препираться по почте, встречаясь лишь изредка, чтобы обменяться страстными признаниями на нейтральной территории – в Швейцарии, например. Проблема состояла как будто в том, что разрешение на брак дворянка Ганская должна была получить у самого русского царя. Напрасно они так замешкались. К моменту, когда разрешение таки было вымозжено у государя, Бальзак уже чувствовал себя настолько плохо, что жениться ему не стоило даже на собственной сиделке, если бы она согласилась. И всё-таки он осуществил мечту. Нетвёрдой рукой он написал в дневнике: «Я женился на единственной женщине, которую любил, которую люблю ещё больше, чем прежде, и буду любить до самой смерти. Союз этот, думаю, мне, – награда, ниспосланная мне Богом за многие превратности судьбы, за годы труда, за испытанные и преодоленные трудности. Я не знал ни счастливой юности, ни цветущей весны, но теперь у меня будет самое солнечное лето и тёплая осень». Он ошибался. Осени Бальзак не пережил. Зато пережил

бурный финал лета. Узнав, что вышла замуж за бедного и больного, Ганская и представить не могла, какую нереально шалопутную жизнь вёл её возлюбленный все эти годы, – она была потрясена известием, что писатель не только не имеет денежного состояния, даже наоборот, он всем должен. Бальзак, легко находивший слова по любому романтическому поводу, с такой же лёгкостью относился и к деньгам – он сорил. Его баснословные гонорары иной раз не успевали долететь у него до кармана, как расходились на всевозможные прибабахи. Узнав об этом, его молодая жена не сумела сдержать польско-русского темперамента. Километры бумажных излияний, написанные этими двумя друг другу за истекшие восемнадцать лет, взвились снопом искр и растаяли в один миг, унесённые ураганом ярости самой бальзаковской на свете дамы. Голая правда оказалась страшной, как восьмидесятилетняя кокотка. Бальзак, не имевший за душой ничего, кроме слов, к тому же утративший физическую привлекательность, которой он, к слову, и в молодости-то не блистал, стал для Ганской персонажем омерзительным. Негодяй! Он столько лет морочил ей голову! Она всё ему сказала. Через пару месяцев после этого Бальзак умер. Это был финал подлинной любви двух людей бальзаковского возраста. Финал, оправдывающий и сам бренд. Женщина, научившаяся думать собственной головой, не всегда умеет учесть все технические нюансы. Кто виноват? Бальзак? Обоим пришлось умереть, чтобы как-то развязаться с этой историей. Но бренд остался.

► Её ровесница Неёлова в «Осеннем марафоне»

Врата ада

Так что же такое эта бальзаковская дама, которой так опасаются стать в молодости? Дама, приятная во всех смыслах, не лишённая ничего, кроме собственно юности. Вот, к примеру, баронесса Якобина фон Мюнхгаузен, чей светлый образ в молодом зрителе вызывает глухую неприязнь, – это настоящая бальзаковская женщина. В возрасте – это раз. И откровенно поумневшая за прежние годы. Замечено, что во время просмотра картины «Тот самый Мюнхгаузен», в которой фигурирует означенная героиня, она кажется зрителям тем симпатичнее, чем ближе по возрасту к баронессе оказывается сам зритель. И если по молодости симпатия устремляется в сторону красавицы Марты, то чем старше становишься, тем лучше понимаешь баронессу Якобину. К сорока пяти она делается своей в доску – сестра! Получается, что женщину бальзаковского возраста поймёт только другая женщина того же возраста. Потому что они банда.

Вот как пишет про возраст Б. одна современная нам и очень модная психологиня: «Женщины от тридцати пяти и за сорок – это женщины, прошедшие врата ада, вырастившие взрослых детей и вдруг оказавшиеся свободными – морально, духовно и физически. Они как бы заново рож-

даются, заново переосмысливают свою жизнь и видят, что в этой жизни нет преград. Есть возможность жить, любить, отдаваться новым чувствам по полной и без страха. Это уже самостоятельные женщины...» Страх, кстати, она не зря упоминает, поскольку он преследует женщину ещё со времён Евы. Вечно она чего-то боится или опасается. То одета она слишком простенько, то родители запрещают что-то, то муж потом. Потом мораль на неё навалится. Во все века её терзали фобии. Страх сопровождает молодость. То ли дело в нашем, бесстрашном веке! Чего бояться? Родителей? Они сами такие. Беременности? Не смешите меня. Последнее, чего остаётся побаиваться, – это старости, подкравшейся незаметно. Сидишь такая, чувствуешь – неотразимая, ещё совсем юная кошечка, когти покрасила, туфли вот новые... а зрителю-то очевидно, что твоя песенка спета. То, что ещё вчера казалось – освещение неудачное, сегодня – просто возраст. Вот, к примеру, в кинофильме «Осенний марафон» играли две актрисы – Наталья Гундарева и Марина Неёлова. На момент съёмки обеим им было едва по тридцать: Гундаревой – тридцать лет, Неёловой – тридцать два года. Но разве так, на современный взгляд, должна выглядеть «девочка» в этом возрасте? Или, к при-

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

В сентябре детей ждет школа,
Начинается сезон.
Позаботьтесь о защите -
Не забудьте **ГРИППФЕРОН®!**

меру, Барбара Брыльска в «Иронии судьбы». О героине известно, что ей тридцать четыре. Но выглядит-то она, по современным меркам, на все сорок, если не сказать больше. Впрочем, это были женщины не просто, а именно советские. Их жизненные прообразы должны были смотреться ещё хуже. Реальность же сильно отличалась от кино. Точно так же расходится с современным представлением о бальзаковской героине и Вера Алентова в фильме «Москва слезам не верит». Для сорока лет, которые она декларирует по сценарию, она выглядит, по современным меркам, несколько устало. А помните старинный фильм «Золушка»? Советский кинематограф гордился тем фактом, что актрисе, которая играла юную Золушку, на тот момент было больше тридцати восьми лет и якобы в кадре об этом невозможно догадаться... Вероятно, так и обстояло дело в XX веке, когда бальзаковский возраст начинался у женщин около сорока лет. Сегодня, когда он передвинулся к пятидесяти, возраст актрисы Жеймо в кадре не вызывает сомнений. В XX веке можно было не замечать, что Золушка не так уж молода. В XXI невозможно не заметить. Как писали классики: «Молодая была давно не молода. Ей было не меньше тридцати пяти лет». Повод закомплексовать?

Бальзак не дремлет

Политическая дама Ирина Хакамада в одном из интервью призналась, что ей вот незнакомы комплексы по поводу возраста, пусть бы даже и бальзаковского. Поскольку она-то всегда была в форме и выглядела значительно моложе своих лет. Говорит: «Это связано и с генетикой, и с тем, что я много работала. Но вообще, чтобы не стареть, надо, во-первых, не истерить, не предьявлять мужчине счёт того, что он вам обязан. Как только женщина произносит: «Я тебе всю жизнь отдала. Ты мне всю жизнь погубил», – всё, ей конец. Потом надо смотреть в зеркало по утрам и говорить самой себе: «А я лучшая». В любом возрасте можно начинать всё заново. Главное, чтобы был источник энергии. У энергичной женщины отсутствует возраст. Потому что у неё вся энергия в глазах. А женщина, замученная средой и мужчинами, и в восемнадцать лет уже выглядит как старуха». Так и сказала. И ушла заниматься спортом и политикой.

Таким образом, получается, что независимо от того, во сколько лет бальзаковский возраст наконец-таки наступает, его определяет тонкая граница между несомненной юностью и тем, что можно назвать зрелостью. То есть это вообще не возраст, а скорее определение момента, когда для женщины начинается кризис перехода из девушки во взрослую даму. И если в прежние времена этот момент действительно достигал женщину около тридцати лет, то теперь он просто основа-

тельно подвинулся. И выглядит это как прощание с основным женским ресурсом – молодостью лица и юностью тела. Обычно это происходит внезапно, но болезненно. Кассир в супермаркете, например, окликнет: «Женщина! Это ваш товар?» И всё. Понимаете? Это – всё. Ещё утром ты была девушка, а к ночи ты вообще незнамо кто.

Занервничает тут. По наблюдениям психолога Марины Комиссаровой, возраст женщины можно условно классифицировать на три архетипа: девушка – Селена, женщина – Диана и Геката – немолодая женщина. Интересно, что на практике ни у кого толком не получается вычленить из этой триады Диану. Как будто её нет. Например, художницы, которым поручено нарисовать эти три женских образа, грешат тем, что не могут нарисовать Диану так, чтобы она чем-то отличалась от Селены. Выходит, что женщина линейно у них выстраивается из Селены прямым ходом в Гекату, минуя Диану – зрелость. Находясь в возрасте Дианы, она продолжает оставаться всё той же девушкой – Селеной. «В жизни происходит то же самое, – пишет Марина Комиссарова. – Кризис возраста переживается именно как «из Селены – в Гекату», минуя Диану. И большая часть переживаний связана как раз с тем, что Гекатой в тридцать пять – сорок лет становиться очень рано, тем более в тридцать. А вот Селеной быть уже поздно, и, понимая это, многие женщины испытывают обиду и злость. Они чувствуют, что им отказывают в праве считаться нормальными Селенами, что их как будто выпихивают в фазу Гекаты, а она им пока преждевременна».

Между тем этот феномен – отказ идентифицировать себя со зрелостью – свойствен в большой степени европейской культуре. И причина тут, похоже, во всё том же культе молодости и сексуальности, навязанном – кем? Принято писать – социумом. Хотя непонятно, кто это такой в данном случае? Видимо, индустрией моды всё-таки. Желание бесконечно наряжаться, доводя свой внешний облик до невозможного совершенства, в духе «на лабутенах, нах, и в восхитительных штанах», свойственно именно девичьему миру. Материнство, напрямую связанное со зрелостью, несколько отшибает у женщины желание тотально тратить жизнь на холю волос и ногтей. Не у всех, конечно, но чаще всего. Центр тяжести жизни смещается в сторону ребёнка. Интерес к моде становится несколько умозрительным. Она всё ещё просматривает журналы. Но – куда я всё это надену? Индустрия моды и потребления как такового изо всех сил старается удержать женщину на позиции девушки, всеми силами убедить её, что внешняя сексуальность – её высшая сила, которую следует беречь и сохранять. Выходит, что между «сексуальность» и «покупательская способность» стоит знак равенства. В тщетных

усилиях сохранить сексуальность, которая у неё рифмуется с юностью, женщина будет покупать и покупать, как заведённая. И чем дороже, тем лучше. Как это просто. Европейский мир – это мир девичьих грёз. Младенцы и милые пупсы уместаются туда только в качестве ещё одних аксессуаров, сопровождающих сексуальность. Это очень хорошо видно из Instagram. Молодые мамы фотографируют детушек на фоне своих по-девичьи втянутых тел. Как будто юная принцесса продолжает играть в куклы. Всё несимпатичное остаётся за кадром. Мир принадлежит девочкам и принцессам. Европейская женщина на всю жизнь остаётся девушкой, невестой, феей, куклой для постели. Все остальные роли для неё воспринимаются как лишний груз. В сущности, для неё самоцель – миновать Диану-зрелость, вот что. Вот чем страшен бальзаковский возраст – мёртвая земля. Там жизни нет. Что же нам остаётся? Изю всех сил продолжать притворяться девочками. До последнего бойца.

Есть оптимистическая новость. Все описанное имеет отношение только к нашему, европоцентричному миру. Но кто вам сказал, что Европа – эталон? На Востоке всё совершенно иначе. В Индии, например, в Марокко, в Израи-

ле – бальзаковский возраст у них отсутствует. Бальзаковский? Нет, не слышали! И если речь идёт о женской зрелости, то это всегда будет восхищение и поклонение, вплоть до коленопреклонения перед материнством. Потому что не существует женственности без материнства. И это высшая стадия развития женщины. И переход из возрастной категории «девушка» к роли «мать» звучит как триумф жизненной целесообразности. Мать – наше всё. Мать, а вовсе не невеста, не секс-подруга, не девочка – центр вселенной, а мать – царица любого дома, семейного клана. Священная корова! Рассмотрев поближе подобную модель мира, европейки бы удивились и, возможно, променяли бы свою совершенно недостижимую вечную молодость, требующую суровой диеты и кровавого пота на тренажёрах, на роль локальной царицы, не требующую, в сущности, ничего, кроме любви. К себе и к своим близким. Европейская молодость и краса устремлены наружу, вовне, навывнос. Восточная привлекательность – только внутрь, для дома, для семьи. А уж выглядишь ты на свои естественные тридцать или пятьдесят, в настоящей семье не замечают, детям это и вовсе невдомёк. Их мама всегда прекрасна, поскольку она – сама любовь. ☺

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2 и противоаллергические компоненты

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Чемпион по мусору

Художник и модельер Александр Петлюра – про то, как он стал «помоечником», про украинское сало и арт-коммуна на Покровке

МАРИНА БОЙКОВА

— В нашей семье было шестеро детей. Я – последний, и мне с детства досталось за всеми донашивать. И я всё передылав, передылав и годам к двенадцати переломал все иголки на швейной машинке. Мама меня упрекнула: «Ну сынок, когда же ты научишься шить, иголки не ломая?» Я ответил: «Да научусь

когда-нибудь». Помню, девчонки мне говорили: «Ты на других не похож!» А я выйду такой пижон. Скромненький, застенчивый, но зато та-а-акой! Не знаю, откуда во мне это взялось. Может, из журналов цеплялось. Больше неоткуда. Родом я из маленького посёлка в Луганской области, жил и учился в интер-

нате, где, кроме интернатовской формы, одежды не было. Но я и тогда умудрялся выдавать «стиляжного паренька». А потом перебрался в Луганск – учился на токаря в ПТУ, – там мы создали ансамбль, и мне уже пришлось появляться, так сказать, на публике. Тут уж я во вкус вошёл! Я как-то узнал,

что Раки тянутся к прошлому. Может, в этом дело? Я ещё в детстве понял, что меня туда затягивает. Лет в двенадцать начал подбирать деревяшки всякие, остатки каких-то рамок – разные ерунду, в общем. Потом, когда во Владимирское художественное училище поступил, собирал по брошенным домам разные бутылочки-фигилочки, всё красивое грёб... Сначала это были объекты для натюрмортов: я после занятий приходил в квартиру, где жил, и рисовал. Через три года учёбы у меня накопилось огромное количество этого барахла. С одной стороны, любой художник интересуется красивыми и энергетически «тёплыми» вещами, но, с другой – это вскоре стало такой обузой! А ещё всякие алкоголики приносили в училище иконы, старую утварь – типа кто-нибудь, может, купит? Пьяниц этих отправляли ко мне: «Туда иди, там у нас Саша есть такой». Я спрашиваю: «Сколько?» – «Ну, на портвейн». И на рубль, скажем, я что-нибудь покупал. А деньги у меня водились, поскольку я не знал, что такое алкоголь, – только спорт, музыка, я не курил даже и в свободное время подрабатывал – писал объявления для разных организаций. Поэтому ещё во Владимире я собрал целую коллекцию.

Шейный носок

– В конце третьего курса в училище образовалась музыкальная группа, где я был солистом. И меня как-то не пустили с ними в Болгарию. Мы ходили в обком комсомола, нам там задавали вопросы, пристально рассматривали. И там выяснилось, что у меня волосы намазаны маслом и заколоты сади, чтобы не превышать положенную длину. Я такой заколотый ходил по училищу, чтоб никто не придирался, потому что до этого меня за длинные волосы прорабатывали. Директором у нас был заслуженный учитель СССР,

который не имел никакого отношения к художникам. Он нас муштровал – мол, на занятия нужно приходиться стриженными и в белых рубашках. Проводил показательные линейки, на которые надо было обязательно прийти в галстуке. Я вместо галстука вешал на шею носок. В знак протеста. Он проходит мимо, видит – волосы короткие: «Молодец, замечательно!», видит, что на шее что-то висит: «Хорошо, так и надо!». А в обкоме раскрыли мой трюк с волосами и не пустили в Болгарию. Месяц искали другого солиста, нашли, он выучил мой репертуар и поехал. Я так обиделся!

Невзрачное золото

– После каждого образовательного учреждения у меня наступала депрессия. Как-то я во всём разочаровывался. Из Владимира я весь обиженный-разобиженный уехал аж на Север. Случайно вышло. На вокзале (я собирался в гости к другу и ждал электричку) ко мне подходит какой-то дядька странный. Увидел у меня этюдник: «Ты художник?» – «Да, вот училище художественное закончил». – «Раз закончил, поезжай на Север. Там что хочешь рисуй – сплошные красоты! Северное сияние, тайга...» Я: «А как туда добраться?» Он объяснил,

▶ Любимая модель Пани Броня

А тут на меня ещё стали комсомольцы наезжать, в результате я написал заявление, что хочу выйти из комсомола. Мне говорят – у нас так просто не выходят, ты сначала должен каяться-раскаяться! Короче, дело дошло до того, что меня выгнали из училища, не дали два месяца доучиться. Потом просто диплом выдали, с замечательными, кстати, оценками. Но у меня в каждом дипломе – что в этом, что потом, в Строгановке, – была приписка про моё неудовлетворительное поведение и очень сложный характер.

а я всё записал. Потом стал узнавать об этих местах. Решил, что поеду. Месяц готовился. Приятель, к которому я в тот раз на электричке ехал, научил меня делать чеканку, и я наделал целую кучу под его руководством. Мы всё это продали, и я купил билет на самолёт до Якутска. Прилетел и, к своему удивлению, выяснил, что ехать дальше не могу – нет пограничной визы. Но тут же, разумеется, нашли люди, которые сказали: можно и без визы, тебе на месте просто выпишут штраф рублей десять. И я пошёл ловить машину. На дворе середина осени. Холод! А я в ботиночках лёгких, в пальтеце. Думал, всё, конец мне. Но

► Любимцы коллекционера Петлюры и его система хранения

тормознул добрый дядя, сказал, что едет на прииск, мол, если по пути, подвезёт. Но мне было без разницы, куда ехать. Узнав, откуда я родом, он говорит: «На этом прииске начальник милиции с Луганской области, земляк твой, он тебе поможет. У нас на Севере все землякам помогают». И я там действительно «заземлячился» на целых три года. Я на прииске учёт вёл: писал, сколько добыто, сколько этого, сколько того. Самому золото мыть не довелось, но видел, конечно, и как промывают, и как охрана с винтовками несёт ящик на приёмку. Золото это – куски невзрачные, простые, никогда не скажешь, что золото. Не сексуально ни разу. Но меня вообще никогда не тянуло ни к металлу, ни к камням. Вот в Питере на большой выставке проходил мимо изделий школы Фаберже – так мне аж плохо стало! Для меня, помочника, это совершенно чужой мир. Не

люблю ничего блестящего. Ржавая машина мне куда милей, чем какая-то отрихтованная. Мне от вида роскоши дурно становится. Я уже заражённый, наверное, всяким старьём, вещами, поеденными молью и временем... В общем, вернулся я с прииска, приехал в Харьков, поступил в художественный институт. Мне двадцать один год, а в кармане – 27 тысяч! Все девки знали, какой я богатый. Я купил себе безумно дорогой костюм за 600 рублей. Мне все говорили: ты что – дурак?! Потом вижу – в комиссионках висят костюмы, сшитые местными портными-евреями, причём ничуть не хуже моего. А стоят 25 рублей. Я стал ходить по комиссионкам и эти костюмы скупать. Начал снова обрывать вещи. Хранил я их в мастерской при театре, где работал художником и писал афиши. Когда меня выгнали из института и я собрался ехать в Москву поступать в Стро-

гановку, я понял, что не знаю, что делать с тем, что накопил за два года. Я тогда столько всего бросил! Например, канализационные люки с царскими гербами, орлами, которые я на улице снимал ночами, – ну воровал, в общем, и мы с другом катили их в мою мастерскую.

В 80-м я поступил в Строгановский институт. После стольких лет учёбы на художника я тогда загорелся мечтой забыть, что умею рисовать, захотел стать как футуристы начала века, уйти от ремесла, от прикладного искусства, научиться проектировать, заставить себя мыслить современно. Прямо цель такую перед собой поставил. И Строгановка мне помогла. Я увидел, что в этом столичном вузе я не последний, и так там раскрепостился, что меня аж три раза выгоняли! А раз из института, то и из общежития вон! Приходилось за плату договариваться, чтобы

мои вещи не трогали. Я арендовал камеры хранения в подвале. И в общежитской комнате у меня весь потолок был завешан шляпками, ботинками... Под кроватью – чемоданы, чемоданы, в подвале – чемоданы, чемоданы... Я был известен как Плюшкин, и вся Строгановка за мной ходила, потому что я ещё и одевался так, что с ума сойти.

Столичная достопримечательность

– Выгоняли меня не потому, что плохо учился, а потому, что всех раздражал. Я уже оформлял

рок-концерты – Саше Скляру, группе «Манго-Манго», группе «Звуки Му». Ко мне в общежитие приезжали всякие отъявленные негодяи типа панков, в институт Петя Мамонов захаживал. Чтобы выгнать, надо мной в институте, помню, какие-то суды товарищеские устраивали. Но потом всегда восстанавливали. Кстати, интересная история. Я год всего отучился в Строгановке – меня выгнали. Через год пришёл восстанавливаться. Мне в деканате говорят: вам нужно идти за разрешением в министерство... Прихожу – и к министру, а он сидит, ему лет сорок пять, большой, крепкий, красивый, как в песне – «парень молодой на шахте угольной». Спрашивает: «А вы откуда родом, молодой человек?» – «С Луганской области». – «О, а я донецкий! Значит, земляки». Его, наверное, пробила моя дерзость и лёгкость в общении, потому что он вдруг сказал: «Скорее бы конец дня, просто не дождусь!

Кстати, не хотите ли выпить со мной по кружке самогона?» Я: «Шуткуете, дядька?» Он: «Как ты сказал? Как же я это люблю! Мои племянники называют меня дядькой». Выглядывает за дверь, просит: «Леночка, минут тридцать меня нет. И принеси это, моё...» Понимаю – всё, нашёл мужик компанию, чтобы вмазать. Достает он из холодильника бутылку. Секретарша приносит сальцо нарезанное. Типичный донецкий хряк такой. И мы с ним хлопнули. Он говорит: «Эх, сальцо быстро уходит! Я в Донецке-то нечасто бываю, а земляки приезжают – угощаю. Без сала никак». Я сказал: «Всё, сало за мной». Он: «За язык не тянул!» Я спрашиваю: «А что мне с институтом-то делать?» Он: «Иди учись». Через год меня опять выгнали. Я снова – к министру, но уже с куском сала. Потом ещё раз. И все считали, что у меня связи. Я и сам уже думал: пусть выгоняют хоть каждый год! Но мне всё-таки дали доучиться.

Тогда я был ещё Ляшенко. Кличка Петлюра уже после института прилипла. Я кому-то сказал, что дед мой был из любимых приятелей Махно. Они дружили с дедовых девятнадцати лет, познакомились, когда Махно ездил по станциям луганским. Когда Нестор останавливался у деда, они любили выпить, а потом подраться. Бабушка рассказывала: «Напьются, поспорят – и колотят по башкам друг друга!» Дед потом дня два встать не мог, хотя моложе был и здоровее на вид. А этот, кривоногий, маленький, юркий, на коня вскочит – только его и видели! Вот рассказал я это, и меня стали обзывать: кто-то – Махно, кто-то – Петлюрой. В общем, в чём разница, никто не знал, этих двоих не различали. А потом как-то остался один Петлюра. Потом и последователей моих тоже «петлюровцами» стали называть. Здесь, на Петровском бульваре, у меня сквот был. Хотя лучше звучит – арт-коммуна. Когда через пять лет нас стали выгонять, мы, чтобы защититься, официально оформились как общественный фонд «Заповедник искусств». Я первый захватил это пространство – две тысячи гектаров земли, семь строений по два-три этажа. Мы расчистили подвалы, открыли галерею. Этажи раздавали интересным людям, которые реально могли заниматься авангардом, экспериментами в области искусства, таким как Леша Тегин, Катя Рыжикова... У них были свои кафе-

► Амуниция полярника и аксессуары «Олимпиады-80»

дры, у каждого – свои ученики, преемники. Мои ученики, тогда шестнадцатилетние, сегодня замечательные художники и музыканты, некоторые мегауспешные, арт-терапия пошла всем на пользу. Я практически на свои деньги всё это хозяйство пять лет содержал. Единственный ездил с перформансами и акциями на европейские фестивали, получал гонорары и на них покупал всякую аппаратуру, камеры. Потом мы открыли магазинчик. Туда приходили Жанна Агузарова, Женя Осин – все, кто хотел одеться весело, покупали вещи у меня. И была даже прибыль. А сколько прошло кон-

цергов! Выступали звёзды первой величины – Фрэнк Заппа, Дэвид Бирн... Приезжали люди с Запада, им говорили: сначала на Красную площадь, потом к Петлюре. И даже в официальный путеводитель по Москве нас включили как достопримечательность. В пятницу проводили день открытых дверей на всех кафедрах. Приезжали журналисты со всего света, писали статьи, какой на Петровском крутой тусняк. У нас была и работа, и лёгкие «оттопыры», которые затягивались до глубокой ночи... Когда человек двадцать «петлюровцев» садились в троллейбус, то на остановках люди

заходили, а потом спешили назад. Мы: «Заходите-заходите!» Они: «Это рейсовый троллейбус? Обычный?» Думали, что на клоунов нарвались. А мы с блошиного рынка, кто во что одет! Кто в пальто 30-х годов, кто в пионерском пиджачке – каждый свой стиль прорабатывал. Да, на Петровском был свой мир. Очень жалко ребят, которые не успели сыграть в эту игру.

Старые вещи

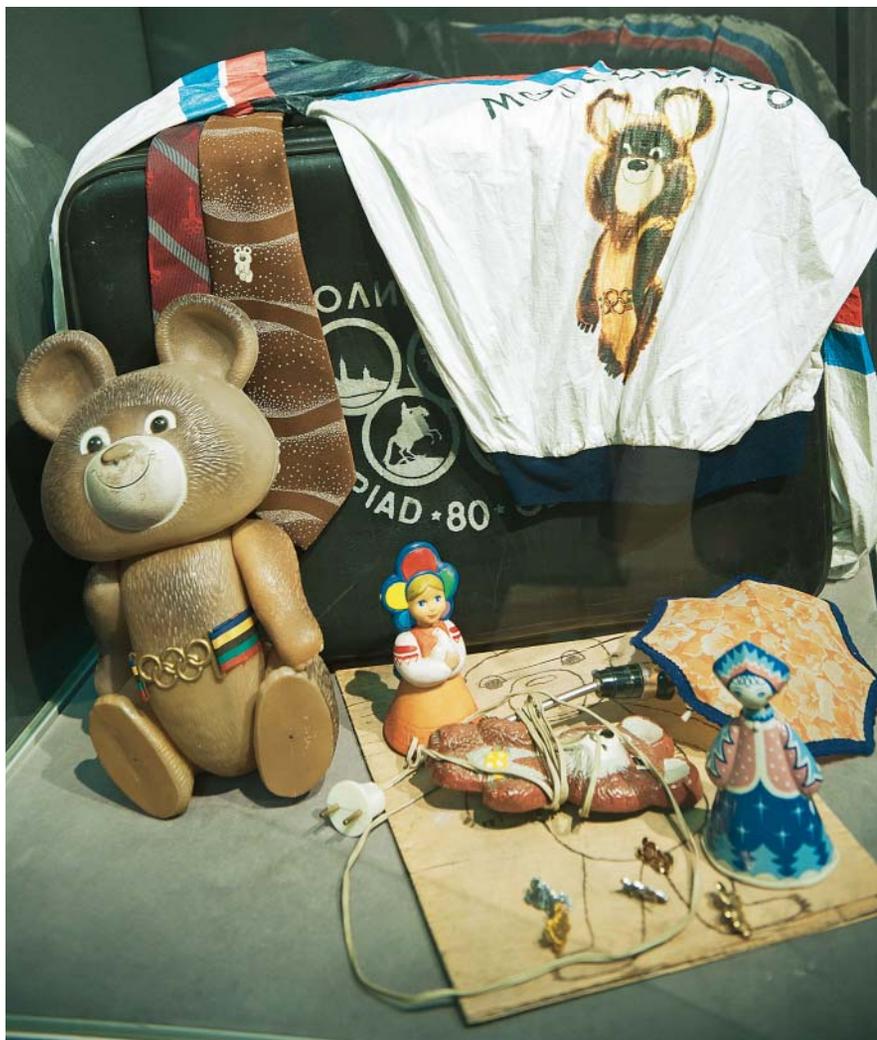
– Что для меня старые вещи?.. Знаете, в этой мастерской в подвале стоял бильярдный стол, на котором я иногда работал. Однажды приехали гости, и я их ночевать прямо на этот стол, среди развешенной вокруг одежды, уложил. Наутро спрашиваю, как спалось. Говорят: «Странно. Померещилось или нет, но как будто нити или руки к нам тянулись. Жутко было. Извини, пришлось включить свет». Есть какие-то потоки энергии, может, это память тела в старых вещах живёт. Они же все измученные временем. С ними как с живыми: хочется, чтобы не умерли, чтобы ещё глаз порадовали и сами порадовались. С новьём не так жалко расставаться. Но опять же, не каждая старая вещь вызывает у меня такие чувства. Почему – не знаю, всё субъективно, на уровне ощущений.

Я уже больше тридцати лет занимаюсь винтажом. Дошёл до кульминации. Появилась мысль, что я уже могу разгадать, расшифровать, что в этом старье такого важного, и создать большой проект – инсталляцию длиною в жизнь. Это будет не какое-то научное исследование. У меня вместо слов будут вещи. Они – моя палитра, как у художника. Ведь вещи лучше слов могут рассказать об эпохе, о людях, о динамике времени, о лицах и походках, они могут стать основой для анализа. У меня есть цикл из двенадцати историй, который называется

«Империя в вещах». Одна из историй – «Солнечные цветы» – рассказывает о платьях, сшитых из отечественных тканей, на которых изображены цветы, от начала века и до 80-го года, когда наша промышленность обновилась. И каждое платье говорит о своём, надо только уметь его услышать. А закрывает цикл история под названием «С Новым гадом». Именно так. Она про то, как с появлением каждого нового правителя в СССР менялась мода на мех. При Ленине все ходили в тонком каракуле. При Сталине пошёл каракуль плотный. При Хрущёве – мутон. В конце эпохи Брежнева – синтетические шубы, все ходили как чебурашки. Почему так? Мои истории, конечно, субъек-

тивные, но важно их создать, прописать, проиллюстрировать. Потом эта работа будет важна и для костюмеров, и для писателей. Люди поймут, как вещи могут говорить. Вещь же – это не только силуэт, ёшкин кот...

Раньше для меня принципиальным было охотиться за вещами на улицах, на помойках. У меня даже есть такой спектакль – «Я чемпион мира по мусору». Там я рассказываю, как лазил по мусоркам, как копался в них. Каждый вечер практически этим занимался. Сейчас помойки в прошлом. Я даже на рынки уже не езжу. Люди сами приносят мне вещи своих родителей, вещи с историей – просто отдать или продать. Но и сейчас, когда по дороге на дачу

проезжаю мимо контейнеров, удержаться не могу, обязательно останавливаюсь. Раньше дочери говорили: «Что, папочка, опять?», а теперь старшая уже сама готова со мной лезть. Ещё не лазила, но уже готова, потому что днюет и ночует у меня в мастерской, видит старые крепдешинные платья, старые пальто, старинные салопы и аж трясётся вся. На даче в Тарусе она на речку ходит в 120-летнем женском кафтанчике и в бусах... Хотя, если честно, я старался дочерей уберечь от всего этого.

Это же не так просто – жить в стиле. Такой человек не только особенно одевается, у него и интерьер должен быть специальный, и транспорт. У меня на каждый день машина современная, а для выезда – «скорая помощь» 55-го года, одногодка со мной. А бывает, человек пытается играть в стиль, а в дом войдешь – там сплошной пластик. Всё современное. Значит, со вкусом у него точно прокол. За стиль человек должен всем отвечать. В Тарусе я свой дом строил в 95-м. Просто собирал в Москве кирпичи из старых усадеб, доски. Он у меня весь из баушного материала, поэтому такой тёплый, и никто не понимает, сколько ему лет. Но там не только старые вещи, есть и современные. Просто надо уметь сочетать. И в одежде, кстати, тоже. Я, например, не люблю одеваться так, чтобы полностью был винтаж: могут принять за городского сумасшедшего. Вот дочка моя, скажем, надевает старое крепдешинное платье 50-го года, а к нему – кеды «Конверс» и шапочку современную. Когда так – это классно.

Королева андеграунда

– Официально принято считать винтажом вещи старше двадцати лет, обязательно брендовые и в хорошем состоянии. Для меня бренд не важен. Пусть это будет хоть фабрика «8 Марта». Я с удовольствием ношу про-

стые русские рубашки, брюки 40-х годов, смокинги старинные, даже местами драные. Мне всё равно, какого года старая вещь, от дизайнера она или от китайской фабрики «Дружба», безразлично, шляпа в Воскресенске сделана или в Англии. Главное, чтобы вещь была интересна. А интересной она становится, может, потому, что я в ней жизнь ощущаю и творческий, так сказать, потенциал.

Наверное, странно заводить в этом разговоре, который про вещи, речь о человеке, но вот о Бронечке. (Любимая модель Петлюры – Пани Броня. В 1998 году, в возрасте 74 лет, завоевала в Лондоне титул «Альтернативная мисс Вселенной». Вошла в книгу «Самые эпатажные личности XX века». – *Прим. ред.*) Что я почувствовал, когда её встретил? Старушку, оставшуюся одной в расселённом доме? Мы с ней столкнулись, когда искали место для сквота. Она единственная имела прописку по адресу, который потом стал и нашим на целых пять лет: Петровский бульвар, 12. Стояла такая на лестничной площадке – вся слипшаяся, в экземе... У неё была врождённая водобоязнь. К моменту нашей встречи она уже восемь лет не мылась – с того дня, как её мать умерла. Когда я тащил её в душ, она кричала: «Я себя убью!» Но мы как-то справились. Когда мы её отмыли, полечили экзему, срезали ногти, я сказал: «Теперь ты из вонючки превратилась в белое облачко!» Она: «Да, я белое облачко!» Я потом балет сделал с таким названием, в нём Броня танцевала сольную партию, а вокруг были профессиональные танцоры. Я считал, что Бронечка – наш талисман. И она оказалась талантливой актрисой, а потом ещё и художником. Я заставил её рисовать, чтобы избавиться от старческой паники. Я понял, что у Брони получится, когда однажды увидел на ней платье с вышивкой. Спросил:

«Кто вышивал?» – «Сашенька, это я вышивала, меня мама заставляла». И я подумал – вот чем я её займу! Но, честно, не ожидал такого результата. Супер были работы! Я потом устроил четыре или пять её выставок, два западных музея её работы купили. Она прожила последние тринадцать лет своей жизни как абсолютно творческий человек. Была одинокая старушка – стала Королева московского андеграунда. У нашей арт-коммуны два праздника. Один – 28 сентября, день, когда мы впервые пришли на Петровский бульвар. Второй – 5 мая, день рождения Брони. Когда мы праздновали её 90-летие, собралась не только Москва, приехали люди из Европы, это был практически фестиваль. Я жду, конечно, её 100-летия в 2024-м. Пока не знаю, как выстрелить, но выстрелю. Будут футболки, памятник, мы, наверное, соберём флешмоб такой... концептуальный – что-нибудь про Белое Облако.

...Наверное, я странно устроенный человек. Вообще, я не талантливый. Всегда так говорю. Не талантливый, а хозяйственный и наблюдательный. Бывают дни, когда я думаю: как же меня всё это достало! Только в одной мастерской (а их две) у меня три тысячи коробок, а в них вещи, вещи... Лучше бы я был слесарем. Приходил к восьми на работу, домой – в шесть, смотрел футбол, отправлялся на рыбалку, гулял с детьми, потом с внуками. Хорошо же! А тут всё время думаешь – надо же что-то создать! (*Смеётся.*) И каждый день загружаешь свою башню каким-нибудь проектом. А дальше нужно, естественно, придуманное осуществлять. Как же я это ненавижу! А на другой день в мастерскую приезжаю – начинаю рыться, проваливаюсь, погружаюсь в этот мир и такой кайф испытываю! Нет, думаю, всё-таки хорошо, что я так живу! ☺

JAZZ 89.1 FM

RADIO

Настоящие легенды джаза и звёзды новых течений создают на волне **89.1FM** особую изысканную атмосферу, дарят слушателям ощущение гармонии, стиля и спокойствия, причастности к мировому культурному наследию.

Мы представляем Вам уникальную возможность присоединиться к этому избранному кругу на волнах нашей радиостанции.

Radio Jazz 89.1FM

Музыка для людей с хорошим вкусом!

—✦ ПУТЕШЕСТВИЕ ✦—

Передоз на Ибице

Испанский остров Ибица известен тем, что именно сюда слетаются дискоманы со всего мира. А писателя Эдуарда Тополя привлёк на этом острове один детективный сюжет...

Рано утром я выхожу в одних плавках на нос двухпалубной яхты делать сто приседаний по методу космического врача Неумывакина. Рядом, вдоль Ибицевской марины, вереницы таких же белоснежных двух- и трёхпалубных яхт, но их хозяева ещё спят, и только crew-команды приступили к работе – каждое утро, в семь часов, они моют и драят свои яхты до ослепительной чистоты от носового флажтока до кормы. Каждое утро!

Приседая, размахивая руками и совершая прочие упражнения, я люблю голубыми туристическими паромками, парусными яхтами и катерами, плывущими мимо меня на фоне Старого, через гавань, белого города с его высотной античной крепостью, которая прежде укрывала ибичан от пиратов, а теперь приносит доход паломничеством туристов. А кожей я поглощаю ослепительное испанское солнце и дышу лёгким морским бризом – читайте, завидуйте, я пассажир приватной яхты по имени... Нет, не скажу, сохранив в тайне.

Месяц назад, будучи в Москве, я выловил в Интернете завязку детективного романа: утром на одной из этих дорогущих и ослепительно красивых яхт были найдены два трупа – 50-летнего итальянского бизнесмена и его 28-летней красавицы-подруги из Казани, перепившихся и обкурившихся наркотиками. Чем не начало романа «Смерть на Ибике»? Но вот уже вторую неделю я, в поисках подробностей этой истории, расспрашиваю тут всех встречных-поперечных – и никто об этом случае ничего не слышал! Даже местные ибичане и члены корабельных crew. Конечно, врут, скрывают – за лето сюда, на крохотную Ибицу с населением 140 000 человек, прилетает несколько миллионов туристов, и каждый оставляет здесь толстую пачку евро, долларов и фунтов стерлингов, так зачем Ибике пятна на репутации? Особенно здесь, на марине, где каждая яхта стоит от десяти до пятидесяти «лимонов»...

Нет, деньги любят тишину, а большие деньги – приватные удовольствия. И вот этого здесь на все вкусы! За две недели наша яхта побывала на десятке местных пляжей, и все – фантастической красоты! Крохотная Ибица гористой медузой лежит в Средиземном море, а её лесистые, песчаные и каменные склоны щупальцами-подковами спускаются к изумрудным лагунам, одни названия которых – Coso Beach, Blue Marlin, Malibu – потрясли бы Александра Грина, литературного кумира моего детства. Десятки разнокалиберных яхт бросают якоря у входа в эти лагуны, моторные лодки-«тендеры» доставляют обитателей этих яхт прямо к заранее заказанным столикам в пляжных ресторанах, и нередко на пути с этих яхт ждёт местных папарацци весьма богатый улов – Джордж Клуни с супругой, Синди Кроуфорд с мужем, Леонардо Ди Каприо и даже сам Дэвид

Кэмерон с женой! Причём многие дамы, сопровождающие знаменитых джентльменов, – топлес, что особенно радует глаз, объектив и карман удачливого фотографа.

Если бы Хемингуэй побывал здесь, его «Праздник, который всегда с тобой» был бы посвящён Ибике, а не Парижу. Наплавав аппетит, я возвращаюсь на берег и иду мимо загорающих на лежаках прелестниц, коим расторопные официанты уже принесли разноцветные ледяные дринки, мороженое с шампанским и особые масла от или для загара. За небольшие чаевые они вас и намажут этими маслами, и сделают тайский массаж. Ну, или французский... Не зря название «Ибица», а по-местному Eivissa, происходит от имени финикийского бога Беса, его остров получил в далёкой древности благодаря первым завоевателям-финикийцам. Но я стоик, мой бес уже покинул моё ребро, и с деланым видом бесстрастного евнуха я прохожу мимо этого лежбища соблазна, укрываюсь под тентами ресторана и сажусь за наш стол, где меня уже ждут анчоусы, лангусты, креветки, мидии, сардины, оливки, ледяной гаспачо, горячий козий сыр и свежая местная sun-fish, солнечная рыба, запечённая под белым соляным панцирем...

Соль, между прочим, тоже свежая и местная, её испокон веков, с 600 года, добывают тут на соседнем плато Саланис, где в небольших, размером с футбольное поле, корытах круглогодичное ибичевское солнце выпаривает солёную воду до кашеобразного состояния. Эту «кашу» вычерпывают, досушивают и отправляют на экспорт в Скандинавию, для засола норвежского лосося, и в ибичевские рестораны, на панцири при запекании нежнейшей рыбы, тающей во рту, как сливки...

(Я считаю себя большим знатоком солеработок – в 1962 году я со своим сокурсником, а ныне классиком российского документального кино Эдуардом Дубровским, совершая пешее путешествие от Кирова до Астрахани, пришёл на главную солонку СССР – озеро Баскунчак, где через пару дней должны были пройти знаменитые автогонки по соляному пласту. Своё название озеро получило во время татаромонгольского нашествия – когда орда доскакала до озера, кони бросились лизать соляной пласт, и Батый сказал: «Бас кунчак», – «лошадное место». С тех пор там практически ничего не изменилось. Только вместо коней по краю многокилометрового и толстеного, как лёд в Антарктиде, соляного пласта полз в 1962-м одинокий экскаватор, выгрызал ковшом соль и под выжигающим солнцем ссыпал её в вагонетки грузового железнодорожного состава, который синхронно с экскаватором двигался по временным рельсам. А вокруг – белое солнце соляной пустыни, стакан воды купить негде. Помню, каким-то чудом мы выжили там сутки, символически искупались в солёной воде и на вагонетках с солью зайцами доехали до Астрахани, где в то лето гастролировал Студенческий театр МГУ под руководством Марка Розовского. С рюкзаками за спиной и со стружьями соли на самопальных советских джинсах мы пришли в театр, после спектакля Марк щедро повёл нас и свою труппу в ресторан, и на глазах у восхищённых актрис мы с Эдиком по-ковбойски отщипывали с джинсов соль и солили свои свиные отбивные...)

Но вернёмся к моему щедрому столу. В начале семидесятых, когда Косыгин разрешил сельхозкооперацию, знаменитый Амиран Ильич, повар из «Арагви», открыл в Тарасовке под Москвой первый частный ресторан «Кооператор», и там, в VIP-зале, официант обычно спрашивал: «Вас как кормить – по вашему выбору или по нашему?» И если вы говорили: «Кормите по вашему», – он приносил все блюда меню. Здесь, на Ибиче, хозяин нашей яхты тоже заказывает всё меню, а когда я поднимаю голову от этого гурманного очарования буржуазии, о котором мой бывший сосед по вгиковской общаге сказал бы «так жрать нельзя», я вижу за пляжными грибочками бескрайнюю морскую лазурь и летящего над водой флайбордиста. Стоя на вертикальной восьмиметровой струе воды, он

выделывает немислимые кульбиты и даже задние сальто, суперменом ныряет в воду и снова выныривает на восьмиметровую высоту. Конечно, не ради баловства, а для рекламы этой игрушки для хозяев дюжины яхт, бросивших якоря у входа в эту лагуну. Одну из таких флайбордс тут как-то купил Владимир Кличко и выделывал такие же кульбиты вокруг своей яхты...

Ах, Ибича, Ибича, туды её в качель!..

Ведь не только золотая, платиновая и бриллиантовая публика прилетает сюда со всего мира, чтоб зажечь, оторваться, двинуться и замастырить. В корабельные команды, официанты, шофера, танцовщики и вообще на любую летнюю работу сюда прилетают и приплывают студенты отовсюду, даже из Австралии и Новой Зеландии, и пашут тут не по-детски почти круглосуточно не столько за зарплату, сколько за чаевые...

Я тоже приехал сюда работать. И, зарывшись в Интернет, под пластами сайтов горячих порновечеринок на Ибиче, всё-таки распоткал кое-что для будущего романа. «1 августа 2007 года. Пара туристов из Венгрии совершила ритуальное самоубийство на Ибиче. Результаты вскрытия двух тел показали, что 46-летний мужчина связал, несколько раз ударил, пронзил ножом, а затем задушил свою 29-летнюю жену. Затем он посадил тело под дерево недалеко от пещеры Es Sueigam в лесу. На следующий день мужчина и сам повесился на этом дереве. Информацию об этом нашли на флеш-карте в номере отеля, где пара пребывала с мая. Также было обнаружено письмо, где пара называет наследника в случае, если во время летнего отдыха с ними что-то случится. Несмотря на видимую договорённость, следы на теле женщины говорят о том, что она сопротивлялась мужу».

Как известно, завязку «Преступления и наказания» Фёдор Михайлович тоже вычитал в СМИ. А после завязки включается авторское воображение. Не знаю, что стимулировало Ф.М., а моё воображение подстегнули ибичевская действительность, отличный эспрессо и проплывающая мимо моего столика роскошная бело-красная трёхпалубная яхта какого-то африканского олигарха. Я тут же обратил венгерскую пару в русскую и отбросил их во времени ровно на десять лет назад.

Итак, представьте: в 2006 году на Ибиче, в самом дешёвом хостеле, знакомятся 23-летний Он из русской глубинки и 19-летняя Она из Питера или Москвы. Хиппуя, живут по-студенчески на гроши, завистливо бродят по роскошным маринам и пляжам, где аренда одного лежака на день стоит аж 15 евро, и Он клянется Ей, что если она выйдет за него замуж, то через десять лет он привезёт её сюда на собственной трёхпалубной яхте. (Между прочим, когда Ф.М., выйдя с каторги в бессрочную ссылку, уговаривал Марию Исаеву выйти за него замуж, он тоже обещал ей золотые

горы – мол, станет знаменитым и будет получать 500 золотых рублей за печатный лист, как Толстой, или 400, как Тургенев...) Вернувшись из Испании в Россию, мои молодые тоже ринулись за золотым тельцом. Он стал банкиром, она – агентом по продаже недвижимости. Он обанкротил пару мелких банков, выведя из них деньги клиентов, она втюхала клиентам сотню квартир в недострое. Экономя на всём, отказав себе даже в уже зачатом ребёнке, они собрали кой-какой капитал, вложили всё в акции, но тут... Тут грянул кризис, акции гикнулись (подробности можно уточнить в Москве у знакомых банкиров), и к 2016 году у них на руках всего лишь десять тысяч евро. На эти деньги они прилетают на Ибицу, чтобы два-три дня пожить как олигархи – поселиться в роскошном «Гранд-отеле», а по ночам зажигать в «Амнезии» и «Паше». А затем... Ну, вы понимаете: «Несмотря на видимую договорённость, следы на теле женщины говорят о том, что она сопротивлялась мужу...»

Вот такой примерно сюжет или, точнее, фабула. Она даёт возможность в 2006-м поводить героев по стрёмным и археологическим местам Ибицы, затем окунуть их в реалии последнего десятилетия в России, занятой погоней за баблом, а в 2016-м

забросить на дорогие ибицевские пляжи и дискотеки, чтобы подвести к трагическому финалу...

По вечерам, закончив к одиннадцати свою мучительную писательскую работу, я снимаю очки, протираю усталые глаза и, облачившись в парадные шорты и лёгкую футболку, ухожу с марины в Старый город...

Нет, не так. В пору моей журналистской юности мы мечтали писать, как Хемингуэй, а Юлиан Семёнов-Ляндрес даже, по слухам, от руки переписал пару хэмовских романов, осваивая его стиль. Но больше всех это, на мой взгляд, удалось Довлатову. Он, мне помнится, даже щетину на лице отращивал под Хэма, а из прозы выбривал все эпитеты и дееспричастные обороты.

Но «я не Байрон, я другой», «у меня в душе ни одного седого волоса», и я босиком спускаюсь по узкому трапу нашей яхты (на яхтах, чтоб вы знали, все ходят босые или в мягких тапочках, чтоб не поцарапать каблуками дорогие полы), так вот, я спускаюсь с яхты на причал, достаю из ящика свои летние туфли (возле каждой яхты стоит box без всяких замков, но почему-то никто из завистливой публики, гуляющей вдоль причала, не тырит эту обувь), так вот, обувшись на босу ногу, я иду вдоль причала, фотографируя

Дорогие читатели!

С 1 СЕНТЯБРЯ ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА 1-е ПОЛУГОДИЕ 2017 ГОДА НА ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ STORY

Подписной индекс Story
в Каталоге российской прессы 16627

глазами названия соседних сорока- и пятидесяти-метровых двух- и трёхпалубных красоток и адреса их приписок: BAVARO-LONDON, MAEGAN-SOUTHAMPTON... Ё-моё! Неужели эта каравелла пересекла океан из Саутгемптона, что под Нью-Йорком на острове Лонг-Айленд, где я жил, когда был знаменитым и богатым?! Я останавливаюсь и минуту стою, мысленно оглаживая её по крутым бокам, как свою бывшую землячку. Слава и деньги приходят и уходят, а чувства остаются – когда после двенадцати лет эмиграции я оказался в родном Баку, то, к собственному изумлению, просто не смог удержать себя в образе степенного писателя, а восторженным щенком бегал по улице Низами и обнимал каждый фонарный столб...

Пройдя мимо шлагбаума у входа в марину и скромно отведя глаза от юных Кармен (ах, как гениально сыграл это Спенсер Трейси в фильме «Нюрнбергский процесс» – так, что даже Юлий Яковлевич Райзман не удержался и скопировал этот эпизод в фильме «Коммунист!»), я сворачиваю и по широченному променаду иду под пальмами в сторону Старого города. Меня зовут неоновые вывески CLUB VIP’P, PASHA, IBIZA GRAND HOTEL CASINO. Возле их входов выются и порхают всё те же ночные бабочки с глубокими, до пупка, декольте и высокими, под никауда, оголёнными ножками. Между прочим, по слухам, донесённым до нас Диодором Сицилийским, «двадцать пять веков назад Ибика была центром священной, или культовой, проституции, связанной с поклонением богине Танит», что, если верить археологам, подтверждается найденными тут терракотовыми фигурками сексуального характера. Теперь эти фигурки в изобилии продаются в местных сувенирных ларьках, так же как футболки с изображением всех мыслимых и немыслимых поз сакрального любовного соития. А служительницы «священной культовой проституции», или, как сказано в местной прессе, «представительницы сферы интимных услуг», яростно борются за свои права. «Объединившись в профсоюз, они требуют у властей пенсии, обязательного медицинского страхования и два выходных в неделю, чтобы проводить необходимое количество времени со своими детьми и мужьями...»

Но я скучный тип – я не ловлю «ночных бабочек», не играю в казино, не вожу девиц по барам и не двигаю «косяки» на дискотеках. Профессиональный зевача, я предпочитаю думать, что женщины, обладающие «третьим глазом», сами выбирают себе мужчин для лучшего продолжения рода, и иду дальше от ибицевских соблазнов и попадаю в Старый город. Здесь гремит музыка, здесь, от набережной с парусными яхтами и от мостовой, заставленной сотнями кафешных столиков, убегают вглубь города узкие улочки, тоже густо заставленные столиками. А в крошечных

промежутках меж ресторанов, на пятачках, которые язык не поворачивается назвать площадями, уличные танцоры и гимнасты, прилавки с броской бижутерией, сувенирами, курортными футболками и разноцветными – на все вкусы – кроссовками. И вся эта шумная, разноголосая, молодая и не очень толпа, ярмарка, едальня и выпивоха во главе с белым памятником «А лос Корсариос» в виде фигуры корсара в зюйдвестке гуляет здесь до трёх и больше ночи. (В 2006-м тут будут «тусить» герои моего романа, если я отважусь писать его.) Но за все десять моих ночных, перед сном, прогулок я не встретил здесь ни одного пьяного и не увидел ни одной драки. Даже обидно...

А в это время где-то там, в городе, ещё одна ночная жизнь, покруче: дискотеки Amnesia, El Divino, ОС-10 – те самые, знаменитые, из-за которых, собственно, и налетает-приплывает сюда половина юного мира. Я был на одной из них по имени Ushuaiya – там, под открытым небом, пять тысяч юных особ с полуночи до семи утра танцуют стрип-дэнс, сальсу, хасти, регетон, кизомбу и ещё всё, что в голову взбредёт, под музыкальное творчество знаменитых диджеев Соломона и Биг-Дэна. Начало этому дискоэкстазу положили хиппи, которые повторно, после финикийцев, открыли этот остров в 1966 году и сделали его Меккой бродяг и олигархов. Лично мне понравился только финал этого безумного дискотечного действия, когда всё закончилось ярким и красивым фейерверком. Но почему-то же все местные клубы еженощно забиты тысячами дискоманов со всего мира, и не только молодыми, – я встретил тут и знаменитого московского кинопродюсера не намного младше меня, и пару русских олигархов.

Но что снова разочаровало – а где кураж, ребята? Где скандалы, драки и поножовщина? Ведь пахнет «косячками», ведь нюхают втихую кокаин и глотают таблетки – а в чём тогда кайф, где передоз, если нет мордобоя? Впрочем, кое-что вроде этого порой всё же случается – не без наших, конечно. «30 июля 2013 года британский боксёр Дерек Чисора и украинский боксёр Владимир Кличко, два спортсмена, имеющие давние счёты друг к другу, случайно столкнулись в одном из ночных клубов Ибицы. Зачинщиком конфликта стал Чисора. До масштабной драки не дошло благодаря вмешательству охранников клуба, которые быстро разняли соперников». Вот видите, даже с самим Кличко «до масштабной драки не дошло».

Нет, господа, скучно на Ибике. Ни тебе санкций, ни противостояний, даже с отделившейся Британией, ни падения на колени и вставания с них. Сплошной передоз от солнца, изумрудного моря, испанского вина и молочных ягнят, запечённых с лангустами. Да, побывай Хемингуэй на Ибике, его роман назывался бы «Всего лишь маленький праздник, который всегда с тобой». ©

Volkswagen Polo

Вкладывайте в надежность

Узнай свою выгоду
в Атлант-М!

Что может лазер? Многое! Но главное, он может сварить крепкий кузов для Volkswagen Polo. Уникальная¹ технология лазерной сварки позволяет получать сплошной сварочный шов, благодаря чему кузов Volkswagen Polo обладает высокой жесткостью. А это значит, что даже в условиях сурового российского климата и неидеальных дорог ваш Volkswagen Polo будет много лет оставаться надежным и безопасным.

¹Технология лазерной сварки является редкой для автомобилей этого класса. Комплектация автомобиля, изображенного в рекламе, может отличаться от комплектации, указанной в предложении. Реклама

Volkswagen

Официальный дилер Volkswagen «Атлант-М»

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

Порядок вещей

Всё, что нужно для хорошего настроения, – это приятное отражение в зеркале. А чтобы оно стало совсем приятным...

Лицо как яйцо

Однажды японский правитель Кэйко повелел своему сыну принцу Ямато уничтожить двух братьев-разбойников, которые держали в страхе всю страну. Принц одолжил у жены кимоно и грим, наложил макияж и отправился к разбойникам, прихватив вина. Нарядная красавица тем приглянулась, и они расслабились. Тогда-то принц Ямато и выхватил свой кинжал... У японцев достоверность этой легенды сомнений не вызывает. Там всегда царил культ идеально гладкой кожи, создать иллюзию которой было непросто. На это уходили тонны косметики. И хотя на смену белилам пришли праймеры, консилеры, пудры и хайлайтеры, суть не изменилась. «Лицо как яйцо» – ровное, гладкое и белое – продолжает оставаться эталоном. Смыть косметическое изобилие обычным способом невозможно, поэтому в Японии давным-давно разработан двухэтапный ритуал очищения, который включает удаление макияжа гидрофильным

маслом и последующее глубокое очищение при помощи пенки для умывания. Сегодня этот уход стал популярен и в западных странах.

Именно он вдохновил создателей набора «ИСКУССТВО ОЧИЩЕНИЯ» линии WATER SHOCK от Swiss line. В его состав входят несколько средств, предназначенных для эффективного удаления загрязнений и макияжа. Очищающая успокаивающая эмульсия для нормальной и сухой кожи линии WATER SHOCK наносится на кожу лица и глаз, после чего смывается водой. Очищающий освежающий гель для нормальной и жирной кожи линии WATER SHOCK удаляет остатки водорастворимых загрязнений и макияжа, а также излишки кожного жира и оставляет кожу невероятно свежей. Двухфазное средство удаляет любой макияж, в том числе водостойкий. В набор входит кисточка «КАБУКИ» с ворсинками, пропитанными натуральным углём.

Вот такая молодость...

Ранним утром в тибетский монастырь постучался путник. Человек этот проделал опасный путь, чтобы узнать секрет

эликсира молодости, который хранили монахи. Монах показал иссушенные пальмовые листья, на которых две тысячи лет назад знахари записали рецепт – как готовить напиток. Гость напиток спросил монаха: а не опасен ли он? «Вовсе нет, – ответил молодой монах. – Я пью его каждое утро вот уже сто пятьдесят лет подряд»...

Люди всегда искали средства, позволяющие оставаться молодыми. Наибольшего успеха в этом добились йоги и тибетские монахи. Однако их путь аскезы подходит далеко не всем. Простым смертным на помощь приходит косметология.

Так, Carol Joy London представляет активный ночной крем для кожи лица IV Ever Carol Joy London – омолаживающий и моментально увлажняющий крем, который идеально подходит для любой кожи. Его питающая формула защищает и увлажняет, убирает мелкие морщинки, выравнивает и улучшает цвет лица. Крем работает сразу в нескольких направлениях: гиалуроновая кислота подтягивает кожу и обеспечивает продолжительное увлажнение, палимитол трипептид-5, экстракт белого люпина и керамиды растительного происхождения стимулируют выработку коллагена, а масло золотого проса восстанавливает, защищает и укрепляет кожу.

Чистая красота

Искусство дамской причёски ценилось испокон веков. Расцвета оно достигло во времена

барокко, когда на головах прекрасных дам возводились настоящие архитектурные сооружения с кораблями и клумбами. Позволить себе сделать причёску перед балом могли только самые богатые. Остальные прихорашивались загодя, а потом несколько дней спали сидя. Со временем дамам надоело носить на голове памятники искусства, и причёски стали более лёгки-

ми. Однако их по-прежнему носили неделями, закрепив до железобетонного состояния то отваром льняного семени, то сахарным сиропом. Понимание того, что лучшая причёска – это здоровые, чистые, волосы, появилась лишь в XX веке. Только тогда производители косметики начали разрабатывать и выпускать линии по уходу, которые становились всё совершеннее.

Новая линия по уходу за волосами LUMICIA для исключительного блеска волос от Renée Furterer – мягкий и женственный уход для всех типов волос. Шампунь очищает волосы от загрязнений, делает их блестящими и шелковистыми. Кондиционер мгновенно облегчает расчёсывание и увлажняет волосы, не утяжеляя их. А ополаскиватель придаёт блеск и легко их распутывает. И никаких архитектурных излишеств!

Сила растений

В начале XX века дамы и господа из высшего общества с увлечением занимались спиритиз-

мом. Не избегал этой страсти и ротмистр Ильин. Вот что писали газеты: «Вчера вечером ротмистр Ильин занимался развитием своих медиумических способностей. Задав вопрос духам загробного мира, Ильин услышал за собой неясный шорох, а затем голос спросил: «Ты здесь?» Обернувшись, в полумраке он увидел фигуру с белым лицом и тёмными провалами глаз. Потеряв голову от страха, И. схватил спиритический столик и кинул его в призрак. В результате супруга ротмистра получила сотрясение мозга: женщина перед сном наложила на лицо слой «мази от морщин» и заглянула желать мужу спокойной ночи».

Столетие спустя средства для ухода за кожей лица стали совершенной, и такого курьёза, даже гипотетически, произойти не может. А всё почему? Например, три новые высокоэффективные сыворотки Swisscode Bionic, разработанные швейцарской лабораторией инновационного ухода за кожей Skin Concept AG, обладают прозрачной текстурой и впитываются легко и быстро.

Сыворотки Swisscode Bionic созданы на основе растительных стволовых клеток, содержащих коктейль красоты из полисахаридов, аминокислот и минералов. Особенность растительных стволовых клеток состоит в том, что они не подвергаются старению и обладают отличными восстанавливающими свойствами. В отличие от животных растения не способ-

ны избегать источников опасности. Именно поэтому у них развился внутренний механизм защиты жизненно важных и уязвимых тканей.

В холе и неге

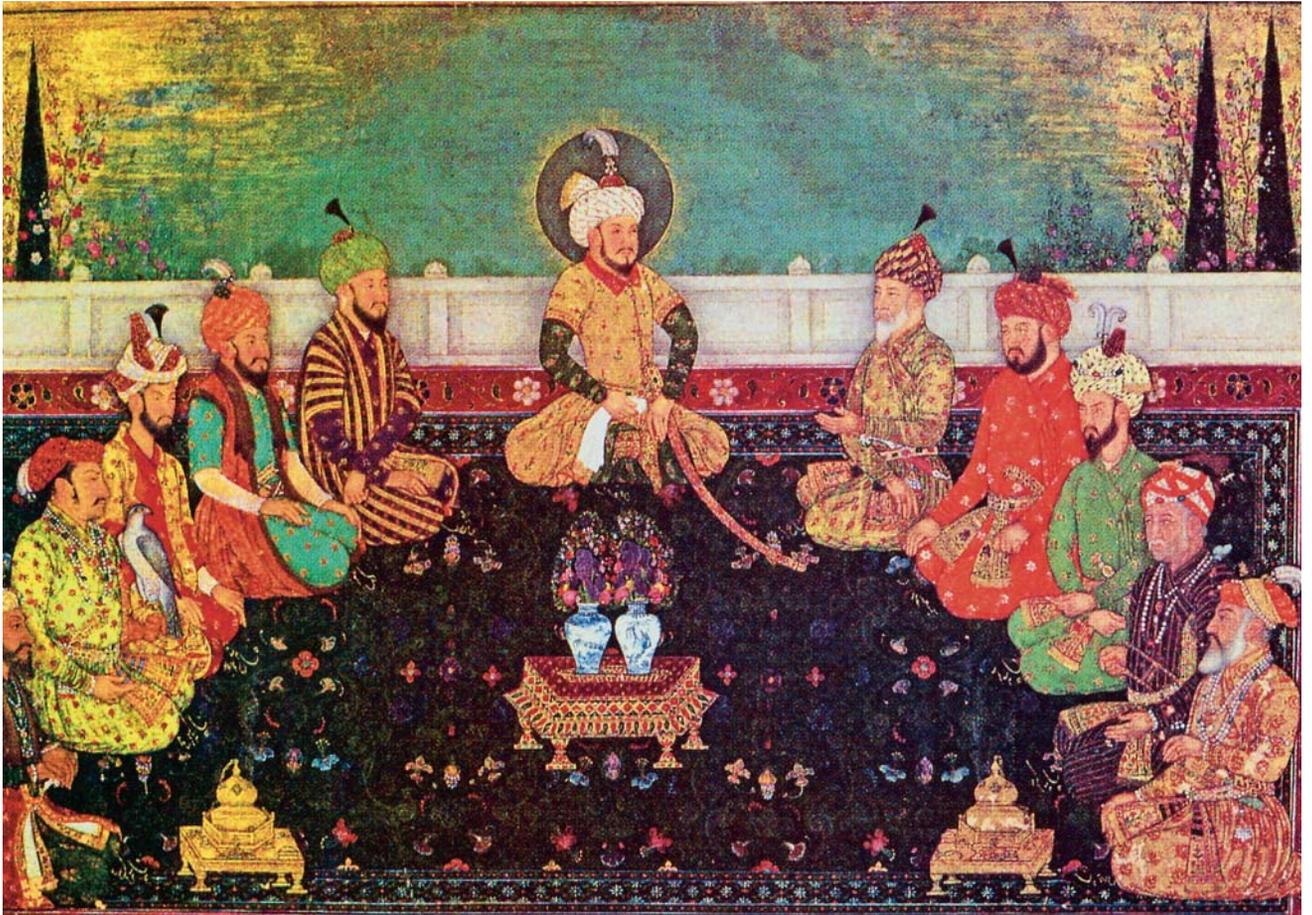
Не так давно египтологи откопали новую порцию египетских древностей. Часть клада составили монеты с профилем знаменитой Клеопатры – и археологи окончательно убедились в том, что у первой красавицы Египта был тяжёлый подбородок, чересчур выпуклый лоб и нос размером с небольшую хижину. Египтологи, большую часть которых составляли мужчины, сделали вывод, что знаменитая покорительница сердец была скорее умной. Однако большинству женщин понятно, что Клеопатра брала не только умом. Царица себя любила и баловала как могла. Она даже составила личный список способов омоложения. Жирное молоко ослиц, душистый александрийский мёд, миндальное, розовое или оливковое масло, порошок алёо... После ванн и притираний её кожа становилась нежной и гладкой, а ухоженная умница всегда смотрится лучше «зачуханной» красавицы.

За современных умниц и красавиц «мёд» собирают косметологи. Уникальная космецевтика Librederm объединила в себе лучшие достижения и разработки косметологии и фармакологии.

Крем Гиалуроновый для лица, шеи и области декольте Librederm позаботится об увлажнении и сияющем цвете лица. Помимо низкомолекулярной гиалуроновой кислоты в формуле крема содержится масло травянистого рыжика – компонент богатый витаминами и жирными кислотами, так необходимыми коже. ☉

Эмир и его жирный город

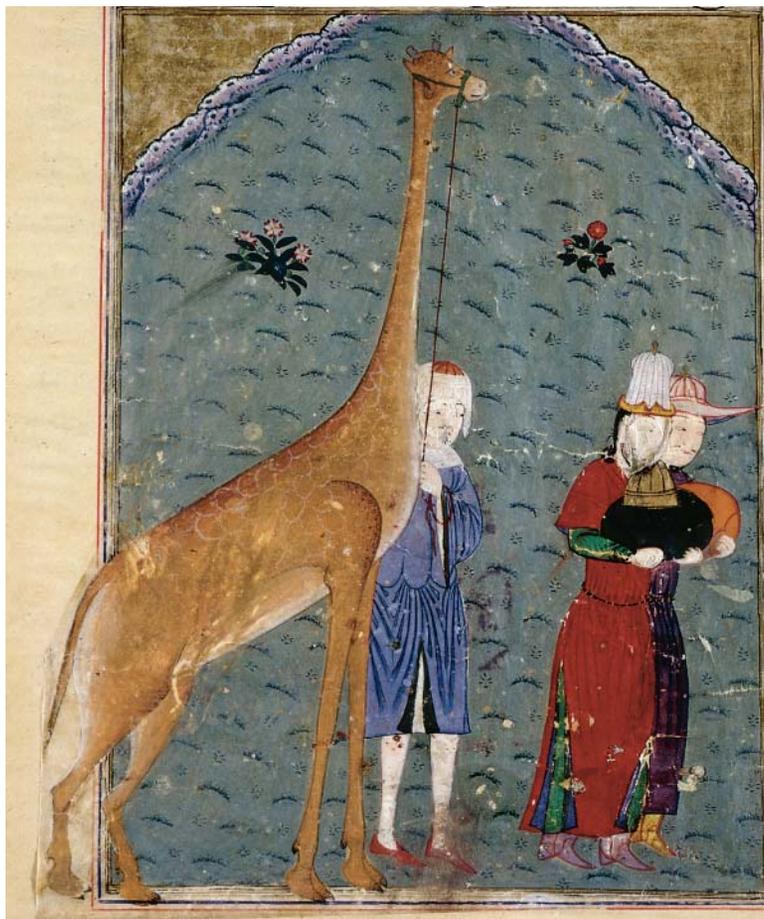

Эмир Тимур ибн Тарагай Барлас, он же Властитель Счастливых Созвездий, он же Аксак-Тимур, Тимур-э Лянг, Тамерлан, что значит «Хромой Тимур», среднеазиатский завоеватель, основавший к началу XIV века огромную империю, закатывал грандиозные пиры. Соответственно своему прозвищу – Великолепный

Тамерлан, родившийся в селе Ходжа-Ильгар, на территории Кашкадарьинской области современного Узбекистана, оставил потомкам, тимуридам, огромную империю в несколько миллионов квадратных километров. В империю входили территории нынешних Узбекистана, Таджикистана, Афганистана, Туркмении, Ирана, Ирака, Азербайджана, Армении, Грузии, Пакистана, Южного Казахстана и большой кусок Турции. Многие богатые города были тогда разграблены и растоптаны копытами коней его армии. Он жестоко подавлял сопротивление, складывал высоченные пирамиды из отрубленных голов и угонял в рабство сотни тысяч людей. Воинственный эмир истребителем носился по Азии, сея смерть, ужас и разрушения. «Земля должна иметь только одного господина, подобно небу, которое имеет только одного бога», – объяснял он своё желание покорить вселенную. Да и не зря же была придумана поговорка, что в одном котле нельзя сварить две головы рогатых баранов. Хотя охотников потеснить Тамерлана не находилось – сухорукого и хромого эмира боялись, как огня. Великий стратег и отличный военачальник, он в каждый поход собирался с умом: заготавливались большие запасы продовольствия, по пути следования армии заранее высылал людей для засеивания полей, воинам выдавал экипировку и деньги на покупку всего необходимого. Каждому десятку воинов полагался котёл, на человека выделялись полмешка муки, запасы курта – сухого сыра, вяленое мясо и турсуки, кожаные мешки с водой. Известны случаи, когда Тамерлан велел уменьшить количество дневной пищи, выдавая каждому воину горсть рубленого мяса, смешанного с мукой, травами и стеблями проса. Войска совсем зачахли без еды. Тогда положенную муку разделили на шесть-

десять дней, приказали сдать все личные съестные припасы и распределить их поровну, а воинов отправили на охоту и на поиски съедобных трав и яиц. Ещё со времён Чингисхана местные жители жили в полубесознательном состоянии от ужаса, соблюдали его законы и не смели бить дичь и зверя с марта

корённых территорий. Бывали времена, когда войска неустрашимого Тамерлана еле плелись из походов, таща награбленные сокровища. Тамерлан несметные богатства не прятал, содержал пышный двор, строил школы и госпитали, обустроивал дороги и мосты. Многие великолепные архитектурные

► Послы египетского султана вручают Тимурю жирафа

по октябрь, чтобы дать возможность прокормиться армии.

Жирный город

Столицей своей империи Тамерлан избрал Самарканд, но в городе бывал редко, предпочитая проводить время если не в очередном походе, то в загородных дворцах. Лучших зодчих и ремесленников того времени он приманивал дорогими дарами или плётками пригонял с по-

сооружения города – символы побед блистательного разрушителя. Говорили, что, прежде чем сжечь Дамаск и Алеппо, Тамерлан повелел сделать чертежи мечетей, чтобы возвести подобные в Самарканде.

Собирая советы, на которых решались важнейшие вопросы по управлению империей, эмир посылал народу тысячу разнообразных яств и тысячу хлебов. Членам совета тоже полага-

лась тысяча яств. Пятьсот блюд с едой получали начальники частей войск. «Эта земля обильна всем – хлебом, вином, мясом, плодами, птицей. Бараны там очень крупные и с большими курдюками, а есть и такие, у которых курдюк весит двадцать фунтов, сколько один человек может удержать в руке. И пара их стоит всего дукат. Хлеб так дешёв, что дешевле быть не может, а риса невероятно много.

шестидесяти четырёх клетках ему было тесно, и он распорядился сделать доски со ста сорока четырьмя клетками, добавив к фигурам лазутчиков, верблюда, жирафа и барабанщика. Пировать он тоже умел. Однажды, после разгрома Золотой Орды, Тамерлан устроил празднество на двадцать шесть дней. Иноземные гости, приглашённые на пиры эмира, теряли дар речи от роскоши и великолепия. А по-

лени и разрезали на куски мясо. На золотые и серебряные блюда укладывали цельные лошадиные окорока без кости, бараньи окорока с костью, лошадиные почки, бараньи головы и тонкие лепёшки, сложенные вчетверо. Вельможи несли эти блюда по двое или по трое. Остальное мясо разносили грудями на кожаных скатертях. Отдельно подавали бульон. Гости уверяли, что на некоторых пиршествах скатерти с мясом носило не меньше трёхсот человек. Из сосудов, вмещавших по три ведра, пили бузу, вино, сливки с сахаром и кумыс. Питьё делали тут же. Перед эмиром ставили треножники, укладывали на них выделанные кожи, наполняли их сливками и кобыльим молоком и палками мешали молоко, забрасывая куски сахара.

Без позволения эмира пьянящие напитки в гостях или дома были запрещены. На пирах пили тоже под его личным контролем. Сам он всегда сохранял голову ясной, слух острым, а глаз зорким. Напитки разливали кравчие, стоя на коленях и держа шёлковый платок, чтобы гость не запачкал одежду. Непьющих за столом не было – не осушить кубок до капли за здравие эмира приравнивалось к оскорблению. А это было чревато – голову от туловища отделяли играючи. Самых крепких выпивох называли, как на поле боя, «батырами» и считали сражение с чашей вина не менее героическим. «Вино они подают до еды так часто, что делаются пьяными, и для них праздник не праздник и веселье не веселье, если они не напьются допьяна», – не уставал восхищаться де Клавихо.

Кто хорошо, сытно ест, тот доблестно воюет, считал эмир, создавший империю не для себя, а для своих внуков и правнуков. «Ибо было ему пророчество, что семьдесят поколений его потомков будут царствовать после него». ☉

РЕЦЕПТ

Войско эмира Тамерлана в двести тысяч с лишком конных и пеших прокормить было сложно. В походе одним грабежом сыт не будешь, особенно если путь лежит через пустынные места, где жители сами перебиваются с лепёшек на воду. Легенда гласит, что однажды Тамерлан, задумав захватнический поход, по совету муллы приказал приготовить такую питательную еду для воинов, которая перед боем укрепила бы их силы и дух. И вроде бы повара готовили плов. Воины до отвала наелись, отдохнули и потом в походе и в бою были как огурчики. Согласно легенде, для приготовления плова мулла рекомендовал взять «большой чугунный котёл, такой старый, чтобы жир от прежней пищи сочился снаружи и загорался от всполохов попадающего на него огня. В этот котёл надо положить мясо не старых, но и не очень молодых барашков, отборный рис, разбухающий от гордости, что будет съеден смелыми воинами, молодую морковь, краснеющую от радости, и острый лук, жалящий подобно мечу высокочтимого эмира. Всё это надо варить на костре до тех пор, пока запах приготовленного блюда не достигнет Аллаха, а повар не свалится в изнеможении, потому что попробует божественное кушанье». С тех пор по всей территории, где прошёл Тамерлан, пусть и по разным рецептам, обязательно готовят великолепный плов, который в народной медицине издавна считается целебным, рекомендуется при истощении организма, а также перед и после выполнения тяжёлой работы.

Так изобилен и богат этот город и его земля, что просто удивительно», – восхищался «жирным городом» Самаркандом испанский дипломат и путешественник Руи Гонсалес де Клавихо.

Мужские занятия

«Помимо войны достойны мужчины лишь три занятия: охота, пиры и игра в шахматы», – говорил Тамерлан, иногда проводя за шахматами целые дни. На

сле строчили в путевых дневниках о целиком сваренных и зажаренных лошадях и баранах, об огромных блюдах «палау» из мяса и риса, мучных кушаньях с мясным фаршем, лепёшках с сахаром и зеленью, ароматных дынях, нежном винограде и восхитительных персиках.

Первым к еде приступал эмир. Прежде чем подать ему блюдо, кравчие в кожаных передниках и нукавниках вставляли на ко-

Новый уровень чувств

ТЕЛЕКАНАЛ

РУССКИЙ
РОМАН HD

Лучшие российские фильмы о любви в HD-качестве

Реклама

12+

ЦИФРОВОЕ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Спрашивайте у вашего оператора платного телевидения

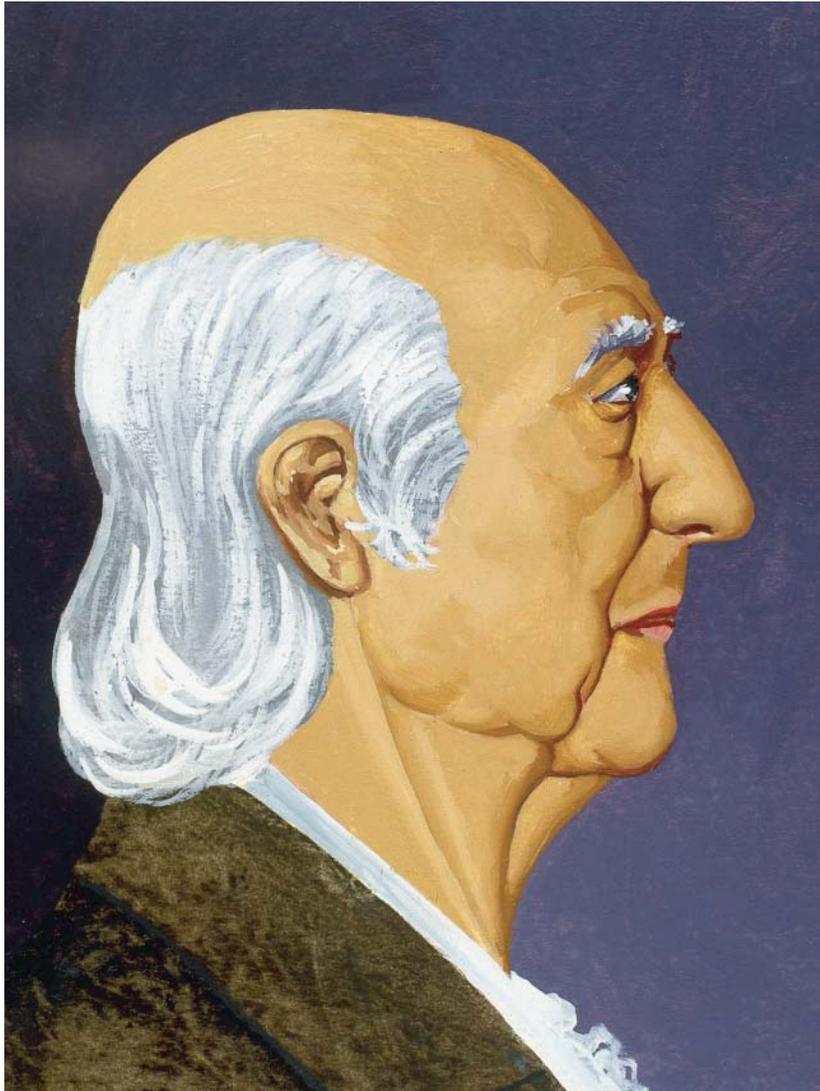
www.rusroman.ru

Педант мысли

У многих рождённых под знаком Девы мысли бродят столь витиеватыми тропами, что пройти по их следам могут не все.

Однако нет ничего такого, чего Девы не смогли бы понять, осмыслить и уложить в систему. Георг Вильгельм Фридрих Гегель, немецкий философ XIX века, когда философия совершала сплошные подвиги, был среди самых искусных укладчиков

ИННА САДОВСКАЯ

Родился 27 августа 1770 года в немецком городе Штутгарте (Вюртемберг). В семь лет был отправлен в Штутгартскую гимназию, в 18 – в Тюбингенский университет и в 21 год получил степень магистра философии. Работал домашним учителем, а с 1801 года преподавал в Йенском университете. Сотрудничал в издании философского журнала, попутно защищал диссертацию, редактировал газету и опубликовал книгу «Феноменология духа», где показано сознание человека и человечества в историческом развитии. В 1808 году был приглашён директором гимназии в Нюрнберге, там продолжил заниматься философскими изысканиями и вскоре написал фундаментальную «Энциклопедию философских наук». В 1816 году опять отправился преподавать в университеты и с 50 лет стал «официальным» философом Прусского государства. Публиковал свои работы, читал лекции и шествовал по жизни в окружении множества учеников. Умер 14 ноября 1831 года, предположительно от холеры.

Карьера

Рождённых под знаком Девы надо с малолетства воспитывать в правильном ключе. То есть подавать личный пример добродетели и благонамеренности. Родители Гегеля отличались педантичностью и бережливостью. Гегелевский папенька, секретарствуя в счётной палате и служа советником экспедиции, большими капиталами похвастаться не мог. Зато блистал любовью к уюту, воздержанностью и неукоснительной аккуратностью, с большой охотой прививая их сыну. Денег у папеньки вечно не хватало, поэтому гегелевская маменька привыкла обходиться без прислуги и сначала сама обучала сына спряжениям и склонениям.

Родительские уроки не прошли даром. Сын у Гегелей тоже рос бережливым и аккуратным, ценил порядок и постоянно делал строгие внушения скачущим и хохочущим одноклассникам, за что был прозван «маленьким стариком». С усердием чернорабочего он вгрызался в учёбу и тратил небольшие карманные деньги на книги. Школьные годы пролетали для него с лёгкостью, потому что учиться он любил. Серьёзные книги Гегель любил тоже, особенно античную литературу, но больше всего любил свои папки, «мельницы цитат», куда складывал листы с аккуратными выписками под разными рубриками – эстетика, филология, психология, история и философия. Порядок есть порядок. Даже в его юношеском дневнике нет описаний подростковых душевных переживаний, любовного томления и прочих терзаний – все мысли только об учёбе. И в итоге – награды и блестящее окончание гимназии.

Так же добросовестно он сидел на занятиях в университете, упорно изучая богословие, накапывая знания, как белка орехи, и аккуратно записывая университетскую мудрость. Служите-

лем церкви Гегель становиться не собирался, а вот размышлять, созерцать и делать выводы ему очень понравилось. Философ в нём пока ещё сладко подрёмывал, но был готов вот-вот проснуться и развернуть широченные крылья.

По окончании университета Гегелю выдали свидетельство о том, что здоровье у него слабое, физическое развитие в норме, рост средний, красноречием он так и не отличился, жестикоулировал вяло, но способности проявил блестящие. Суждения у выпускника были здоровые, память он имел твёрдую, в письме и чтении затруднений не испытывал, вёл себя прилично, трудолюбием особым так и не блеснул, в филологии был сведущ, а вот к философии стараний не проявил.

Предложений такому замечательному молодцу не поступило, и Гегель, собрав свои папки, отправился натаскивать по школьным предметам детей немецких помещиков и купцов. В свободное время он не прекращал много думать, интересоваться политикой, черпать знания из подвернувшихся на жизненном пути домашних библиотек и пытаться проникнуть в тайны мироздания. Он писал трактаты о прекрасной Вселенной и гармоничном устройстве мира, по привычке систематизируя и приводя всё в порядок. Уж очень неприятной и неаккуратной выглядела иногда действительность, поэтому следовало хоть как-нибудь примириться с ней, создав из разрозненных кирпичиков знаний систему, в которой всё будет устроено логично, ясно и понятно. И в первую очередь спокойно и безопасно ему самому.

А когда выяснилось, что от отца осталось небольшое наследство, тридцатилетний Гегель бросил учительствовать по чужим домам и отправился рассказывать о своих размышлениях другим. Другие, в основ-

РЕКОМЕНДАЦИИ

☉ ДЕВА

Если лето беспощадно подчеркнуло расслабленные мышцы и потерянную талию, ещё не поздно проявить силу воли и установить контроль над своей жизнью. Ешьте мало, и будет вам счастье.

☿ ВЕСЫ

Сюрпризы не заставляют себя ждать. Возможны спешная поездка или стремительный роман, которые не дадут заскучать. Душевные терзания оставьте на потом, а пока запрыгивайте на телегу жизни и мчитесь вперёд.

♏ СКОРПИОН

Бесполезно подпирать дверь стульями, мечтая о покое. Предложения руки и сердца, новой работы и инвестиций найдут способ просочиться. Распахните двери, окна, сердце и бумажник.

♐ СТРЕЛЕЦ

Прислушиваться к замечаниям окружающих стоит одним ухом, второе лучше оставить свободным для непрерывно поступающей важной информации. Её рекомендуется использовать в личных корыстных целях.

♑ КОЗЕРОГ

Наступает то самое время, когда большинство представителей знака решатся поставить крест на вредных привычках. Примкните к большинству и проголосуйте за изменения в жизни.

◉ ВОДОЛЕЙ

В ворота месяца робко стучатся надежды. Вооружившись ими, можно уверенно затевать всякие рискованные предприятия. Чтобы появилась возможность с шиком открыть шампанское.

◉ РЫБЫ

Беззаботно пройти месяц вам помогут три весомые составляющие: вера, надежда, любовь. Верить в лучшее, надеяться на успех и возлюбить ближних – и тогда вам сам чёрт не брат.

◉ ОВЕН

Умение сделать первый шаг навстречу неизвестному пригодится в ближайшее время. Тянуть когти за хвост и другие конечности нет никакого смысла. Неизвестное если не порадует, то уж точно не огорчит.

◉ ТЕЛЕЦ

Месяц высветит все углы, и даже тем, кто считает, что судьба и за печкой найдёт, не останется ничего другого, как вылезти на свет божий и, засучив рукава, взяться за работу.

◉ БЛИЗНЕЦЫ

Финансовые партнёры сейчас доверчивы, как телята. Берите их тёплыми, заключив сделки и контракты. Однако, внимательно читая документы, прежде чем поставить подпись, вы уменьшите свои проблемы.

◉ РАК

Бунтарское настроение, подтачивая вашу некрепкую нервную систему, может нанести урон отношениям с окружающими. Убеждать их в некомпетентности лучше всего с глазу на глаз.

◉ ЛЕВ

Трудноразрешимые вопросы соберутся атаковать ваше благополучие с начала месяца. Вышлите дозоры, выставьте секреты и устройте контрольно-пропускные пункты, призвав на помощь проверенных друзей.

ном студенты, не понимая то, что пытался втолковать им профессор, засыпали на лекциях или вообще сбегали с занятий. Вместе с ними утекали и деньги, которые приват-доцент получал за каждого слушателя. Уже успевший примириться с действительностью философ перебирал папки и невыразительно бубнил о том, что, по его ладной системе, мир есть свободный великий разум и что всё действительное необходимо, прекрасно и устроено логично и целесообразно. И нечего суетиться, бороться, лезть к такому прекрасно устроенному миру со своими чувствами и желаниями, разрушать уже имеющийся стройный порядок и создавать неразбериху. В общем, «смотри, радуйся и будь счастлив».

Говорить на публику он не любил и не умел, имел у студентов прозвище «деревянный Гегель» и долго разгонялся, чтобы заговорить живо и с блеском в глазах. Записывать свои мысли было куда проще. «Разум есть высший орган понимания, самая жизнь есть деятельность разума», – объяснял профессор скучающей аудитории, которая спустя двадцать лет будет ловить каждое его слово и ходить за ним по пятам, изо всех сил стараясь осмыслить то, что говорит гений. И безоговорочно признавать в нём того, кто сумел дать человечеству ответы на все возникающие тогда вопросы, и верить его призыву «всё надо понять и всё надо объяснить».

Во власти тогда тоже заседали не дураки. Гегелевская философия с упором на то, что всё существующее разумно и не нуждается в преобразовании, что всё надо укреплять, а не расшатывать, что государство всемогуще и призвано направлять деятельность гражданина, пришлась им по вкусу. Профессора, который не был в восторге от прусской власти, однако верил, что разум и здесь восторжествует, под белы ручки про-

водили на кафедру в Берлине, разрешили ораторствовать сколько душе угодно и дали возможность до последнего дня жизни совершенствовать свою великую философскую систему. Система была так монументальна, что для её краткого изложения тогда потребовалось десять томов. Почитатели называли её «блестящей программой, которую человечеству остаётся только исполнить», а скептики вроде Шопенгауэра – «самой грубой из когда-либо известных мистификаций» и «свидетельством немецкой глупости».

Характер

С Девами всё непросто. Они слеплени из такого тупого, неэластичного теста, что редко кому удаётся подмять их под себя. Гегель был той же породы – одиночка и себе на уме.

С одноклассниками он в игры не вступал, предпочитая гулять поодаль или торчать с книжкой, стараясь вникнуть в природу вещей. Другим мальчишкам поваляться бы и подраться, а маленький Гегель сядет в стороне, нахохлится и давай гонять туда-сюда мысль о необходимости человеческих противостояний вообще и драк в частности. И ведь думать будет до тех пор, пока вывод какой-нибудь для себя не сделает. Или вот однажды бежал мимо ученик да треснул Гегеля просто так, без всякого на то основания. Юный мыслитель обидчика догнал, но вместо того, чтобы треснуть в ответ, давай мучить расспросами: почему, мол, ударил, зачем и какое в этом веселье? Обидчик на вопросы отвечать отказался и ещё раз отдубасил Гегеля, уже за то, что надоел. Или, например, ест Гегель вишню. И ведь опять не просто косточками плюётся, а так глубоко задумается о вишне как таковой и процессе её поедания, что надолго застынет столбом, сжимая ягоды в кулаке.

А жизнь вокруг кипела, революционная Франция уже ка-

рабкалась на баррикады, требуя свободы, равенства, братства и волнуя юношеские сердца. Французская революция растормошила даже его, уравновешенного и малоподвижного увальня, и заставила весенним утром замотаться в плащ и отправиться сажать деревце свободы. Впрочем, горячился Гегель недолго, рассудительность и любовь к упорядоченности перевесили желание обрушить привычный мир. Террористы же вообще внушали ему смертельный ужас, а кровь – отвращение. Поэтому он быстро закончил петь оды революции – порядок был ему ближе и привычней. «Мой отец имел полное основание быть недовольным мною», – временами грустил благоразумный Гегель, вспоминая, как в юности шёл на поводу одноклассников, тратил время на всякие глупости: нюхал табак, выпивал, играл в карты и фанты. Товарищи тогда посмеивались и советовали ему не прошивать свои исключительные мозги.

Девы – ярые приверженцы дисциплины. Заняв пост директора гимназии, Гегель быстро закрутил гайки: «Смысл образования заключается в том, чтобы искоренить любые индивидуальные проявления фантазии и мысли, которые могут возникнуть у молодёжи. Мысль, как и воля, должна начинать с послушания». Ученики говорили, что еле ноги уносили, когда совались в кабинет директора без его приглашения. Но вместе с тем Гегеля любили и гордились, что гимназией руководит профессор с энциклопедическими знаниями. В университете он требовал дисциплины от студентов, хотя сам иногда так глубоко задумывался, что путал часы начала занятий, приходил раньше и читал лекции совсем другим слушателям.

Студенты не понимали преподавателя, а тому было наплевать. Через тех, кто с трудом проридрался сквозь его размыш-

ления и считал его философское мировоззрение слишком замороченным, Гегель невозмутимо перешагивал, считая их умы «тривиальными, опошлелыми от собственной тривиальности». Таким скорбным умом слушателям он не собирался ничего разъяснять, а если и снисходил до разворачивания мысли, то в редких случаях. Вопросов профессор не терпел, несогласия – тем более и если внезапно наткнулся на оппонента, то разделялся с ним с лёгкостью ножа, мажущего масло на хлеб. Свою стройную систему он признавал сложной только для недоумков, но никак не для людей с философским пониманием. А когда «недоумки» начинали слишком докучать гению, он, самодостаточный до мозга костей, отправлялся куда подальше. «Природа примиряет меня с самим собой и с другими людьми. Поэтому я так часто ищу защиты у нашей истинной матери. Она помогает мне отгородиться от людей и не вступать с ними в какие-либо соглашения».

Личное

Девы так устроены, что могут вполне обойтись без семейных уз. Но если жизнь подкидывает хорошую каргу, то почему бы и не попытаться сыграть в игру? Подростком Гегель тосковал по смелой и гордой Антигоне, героине трагедии Софокла. На роль Антигоны современницы не тянули. Надо сказать, что «милые и достойные представительницы слабого пола» на невзрачного, неловкого и длинноносого мыслителя тоже внимания особо не обращали. Потосковав по древней гречанке, Гегель ненадолго влюбился в дочь профессора теологии, а потом вообще растормозился и, беря пример с университетских товарищей, стал волочиться за пухленькими блондинками, играть в фанты на поцелуи и бегать к черноглазой модистке. Эта модистка наплела ему венков, со-

хранила его письма и томилась всю жизнь в старых девах, ожидая, когда среди мыслей о мироздании у Гегеля шевельнется и мыслишка о браке.

Жениться он не собирался по причине безденежья. «Никакая любовь не бывает столь сильна, чтобы заставить удалиться в пустыню, отказаться от удобств и жить одной любовью», – практично прикидывало будущее светило философии. Ни в пустыню, ни в другие малоприятные места удаляться ой как не хотелось, но некоторые дамочки так внимательно умели слушать, что грех было не рассказать им и о диалектике, и о здоровом аппетите в наслаждениях. Правда, однажды образовался неожиданный плод познания действительности. Внебрачного ребёнка Гегель признал, помогать не отказался, скандал замяли, и он с облегчением отбыл преподавать в иногородние университеты.

Заставить сорокалетнего холостяка пересмотреть свои взгляды на женитьбу смогла Мари фон Тухер, голубоглазая фройляйн из respectable семьи. Жених был умён, а невеста добродушна. Мари мужем восхищалась, его инструкциям по строительству идеальной семейной жизни внимала с уважением и сумела создать уютный уголок, похожий на дом его родителей. Всё было чинно и благородно: вкусные обеды, вычищенный дом и двое умытых сыновей. И милый сердцу Гегеля порядок. У него появились новые папки, в которых хранились аккуратные записи домашних расходов, ибо «жизнь выше средств есть первый источник безнравственности и несчастья». «У кого есть цель в жизни и хорошая жена – у того есть всё», – повторял счастливый глава семьи, без суеты и спешки работая над новой книгой. У него было всё: жена, дарящая сплошные радости, и цель, одна и та же на протяжении многих лет, – понять этот мир. ☉

Архивности

«В Марьиной Роще найден человеческий череп. Судя по отделке, он принадлежит для научных целей какому-нибудь медику. Полиция разыскивает владельца, потерявшего череп».

«Жизнь», 1901

«Король Альфонс XIII носит ещё и титул «короля моды». Недавно он загнул свои панталоны, и с его лёгкой руки или, вернее, ноги все франты теперь загибают кончики брюк».

«Жизнь», 1913

«С наступлением вечера нашим барышням стало невозможно ходить по парковым аллеям. Компания приказчиков и гимназистов бросают им на платья горящие спички, светят в лицо карманными фонарями, отпускают плоские шутки или даже обнимают. Полиции нет, защитить барышень некому. Если это хулиганство не прекратится, мы предадим гласности фамилии безобразников».

«Саратовская газета», 1910

«В Петербурге прошёл шахматный турнир памяти М. Чигорина. Мастро казались оробевшими и двигали фигуры после бесконечных раздумий. Под их черепами бушевали ураганы вычисления, видимо более утомляющих, чем ведущих к цели. Победитель, г-н Рубинштейн, – юноша с малоинтеллигентным лицом. Но небольшой лоб его хранит гениальную память на шахматные комбинации...»

«Новое время», 1909

«В Воронеже для продуктивной борьбы с крысами населению стали выдавать по 5 копеек за каждый доставленный труп крысы. И каков же результат? Количество грызунов мгновенно возросло, так как многие горожане развели у себя в домах целые крысиные фермы».

«Городская газета», 1900

«Иеромонах Илиодор, новоявленный спаситель отечества, повсюду ораторствует о подсчёте в каждом городе безбожников и дураков, с которыми будет произведена расправа. В народе наблюдается тревожное настроение. На базарах толкуют о скором бунте».

«Петербургский листок», 1912

«В Париже арестован писатель Анполинэр за соучастие в краже египетских статуэток из Лувра его секретарём Островским. Анполинэр – псевдоним русского уроженца Костровицкого».

«Русь», 1911

«Статистика состояния автомобилизма в Москве за последние три года: на 1 августа 1909 года на городском учёте состояло 264 автомобиля, на 1 августа 1910 года – 518 автомобилей, на 1 августа 1911 года – 826 автомобилей».

«Ежегодник автомобилиста», 1911

«Трепетная, готовая любить до последнего вздоха, желаю брака с пожилым или немощным господином, очень богатым. Почт. отд. № 2, предъявителю билета № 159».

«Брачная газета», 1906

«РУССКАЯ КОСА»
BY
NATURA SIBERICA

ДАРЬЯ ГУБАНОВА,
«РУССКАЯ РАПУНЦЕЛЬ»
ОТРАЩИВАЕТ ВОЛОСЫ
НА ПРОТЯЖЕНИИ 13 ЛЕТ,
ПОЛЬЗУЕТСЯ ШАМПУНЕМ
NATURA SIBERICA

«РУССКАЯ КОСА» –
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНКУРС,
ВОСПЕВАЮЩИЙ
РУССКУЮ КРАСОТУ

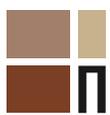
ГЛАВНЫЙ ПРИЗ
КВАРТИРА
В МОСКВЕ*

KONKURS.NATURASIBERICA.RU

* Дополнительную информацию об организаторе, о правилах проведения конкурса, о призах и их количестве, сроке, месте и порядке их получения смотрите на www.konkurs.naturasiberica.ru.

РЕКЛАМА

18+

AFI RESIDENCE

Павелецкая
квартал на набережной

Живи в центре!

**Новый
клубный квартал на
Павелецкой набережной**

afi-residence.ru

8 800 500 58 85